A close-up, black and white portrait of Alexander Shirvindt. He is wearing glasses and a patterned scarf, looking directly at the camera with a serious expression. His right hand is raised to his face, with his fingers resting near the temple of his glasses. The background is dark and out of focus.

Александр Ширвиндт

*Проходные дворы
биографии*

Как писал Пушкин: И льль веков
от хартий отрянув, правдивые
сказанья переписет... Недавно
мне пришло в голову, что переписет
– это не освежит, а даст другую
версию. Очень страшно, когда
твою жизнь будут переписывать.
Умрешь, и перетряхнут все твои
койки, письма. Так потихонечку
индивидуальность превращается
в версии исследователей.

А то и вообще перепутают тебя
с кем-нибудь другим...

Как-то меня спросили: если бы
у меня была возможность после
смерти вернуться в виде какого-то
человека или вещи, что это было
бы? Я ответил: флюгер. У Саши
Черного в стихах есть два желания:
«Жить на вершине голой, / Писать
простые сонеты... / И брать от лю-
дей из дола / Хлеб, вино и котлеты».
И второе: «Сжечь корабли и впере-
ди, и сзади, / Лечь на кровать, не
глядя ни на что, / Уснуть без снов
и, любопытства ради, / Проснуться
лет чрез сто».

(«Проходные дворы биографии»)

Александр Ширвиндт

Александр Ширвиндт

Проходные дворы биографии

Кolibри

Москва

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8
Ш64

Дизайн и художественное оформление
Александра Трифонова

Ширвиндт А.А.

Ш64 Проходные дворы биографии. – М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 312 с., ил.
ISBN 978-5-389-05590-2

Новая книга Александра Ширвиндта – не размеренное и скучное повествование. По словам самого автора: «Это не литература и не скрупулезная биографическая справка. Это – чехарда воспоминаний». О самых непростых моментах жизни Ширвиндт рассказывает в знаменитой ироничной манере, безо всякого снисхождения к себе и другим. Итак, «Проходные дворы биографии». Маршрут простой: от самого начала, от родильного дома, до, слава богу, пока не самого конца».

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8

ISBN 978-5-389-05590-2

© Ширвиндт А.А., текст, 2013
© Трифонов А.Ю., дизайн, 2013
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Колибри®

Сегодня у каждой дырки стоят охранники и шлагбаумы, и уже с трудом вспоминаешь счастливое время, когда Москва, как организм, нашпигованный сообщающимися сосудами и капиллярами, была пронизана проходными дворами. И, войдя в любой двор, например, на Арбате, при умелом маневрировании можно было выйти где-нибудь в Марьиной Роще.

Захотелось ностальгически пройтись «проходными дворами биографии». Если по возрасту наткнемся на склеротический шлагбаум, обойдем другими дворами.

Зачем это надо? Во-первых, чтобы нынешние не повторяли наших ошибок и, во-вторых, чтобы срочно захотели бы их повторить.

Раньше в журнале «Наука и жизнь» была рубрика «Советы бывалых», где бывалые делились рецептами существования – бытовыми, философскими, возрастными... Может, какие-то из этих отрывочных воспоминательных просветлений принесут минимальную практическую пользу.

Это не литература и не скрупулезная биографическая справка. Это – чехарда воспоминаний.

Чтобы писать мемуары, нужна специфическая память. Я запоминаю общий абрис своего бытия. Кто-то, может, всего один раз сидел у Эфроса на репетиции, но подробно расскажет об этом методе и чем он сменился потом. Я же читаю это и думаю: «Как интересно!» Хотя сыграл у Эфроса с десяток главных ролей.

Вообще присовокупление себя к каким-то хрестоматийно значимым фигурам или явлениям всегда выглядит противно. Даже если это не полное вранье. Например, я учился в одном классе с Сережей Хрущевым. На этом можно сделать биографию. Вот тебе, пожалуйста, смысл жизни. Если ничего больше не получилось. Этот – ученик Мейерхольда, тот – соратник Вахтангова. А проверить нельзя – все перемерли.

Но главное – я ничего не помню. В отличие от моей жены. Каждое утро, просыпаясь, она говорит мне, допустим: «Сегодня день рождения предпоследней жены такого-то нашего друга», или: «50 лет назад родилась вторая дочь от третьего брака Козакова», или: «Ты не забыл, что сегодня день свадьбы наших соседей» (которые уже давно умерли)... Я смотрю на нее с ужасом и не устаю повторять одну и ту же фразу: «Тебя надо госпитализировать».

Все провалы моей памяти будут вынужденно заполняться ее злопамятностью. Боюсь, что эта книжка будет состоять из воспоминаний супруги.

Моя жена все отдает в Театральный музей имени Бахрушина. Сначала ей было жалко расставаться с тем, что годами собирала: газетные публикации, афиши, фото из спектаклей и со съемок фильмов, грамоты, письма и поздравительные телеграммы друзей и поклонников. Но тут умер первый муж моей мамы, архитектор по фамилии Француз (национальность, правда, фамилии не соответствовала). Он автор многих построек в Москве, в том числе Мавзолея Ленина. Работал в мастерской у Щусева. Как это принято в архитектурном мире, первой всегда стоит фамилия руководителя мастерской, а уж потом – фамилии фактических авторов проекта. Так с годами осталось только имя Щусева, хотя настоящим автором был Француз. Папаша мой отбил маму у Француза – тот, бедный, остался и без Мавзолея, и без мамы.

И когда после смерти разбирали его архив, обнаружили очень красивый акварельный портрет моей мамы, сделанный много лет назад. И нам предложили его взять. Мы приехали и увидели жуткое зрелище: по всей квартире валялись бумаги, письма, эскизы, рисунки – никому не нужные, готовые переместиться на

помойку. Вернувшись домой, жена позвонила в Бахрушинский музей и сказала: «Я согласна, забирайте!»

Но важно, чтобы и те документы, которые хранятся дома – справки, счета, выписки из больниц, – были как-то упорядочены, а не лежали кучей. Если на конверте написано «Глаза» – понятно, что это про глаза. «Счета за гараж» – понятно, о чем речь. Но когда все документы лежат в одном конверте, это становится очень опасным.

Мой друг «мужской доктор» профессор Армаис Камалов повел меня однажды на консультацию к гению урологии академику Лопаткину. Он светоч, уже никого не принимает, ему 400 лет, но так как мой друг – его ученик и я где-то на слуху, он согласился побеседовать. И попросил принести с собой все выписки, чтобы понимать, что происходит. Я бросился в шкаф к Наталии Николаевне, цапнул конверт, на котором написано «Шурины болезни», и поперся к светилу. В кабинете сидел старый красавец, а все стены были завешаны благодарностями от предстательных желез Наполеона, Навуходносора, Эйнштейна и т.д. Я дал ему бумажку, он надел золотые очки и долго читал огромный лист. «Так, понятно», – наконец произнес он, снял очки и вежливо спросил: «И чем я могу помочь?» Я несколько удивился, потому что не понял, какие могут быть варианты его помощи. «Видите ли, – сказал академик, – я не очень в этом разбираюсь, но, если что-то конкретное, я с удовольствием подключусь. Только скажите, куда можно стучаться». Я думаю: куда же ему стучаться, кроме урологии?

Продолжалась эта бодяга довольно долго, пока я не попросил у него свои листки. В конверте «Шурины болезни» лежал «Протокол совещания ЖЭКа высотного дома по вопросу создания товарищества собственников жилья». Все выступления – «доколе» и «когда». Он читал это минут десять. И был готов помочь.

В Бахрушинском музее работают замечательные женщины, получающие «три копейки» в год. Это настоящий крематорий с ячейками, где лежат личные дела артистов. Пухлость этих папочек зависит от алчности значимости и от того, сколько вдовы принесли документов. Бывает, человек нулевой, а досье на него огромное. А у гениев всего лишь один листочек лежит.

Как писал Пушкин: «И пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет...» Недавно мне пришло в голову, что переписет – это не освежит, а даст другую версию. Очень страшно, когда твою жизнь будут переписывать. Умрешь, и перетряхнут все твои койки, письма. Так потихонечку индивидуальность превращается в версии исследователей.

А то и вообще перепутают тебя с кем-нибудь другим. Хоть Ширвиндтов не так много, но тем не менее путаница огромная. Особенно если из фамилии образуется термин. Так, например, в медицинском словаре есть такое понятие:

Ширвиндта микрореакция – метод экспресс-диагностики сифилиса, основанный на образовании преципитата в смеси небольшого количества сыворотки крови больного сифилисом с цитохолевым антигеном; носит ориентировочный характер, положительный ответ требует подтверждения по принятому комплексу серологических реакций.

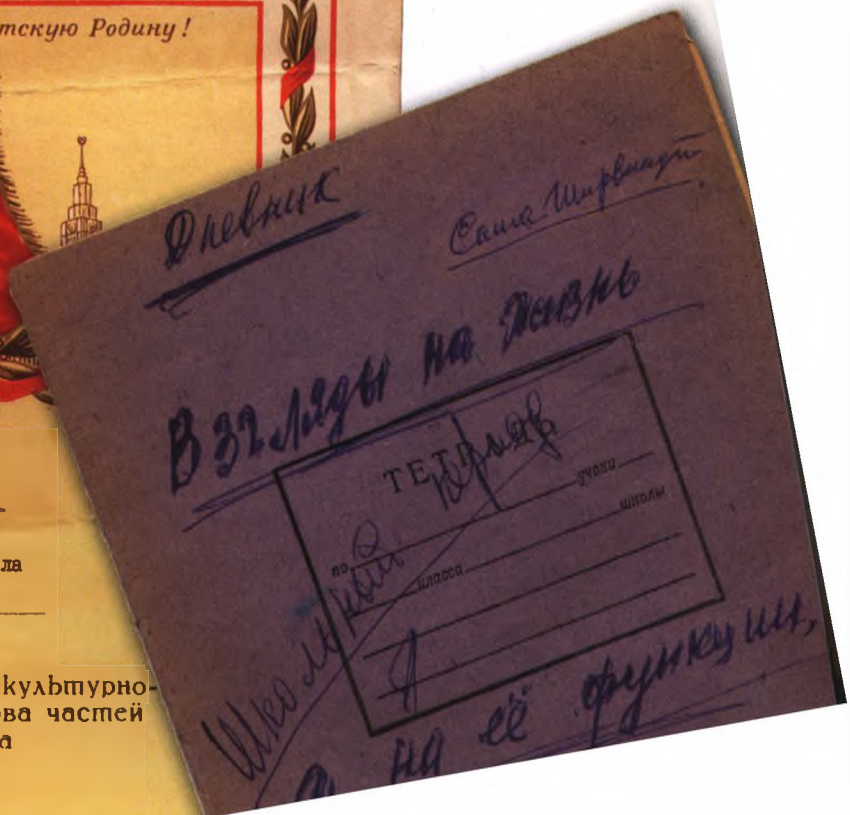
В нашей круговерти дикое ускорение забвения. Очень бы не хотелось остаться в веках автором метода диагностики сифилиса.

Что я такое? Рожденный в СССР, доживающий при социализме с капиталистическим лицом (или наоборот).

Я думаю, что клонирование придумал Гоголь в «Женитьбе»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...» Так вот, если бы это – сюда, а это – сюда, так, к сожалению, не получается. С клонированием собственной биографии не складывается. Какой уж получился! Терпи!

Итак, «Проходные дворы биографии». Маршрут простой: от самого начала, от родительного дома, до, слава богу, пока не самого конца.

На парашуте

Когда еще не существовало «вставной челюсти» Москвы – Калининского проспекта, а ныне Нового Арбата, там была Собачья площадка на стыке с Поварской, дровяной склад на углу Мерзляковского переуллка, откуда мы перед войной воровали дрова, а напротив, рядом с рестораном «Прага», стоял огромный роддом Грауэрмана. В нем я и родился. Потом построили Калининский проспект, а роддом решили выселить, и нам звонил главный врач, просил спасти роддом. Мы ходили в разные инстанции, рассказывали, что в нем родились Булат Окуджава, Марк Захаров, Михаил Державин, Андрей Миронов и масса других знаменитостей. Все возмущались, как можно закрывать роддом, но чиновники привели аргумент: мол, роженицам шумно рожать. Они, видимо, знали, что рожать надо в тишине. А поскольку мы оказались не очень опытными акушерами, то не нашлись с доводами. И роддом кончился.

• • •

Я жил в Скатертном переулке. Это не очень далеко от Арбата, но все-таки у нас был свой отдельный мегаполис. Огромный архипелаг проходных дворов. Дворовая мафия казалась доброй и наивной. Нашу банду возглавлял атаман по фамилии Кроликов. Он погиб во время игры.

Тогда в домах еще существовали старые лифты с резными сетчатыми дверями. Обычно лифт едет, когда дверь закрыта. А тут можно было дверь не закрывать, просунуть руку, нажать на дверной замочек, и лифт ехал. И эти дворовые бандиты устраивали такие игры: на верхнем этаже цеплялись за дно лифта, спускались

вместе с кабиной вниз и, подъезжая к нижнему этажу, спрыгивали. А Кроликов не успел спрыгнуть, и его придавило лифтом.

Во дворе происходили какие-то разборки, но до настоящей поножовщины не доходило. Меня опекали – бандиты защищали своего «интеллигентика». В соседних же дворах меня не обижали, потому что знали – наши могут отомстить.

Мы тогда все росли во дворе. Ребята кричали друг другу в окна: «Выходи!» Прочел недавно анекдот. В большом дворе стоят два парня и кричат наверх: «Марь Иванна, Марь Иванна!» Из окна высовывается женщина. «А Петя выйдет?» – «Ребята, Петя не выйдет, у него – пожизненное».

• • •

Мы с другом выходили (все-таки выходили) в 8 утра из дома с бутербродами и учебниками и шли к Никитским Воротам, в «Кинотеатр повторного фильма». Первый сеанс был в 8.20. Там за 10 копеек мы садились в тепло. Смотрели «Танкер «Дербент». Фильм заканчивался около 10, мы выходили на Никитский бульвар, завтракали и шли на Арбатскую площадь, до кинотеатра «Художественный». Там сеанс был в 11.00. «Танкер «Дербент». В 13.00 выходили и в половине второго были уже дома – «из школы».

• • •

Помню учительницу Елену Николаевну, она преподавала у нас с 4 по 7 класс. А потом ее выгнали из школы, потому что в нее влюбился наш пионервожатый. Он учился в 9-м классе. Был страшный скандал: у мальчика роман с учительницей! Это же происходило в конце 40-х. А учительница была совсем молоденькая – лет на пять старше девятиклассника. В общем, ее выгнали. А он на ней женился. И они прожили более 60 лет, до самой кончины Елены Николаевны.

• • •

Я тоже был пионервожатым. В 110-й школе вместе со мной учились сыновья Буденного, и я был пионервожатым у Сережи Буденного, чем до сих пор горжусь.

Наш класс с тех пор, как мы окончили школу (а окончили мы ее в 1952 году), ежегодно собирается на встречи. Это патология. Еще большая патология, что наш одноклассник, а в дальнейшем старший научный сотрудник НИИ дальней радиосвязи, Виля Гундоров полвека ведет альбом, в который записывает и клеивает все, что касается класса. Он скрупулезно пересчитывает нас каждый год. На 30-летию школы нас набралось больше всего – 19 человек, а меньше всего почему-то в 2003-м – 8. Причем показатели посещаемости у каждого разные. Так, к 1992 году, то есть за 40 лет, староста класса, к сожалению, ныне покойный, Боря Агеев (между прочим, был доктором технических наук) приходил 31 раз, Слава Перелешин, тоже уже покойный, – 19, Александр Добров – 29. Столько же раз приходил сам Вилька.

К 2001 году 11 раз мы собирались у Марка Рутмана. Кроме него, из самых стойких завсегдатаев ностальгии можно назвать еще Михаила Бермонта, Толю Дубмана и Михаила Курепина. А первый раз мы встретились в 1955-м у Николая Кулешова. Купили огурцов, черного хлеба, водки и колбасы по 1 руб. 70 коп. А потом решили себя ни в чем не ограничивать и собирались уже в «Праге», «Арагви», ресторанах Дома актера, Дома кино, Дома журналистов... Все доказательства предъявлены – в альбом вклеены счета за разные годы. Вилька всегда может напомнить нам, что в 1974-м в ресторане Дома кино мы взяли 5 бутылок водки по 6 рублей, 2 бутылки вина по 2,80, заказали капустки, телятинки, мороженого. В итоге посидели на 101 рубль. А в 1976-м в Домжуре разгулялись уже на 149 рублей. По этим встречам, кстати, можно проследить, как в России дорожала водка: если в 1974-м бутылка в ресторане стоила 6 рублей, в 77-м – 6,45, в 79-м – уже 8,60. В 1987-м, при Горбачеве, мы все на снимках по понятной причине трезвые. Фотография подписана лаконично, но масштабно: «Перестройка и мы». Кстати, начинал Виля снимать «лейкой», потом перешел на «Зенит», а теперь уже обзавелся цифровым фотоаппаратом.

Некоторые пробелы в статистических данных в альбоме восполняют сами одноклассники. В 1977 году там появилась

На маршруте

А. А. Ширвиндт.

ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ им. Б. В. ШУКИНА
(В У З)

при Государственном ордене Трудового Красного Знамени
театре им. Евг. Вахтангова

Театральная правда — это
собственный добрый ритм, индивидуальный
голос, движение, настроение, идея,
образ, созданный воображением
художника и возмеченный актёром.
Дуэто.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ
≡ Б И Л Е Т ≡

1955/56 учебный год

Б. Захарин
М. Виноградов, Г. Шолохов

Москва, Арбат, улица Вахтангова, д. 12
Телеф. Г 1-56-44, Г 1-01-46

И. Яковлев

Ширвиндт
Кашинский
Сидоров

надпись: «Братцы! Я не был на встречах с 1962 года. То есть 15 лет я был жопа. С сегодняшнего дня я больше не жопа».

Когда на телевидении выходила передача «Однокашники», сгнали наш класс. Зрелище, конечно, не очень аппетитное. Самое смешное, что после передачи мне каждый второй позвонил и сказал: «Ширва (моя школьная кличка), тут мои смотрели передачу и говорят, все очень изменились, и только ты да я почти такие же, как раньше». Потом следующий звонит: «Слушай, тут мне жена выдала: «Ты и Ширва лучше всех выглядите!»

Отходим от школы и через Скатертный переулок, минуя Хлебный и пересекая Поварскую, попадаем в Большой Николопесковский переулок, в училище имени Щукина (ныне институт).

В артисты я поступал трудно. Помню, пришел к ныне покойному Иосифу Моисеевичу Раевскому, замечательному мхатовскому режиссеру. Старая уютная квартира, обставленная настоящей мебелью, и сам он уютный, неизменно пахнущий хорошим коньячком. А я принялся терзать его «Медным всадником», причем на словах: «По мшистым, топким берегам / Чернели избы здесь и там», – протер руку к потолку для пущего эффекта. Тут он меня остановил: «Одну минуточку. Скажи мне, мой дружок, ну где *там* избы?»

• • •

Театральная педагогика – штука скользкая и коварная. Шею себе свернуть на ней проще простого. Часто сетуют, мол, преподавательский ценз снизился, в учителя идут несостоявшиеся актеры. Тезис, на мой взгляд, вредный. Есть потрясающие артисты, близко не понимающие, что надо делать со студентами, чему и как их учить. И в то же время никогда не работавшие на сцене и в кино люди порой оказываются гениальными преподавателями. Это разные профессии. Бывают, конечно, счастливые совпадения, как, например, в моем случае... Меня же учила великий

На маршуте

•

педагог Вера Константиновна Львова, которая была, мягко говоря, минимальной актрисой.

Кроме мастерства актера нам преподавали марксизм-ленинизм, западную и советскую литературу. Все эти предметы по причине педагогической дефицитности вел преподаватель Шохин, интеллигентнейший человек, который перед входом в училище всегда вздыхал, зажмурился и нырял внутрь, как в прорубь. Он не мог видеть этих все время врущих идиотов. Постоянно повторял: «Делайте что хотите, но читайте обязательную литературу». Тогда существовало такое понятие. И среди этих обязательств был роман Николая Шпанова «Поджигатели». Тяжелый, как кирпич, страниц 800. Шохин понимал, что осилить его мы не в состоянии, поэтому говорил: «Я вас прошу прочесть 100 страниц».

На нашем курсе учился Мишка Шайфутдинов, бывший военный летчик. С нами поступили несколько бывших фронтовиков, которых взяли без экзаменов. Чтобы к ним и дальше относились снисходительнее, они ходили на занятия в гимнастерках. Мишка ничего не знал, был маленького роста и с плохой дикцией. Он путался в «ч» и «щ». Говорил «Птицки чебещут». Во время экзамена по советской литературе Шохин с трагической интонацией спросил его: «Шайфутдинов, вы «Поджигателей» читали?» – «Щитал». – «Чем заканчивается сотая страница?» – «Ска». – «Что «ска»?» Мишка при-таранил кирпич «Поджигателей», открыл сотую страницу, в конце которой стояло: «ска-». А на 101-й было продолжение: «-зал».

Я тоже не выговаривал «ц», «ч», «ш», «щ». И страшно мучился. До сих пор помню:

Щегленок щупленький за рощей
Нещадно щелкал и пищал.
И щавелем, и щукой тощей
Я тещу тщетно угощал.
Что за несчастье? Как клещами,
Вдруг тещу ущипнул щенок.
Та, запищав, в меня со щами
Кипящий бросила горшок.
Я обесчестен, ощавелен,

11. Целюнок шумовый за рощей
 Неудно щёлкает и шумит
 И щёлкает и шумит боцел
 Я щёлкаю шумно убого
 Это за несчастье! Как шумит
 Вдруг щёлкаю шумно щёлкает
 На землю в меня со щёлком
 Шумит бросит горшок.
 Я обеспокоен, ошавлен
 От жужжания шумной брешу
 Звук свистящая раша
 Щёлкает я щёлкаю шумно."

12. Щёлкает щёлкает и щёлкает
 Щёлкает своих щёлкает
 Я щёлкает - щёлкает
 Я щёлкает со щёлкает
 По щёлкающему шумит.

13. Выходит дубина на шумно
 В все шумной шумной в роще шумно
 Шумно шумно, шумно, шумно шумно

От жажды мщенья трепещу.
Змея свистящая расщелин,
Тебя я, теща, укрошу.

То, что надо играть на сцене сегодня, выучить не могу, а этот стишок столетней давности помню.

Владимир Абрамович Этуш был всегда эталоном того, как исправлять дикцию. Когда он пришел учиться после армии, то не выговаривал ничего. Но так как он был фронтовик, взяли без звука (в том числе без шипящего). Этуш тренировался с камушками во рту. Теперь якобы говорит правильно.

Тому же Шохину уже западную драматургию сдавал Гришка Абрикосов, красавец, сын Андрея Абрикосова, знаменитого артиста Театра Вахтангова. Гришка был курса на два старше меня, а с нами на курсе училась Юлия Гендельштейн, дочь документалиста Альберта Гендельштейна и падчерица Эдит Утесовой, дочери Леонида Утесова. В нее были влюблены все студенты. А концертмейстером педагога по танцу Виктора Цаплина была милейшая испуганная дама ростом метр десять по фамилии Розенцвейг. С огромной головой и шевелюрой Анджели Дэвис. За роялем виднелась только шевелюра. Про концертмейстершу говорили: «Возникла старая хреновина с лицом, похожим на Бетховена».

На экзамене по западной драматургии Шохин спросил Гришку Абрикосова: «Григорий, вы читали «Гамлета»?» – «О чем вы говорите? Вы меня обижаете». – «Скажите, кто были два друга Гамлета?» И Гришка со знанием дела моментально ответил: «Розенцвейг и Гендельштейн».

• • •

Сцена Театра Вахтангова – альма-матер. В 1953 году (сколько это лет назад? не вычитается) на этой сцене мы, студенты, играли бояр в спектакле «Великий государь». Жара, конец сезона, мы в пропотевших боярских тулупах, надетых почти на голое тело. В какой-то момент мы падали на сцене ниц, мордой в пыль, шепча: «Государь, государь!» – и выходил мой педагог Иосиф Моисеевич Толчанов, который играл государя. «Бояре», – произносил он скрипучим голосом. Мы считали: «Раз, два, три и...» – «Я пришел...»

Мы снова: «Раз, два, три и...» – «Чтобы мы...» – «Раз, два, три и...»
Ни разу с этого ритма он не сбился.

Я вспоминаю оформление спектакля: залитый голубой задник, огромные окна царских хором, и по всему заднику стоят невысокие белые церквушки с золотыми маковками куполов. Отыграв какую-то сцену, мой ныне покойный однокурсник Вадим Грачев скинул с себя боярский тулуп и в семейных трусах и майке тихонько, на цыпочках, чтобы не нарушить действия, стал пробираться из одной кулисы в другую, но не за задником, а перед ним. И чтобы, не дай бог, не уронить декорации, он придерживал купола рукой.

Выгнали из комсомола.

• • •

Будучи студентами, мы всегда и везде подрабатывали. К примеру, разгружали товарняки на Рижском вокзале. На Рижском – потому что знаменитая Трифоновка (студенческое общежитие театральных вузов под нарядной кличкой «Трипперный городок») находилась на подъездных путях Рижского вокзала.

Но иногда выпадали и театральные приработки.

Первая новогодняя елка в «Лужниках» в середине 50-х. На эту елку согнали все силы, которые могли как-то взбудоражить детей. А детей было очень много. В Кремль тогда не пускали (елки проходили только в Колонном зале), и предприняли первую попытку массового праздника. По сценарию темные силы, как и положено, боролись со светлыми. И все закулисье «Лужников» (огромные комнаты со скамейками для хоккеистов) было заполнено силами разного рода. Как на насесте, в одной из комнат сидели, например, Снежинки – несчастные дети в возрасте от 5 до 10 лет, все в белых пачечках и каких-то перьях. А соседняя комната досталась мушкетерам. Я, как и все студенты театральных вузов, был мушкетером – со шпагой.

И так по всем комнатам распределили эти темные и светлые силы, в каждую человек по двести. Кроме одной. Из нее шел запах керосина. Там жил Змей Горыныч – несчастный старый еврей, цирковой артист. Этот Горыныч, весь в каких-то отрепьях Кошеля

УВАЖАЕМЫЙ
ТОВАРИЩ!

Дом культуры
Московского ордена Ленина энергетического института
им. В. М. Молотова

Студенческая среда
„СОВРЕМЕННАЯ
ФРАНЦИЯ“

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ
===== Б И Л Е Т =====

Почт...
Вас на студенческ...
МЕННАЯ ФРАНЦИЯ

В студенческой среде участвуют:

1. Корреспондент газеты „Юманите“
БУВЬЕ.

Член правления ВОКС
Л. Д. КИСЛОВА.

Председатель Антифашистского комитета
советской молодежи
С. К. РОМАНОВСКИЙ.

2. Студенты театрального училища им. Щукина
И. УЛЬЯНОВА, А. ШИРВИНДТ
отрывок из комедии Мольера
„СКУПОЙ“
(на французском языке)

3 Студенты Московской Государственной
Консерватории
МИШЕЛЬ БУСИНО (Франция)
класс проф. Д. Ойстраха
ЮЛИЙ ГУТМАН (фортепьяно)

Лауреат Международного конкурса
на фестивале в Будапеште

Эдуард ГРАЧ (скрипка)

Бессмертного, с нарисованными на несвежем лице бороздами-морщинами, в страшном парике, лежал в комнате на раскладушке, а рядом стояли канистры с керосином и сидела Баба-яга. Это была его жена. По жизни жена. Тоже страшная, тоже в каких-то нарисованных ошметках.

Кроме керосина в комнате находилось еще огромное количество бутылок с подсолнечным маслом. Змей целый день ничего не ел. Во время борьбы между светлыми и темными силами, когда вдруг светлые силы начинали побеждать и мушкетеры бросались на чертей, Змей Горыныч выпивал стакан подсолнечного масла, потом полстакана керосина и вылетал на сцену. Дети кричали: «Ой, летит, летит!» За ним бежала Баба-яга (она же – жена) и поджигала длинную спичку. И он выблевывал этот керосин, и получался длинный язык пламени.

Три раза в день, перед каждым представлением, на пустой желудок он для грунтовки выпивал масло – на круг, очевидно, бутылку – и в общей сложности граммов 200 керосина.

Это зрелище темной силы в лице несчастного еврея я отчетливо помню до сих пор.

• • •

Более пятидесяти лет я преподаю в Щукинском училище. После Этуша я самый старый педагог. Евгений Князев, нынешний ректор, в каком-то архиве отыскал приказ 1957 года о зачислении меня на кафедру пластической выразительности актера. Глядя на мою сегодняшнюю комплекцию, трудно поверить, что тогда я преподавал фехтование и сценическое движение.

А получилось так. Замечательный артист Аркадий Немировский обучал нас фехтованию, будучи в прошлом чемпионом Москвы. Рубен Николаевич Симонов называл его «лучшим артистом среди шпажистов и лучшим шпажистом среди артистов». Аркадий поссорился с тогдашним ректором Борисом Захавой, ушел в ГИТИС, и я его заменял. Так и началось.

Сейчас в Театре сатиры – 17 моих выпускников-«щукинцев». Я хороший педагог, терпеливый, не вредный. Лучшее, что я делаю, я делаю в училище.

• • •

Многие студенты сегодня ничего не знают. На собеседовании мальчика спрашивают: «Кто был Ленин?» Он отвечает: «Ленин был президентом».

Да что там Ленин! Как-то в училище зашел Юра Яковлев, который никогда там не преподавал. Он сидел, ожидая кого-то, в вестибюле, и вся эта шпана бегала, сметая его, задевая ногами. Я собрал курс и начал орать: «Когда в наше время артист Астангов проходил мимо, мы сбегались смотреть на него. Яковлев – такой же великий артист, как Астангов. Вы ничего не знаете!» Одна моя студентка, которая, как только я к ней обращался, сразу на всякий случай начинала плакать, заплакала и тут: «Вы сердитесь, а сами нам ничего не рассказываете. Почему вы не рассказываете нам о своих встречах с Мейерхольдом?»

Но я же не Радзинский, который знал в лицо Жозефину.

• • •

Я очень обязательный, к сожалению, никогда никуда не опаздываю. Прихожу в 11 часов к студентам – а их нет. Никого. И я один сижу в аудитории, как будто самый свободный человек в мире.

Ребята становятся родными детьми, их надо кормить, поить, расспрашивать, что случилось. У меня был студент, у которого регулярно умирала тетья – за четыре года у него скончалось около шести теть. Я говорю ему: смени уже пластинку, фантазию подключи, есть же дяди, бабушки, в конце концов, товарищи. Хорони других, что ж ты к бедным тетям привязался... Нет, снова тетья умерла...

Педагогика – это вампиризм чистой воды. По себе сужу. Приходишь после всех профессиональных мук к этим молодым щенкам, видишь их длинные ноги и выпученные глаза и поневоле начинаешь от них питаться глупостью и наивностью.

К ним прикипаешь. После четырех лет обучения начинается продажа. Как на птичьем рынке: сидит в ящике большая старая сука, вокруг 12 щенков, их брезгливо щупают: брать – не брать? Так и здесь после четырех лет «инкубатора» приходят брезгливые

На маршруте

•

ЗНАКОМЬТЕСЬ!

ПОСЛАЖИВАЕТ V КУРС ВЕЧЕРНЕГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКТЕРСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ТЕАТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА им. Б. В. ЩУКИНА
ПРИ ТЕАТРЕ им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА

Художественный руководитель курса
М. Р. ТЕР-ЗАХАРОВА

I отделение

П. Чехов. «Сирена» — читает **В. КОСАЧ**
В. Гоголь. «Тяжба».

Юноша — **И. БОДРОВЦЕВ**

Женщина — **В. БЕЛЯКОВ**

Доктор — **Б. ГИТИН**

Профессор — Народный артист РСФСР,
доцент **В. Г. КОЛЬЦОВ**

Л. Кулрин. «Лейтенант Фон Пляшке».

Юноша — **В. НОСАЧЕВ**

Женщина — **Е. ХОХЛОВ**

Пимперникль — **А. ПОРОХОВЩИКОВ**

Пимперникль — **А. АРДАШНИКОВА**

Пимперникль

Женщина — **И. АЛАБИНА**

Мистер Карл — **З. ФИЛЛЕР**

Режиссер — педагог **А. А. ШИРВИНДТ**
музыка **РАСНЕРА Н. Л.**,
концертмейстер **РАСНЕРА Н. Л.**

II отделение

И. Ильф и Евг. Петров.
«Сильное чувство»

Мама — **Н. КОЛЯСКИНА**
(ст-ка 3 курса)

Рита — **Н. ЭНКЕ**

Ната — **И. АЛАБИНА**

Чуланов — **Е. ХОХЛОВ**

Бернардов — **В. НОСАЧЕВ**

Антон Павлович — **Е. ВОДИНСКИЙ**

Лев Николаевич — **А. ПОРОХОВЩИКОВ**

Доктор — **Ф. ВИОЛИН**

Мархоцкий-женех — **И. БОДРОВЦЕВ**

Мархоцкий-папа — **З. ФИЛЛЕР**

Сегидилья Марковна — **А. АРДАШНИКОВА**

Девушка — **А. ДИДОВА**

Мистер Пип — **В. КОСАЧ**

Лившиц — **А. АЛЬТЕРМАЙЕР**

Режиссер — педагог, Народная артистка РСФСР,
и. о. профессора **А. И. РЕМИЗОВА**

Ректор училища — Народный артист РСФСР,

Лауреат Государственной премии, профессор
Б. Е. ЗАХАВА

худруки, смотрят зубы, ноги... И ты еще уговариваешь: «Возьмите моего ребенка».

Когда твой курс оканчивает институт, кажется, что он гениальный. Худруки курсов создают молодые театры. И все актеры играют под своего мастера. Видишь такие примеры и понимаешь, что нужно зажаться и – отпустить. Хотя отпустить – трагедия.

Когда выпускал курс, меня критиковали, что по сцене ходит десяток Ширвиндтов. Но, нисколько не сравнивая себя с великими, вспоминаю, как на заре «Современника» во всех спектаклях по сцене гуляло несколько Ефремовых. Когда плотно общаешься с людьми, от тебя идет какая-то заразительность. Если у меня получилось привить им некоторую легкость, мягкость, ироничность – дай бог. Потому что остального они наглотаются до ушей.

• • •

Иногда в училище у меня получались удачные эксперименты. Как-то ставил я дипломный спектакль «Школа злословия» и уговорил Альберта Бурова, который был руководителем курса, и Юрия Катина-Ярцева, завкафедрой мастерства актера, сыграть в студенческом спектакле сэра Питера и сэра Оливера. Сначала они руками и ногами отбивались: «Нет, не будем играть со студентами». Боялись, что студенты их переиграют. «Так для этого же и учим, – сказал я им, – чтобы переиграли». И дождал: в дипломном спектакле завкафедрой и руководитель курса играли с учениками. А ученики были замечательные – Светочка Рябова, ныне актриса нашего театра, покойный Костя Кравинский, Миша Зонненштраль, потрясающее явление, к сожалению, тоже ушедший из жизни. Мощный курс. Нынешний профессор Анечка Дубровская (Исайкина) сидела тогда, как кукла, на коленях у своего руководителя курса, не смея пошевелиться от ужаса. Сегодня участие педагогов в дипломных спектаклях стало почти нормой. Но первопроходец – я.

• • •

Многие сегодняшние молодые считают, что незачем четыре года мучиться в театральном училище, если можно воткнуться

в какой-нибудь раскрученный телепроект, и ты уже – «звезда». Но невозможно за четыре дня приобрести профессиональные навыки в этих телелепрозориях.

Хотя и одного образования тоже недостаточно. Из-за тех, кто стал актером не от Бога, а от образования, в театре возникает неразбериха. Ведь никто не может сам себя признать актером второго, третьего или четвертого сорта.

Мое первое продвижение по ступеням профессиональной значимости – в Театре имени Ленинского комсомола. В театре был длинный коридор с гримерными, и последняя – № 12. Там сидела самая элита: Леонид Марков, Лев Лосев, Всеволод Ларионов... Они собрали совет гримерной и написали мне письмо:

«Уважаемый товарищ Ширвиндт А.А.

Доводим до Вашего сведения, что художественное руководство и общественные организации гримуборной № 12 проводит конкурс на замещение вакантного места столика № 4.

Условия конкурса:

- 1. Три неизвестных похабных анекдота.*
- 2. Коллоквиум – честные ответы на интимные вопросы, ряд примеров супружеского непостоянства.*
- 3. Предоставление справки о православном вероисповедании. (В случае невозможности предоставления таковой совершается обряд крещения, торжественного возвращения в лоно православной церкви и возвращение ранее утраченной крайней плоти.)*
- 4. Банкет за счет конкурсируемого.*

*Москва, улица Чехова, 6.
Дано в лето 1959 года.*

Документ с подписями, печатями.
Так меня поселили в 12-ю гримерную.

Разные актеры по-разному сосуществуют с образом. Когда я был молодым, настоящие артисты подолгу гримировались, искали свой внешний облик. Это была целая система – от внешнего к внутреннему. Толя Папанов, удивительный артист, не мог позволить себе выйти к зрителям, наспех запудрившись. Часами делал себе нос, уши... Так он перевоплощался.

Есть и другой вариант. Мой. Через внутреннее – к внешнему. Я никогда не любил клеить носы. В моем нынешнем репертуаре Театра сатиры все-таки больше ролей, где я – это именно «я в предлагаемых обстоятельствах», как учил Станиславский. А вот так, чтобы стать совсем неузнаваемым, как учат теперь в моем родном училище имени Щукина, это я не практикую. Хотя, конечно, страшно интересно через образ другого человека доносить до зрителя что-то свое.

Но со «своим» нужно быть аккуратным. Играли мы в Театре имени Ленинского комсомола прелестный спектакль «До свидания, мальчики!» – инсценировка повести Бориса Балтера. Ставил Сергей Львович Штейн. В спектакле был исторический персонаж Джон Данкер, великий гитарист начала прошлого века, игравший на гавайской гитаре. По Балтеру, он был кумиром всех барышень. Я в белом костюме, с черными усиками и с гитарой – до приторности красивый и противный – выходил на сцену, и вся девичья массовка, захлебываясь, шептала: «Джон Данкер, Джон Данкер». А я проходил, зазывно и масляно на них поглядывая.

Как-то мы играли этот спектакль в Ленинграде, во Дворце Горького. Я сижу за кулисами весь в белом, с перстнями и гитарой. И вдруг прибегают и говорят: «К вам Джон Данкер». Оказывается, он еще жив и живет в Ленинграде. Приходит в примерную маленького роста с оттопыренными ушами совершенно лысый старый еврей и плачет: «Боже мой! Боже мой! Как вы замечательно меня сыграли». Очевидно, я сыграл не его, а его несостоявшуюся мечту о собственном облике.

УВАЖАЕМЫЙ Г-В... Шуров... А.А.

Доводим до Вашего сведения, что художественное руководство и общественные организации гим-уборной №-12, проводит конкурсы на замещение вакантного места столика №-4.

Условия конкурса:

3. Неизвестных, похабных анекдота.
2. Коллективом-честные ответы на интимные вопросы.
Ряд примеров супружеского непостоянства.
3. Представление справки о православном вероисповедании.
/В случае невозможности представления таковой, совершается обряд крещения торжественного возвращения в лоно православной церкви и возвращение ранее утраченной крайней плоти./
4. Б а н к е т /за счет конкурсируемого/

П Р А В Л Е Н И Е

Быв. члены Худсова и поряд. общ. вообще:

Быв. зам. сек. п/б:

Быв. членкомсомола:

Быв. член т-ра:

Действ. член Худсова, п/б, Мкома и др. и пр.

Марков/

/Пешко/

/Довев/

Марионов/

Михачев/

/Сергеев/

Москва, ул. Чехова д. 6

Дано в лето 1959 года

—ооооо—

• • •

Сейчас трудно упомянуть всех худруков, какие у меня были в Театре имени Ленинского комсомола: Софья Гиацинтова, Сергей Майоров, Борис Толмазов, Анатолий Эфрос...

Толмазов – отличный актер, но никакой режиссер – ходил по театру со «вчерашним» лицом, у него были крепкие руки водопроводчика. Утром, перед репетицией, он непременно беседовал с труппой, видимо, где-то вычитал или ему кто-то сказал, что так надо. В руках он держал томик Станиславского, большой палец правой руки воткнув в том месте книги, где была отмечена нужная цитата. Все молча слушали. Софья Гиацинтова и Серафима Бирман сидели с иезуитски внимательными лицами. Есть прекрасные стихи у Саши Черного: «Квартира? Танцкласс ли? Харчевня?/ Прилезла рябая девица:/ Нечаянно «Месяц в деревне»/ Прочла и пришла «поделиться»...» Это был тот самый случай.

Сергей Майоров ставил «Хлеб и розы» Салынского, там среди действующих лиц было много ходоков из деревни, большевиков. Мужчин в труппе не хватало, поэтому Майоров одевал в шинели актрис, и они стояли с наклеенными усами. Он всех называл Васями, кричал на репетиции: «Вася, ближе к Васе, еще ближе к Васе». Михаил Пуговкин – в то время кинозвезда – играл в этом спектакле роль какого-то сибирского парубка, недовольного приходом большевиков. На «Васю» Пуговкин решительно отказывался реагировать. «Ну ладно, ладно», – соглашался Майоров и через минуту снова: «Вася, ты...» «Если еще раз скажете «Вася», – предупредил Пуговкин, — уйду из театра». И действительно ушел.

• • •

Уже больше сорока лет я в Театре сатиры. «Я усталый старый клоун, я машу мечом картонным...» Сатира – это уже не мое, она подразумевает злость. Мне ближе самоирония – это спасение от всего, что вокруг.

Эрдман, Шварц – вот близкие мне авторы. У них нет злости, есть грусть и ирония. Волшебник из «Обыкновенного чуда» говорит замечательные слова: «Все будет хорошо, все кончится печально».

Так вот, когда знаешь, что все будет хорошо и кончится печально, – какая уж тут сатира... Сатира должна единственно что – настороживать. Если адресат сатиры не полный кретин, он насторожится, почуяв стрелы. Смеяться нельзя только над идиотизмом: когда человек поглощен какой-то идиотической идеей – его не сдвинешь. Он может лишь злиться, отбиваться. В шутке же, в иронии все-таки есть надежда, что предмет иронии это услышит.

• • •

До Валентина Плучека главным режиссером был Николай Петров. Очень интеллигентный, умный человек. Однажды ему сказали, что Товстоногов поставил прекрасный спектакль, вся Москва ездит в Питер. Он ответил: «Я тоже могу поставить прекрасный спектакль». – «Ну?!» – «А зачем?»

Вот это «а зачем?» здесь всегда было. Притом что артист Театра сатиры Владимир Лепко получил за роль в спектакле «Клоп» первую премию на фестивале в Париже (это произошло в те времена, когда наши люди не знали, где находится Париж). И все равно говорили вяло: «Ну да...» А рядом существовали «настоящие» театры.

Плучек всегда страдал оттого, что есть такие театры, сякие и – Театр сатиры. Вот это «...и Театр сатиры» его очень расстраивало. Как начинался театр с синеблузников и ТРАМа, с юмористических обозрений, так этот шлейф и висел. Плучек же старался переходить на смысловые вещи, и пытались здесь идти «Теркин на том свете», «Дамоклов меч», «Самоубийца». Но все равно это были отдельные гейзеры, заткнутые цензурой, на фоне разнообразных «Женских монастырей». Всю жизнь Театр сатиры – крепкий «второй эшелон». И эту тенденцию никак побороть нельзя. Она и сейчас существует, хотя сегодня все размыто.

• • •

Сейчас такое безумие фестивалей, грамот, статуэток – невозможно понять, есть ли вообще какие-то критерии. Появилась привычка говорить: «Но это пользуется бешеным успехом у публики...» С таким хихиканьем, как бы оправдываясь: дескать, публика – дура. А публика на самом деле разная. Я знаю, существуют зри-

тели только «Мастерской Фоменко» или только «Современника». У нас такого нет. К счастью или к сожалению – трудно сказать. Думаю, что к сожалению. Но это из-за вывески, она у нас демократичная. И еще зал огромный. Мы не жалуемся на сборы, но иногда смотришь в щелочку перед спектаклем, из кого эти тысяча двести мест состоят, и хочется, чтобы были другие лица. А лица те, которые есть. Да и вообще по лицам трудно определить, нужно им ходить в театр или нет.

• • •

Карьера – это мера тщеславия, а у меня тщеславие дозировано необходимостью не выпасть из обоймы достойных людей.

Я случайно попал в кресло руководителя – меня уговорили.

Плучек тогда уже болел, несколько лет не появлялся в театре. Новых интересных спектаклей не возникало, актеры стали уходить. Мы были ближайшими соседями Захаровых по даче в Красновидово и после ужина садились играть в покер. Ниночка, жена Марка Анатольевича, всегда говорила, что забыла, что ценнее, «тройка» или «каре», но в результате всех обыгрывала. А играли на деньги и на следующий день их пропивали. После игры и расчета в два-три часа ночи шли гулять. Там, на даче, при лучине, Марк Анатольевич стал меня уговаривать возглавить театр. Мои близкие были против, говорили, что я больной, сумасшедший, маразматик и параноик. Жена даже не выдержала: «А если я поставлю условие: я или театр?» Я ответил: «Вообще-то вы мне обе надоели».

Когда меня назначили художественным руководителем, Елена Чайковская, наш знаменитый тренер по фигурному катанию и моя хорошая подруга, сказала: «Давай, Шурка, попробуй!» Она тоже азартный человек. Мне действительно было интересно.

Кроме того, моя позиция особая: я сижу в кабинете, а этажом ниже находятся мужские гримерные, еще ниже – женские. И там круглые сутки обсуждается политика театрального руководства: «Доколе! Он совсем обалдел, надо пойти, надо с ним поговорить...» А дальше я спускаюсь вниз готовиться к спектаклю и моментально присоединяюсь к коллегам: «Он обалдел, сколько можно!»

А потом мы (и я, и они) понимаем, что это я и есть. Вот так – выхожу из кабинета и сразу окунаюсь в варильню недовольных руководством. Я недоволен им больше всех. И в этом мое спасение.

• • •

Мне все говорят: мягкий, добрый, вялый, где же твердость? Я предупредил, что на старости лет вдруг становиться монстром не хочу. А играть этого монстра – скучно. Поэтому – уж какой есть. Но, когда зашкаливает, приходится. Вот с Гаркалиным – зашкалило. Он артист востребованный, и мы под него подстраивались, то есть уже были зависимы. Никто не говорит, что нельзя работать в антрепризах. Известно, что все шастают на сторону, и я шастаю. Но должен быть какой-то моральный барьер. Когда в центре Москвы, на Триумфальной площади, висит афиша «Укрощение строптивой» и билеты на спектакль распроданы, а нам звонит жена артиста, занятого в главной роли, и говорит, что артист лежит и не может поднять головы, у него страшно высокая температура и вообще с ним творится какой-то ужас, мы вынуждены давать замену. Зрители сдают билеты, поскольку иногда идут на конкретный спектакль и конкретного артиста. В тот вечер было сдано 600 билетов – это половина зала. Огромные деньги для театра. И в это время помиравший Гаркалин на сцене театра «Содружество актеров Таганки» играет премьеру какого-то антрепризного спектакля. Москва – город маленький, нам, конечно, тут же доложили. Наш замдиректора поехал туда, купил билет, сел в зал и дождался выхода Гаркалина – чтобы потом не было разговоров, что это неправда.

Тогда все в театре затаились, думали: «Ну, этот добренький сейчас скажет: «Поставьте ему на вид» – и все». Но я выгнал, и все сказали: «Смотри, проявил характер, Гаркалина выгнал, молодец». Проходит какое-то время, и уже слышу: «Выгнать такого артиста!» Но тем не менее возврата нет.

• • •

Театральные постановки рассыпаются очень быстро – это, к сожалению, свойство нашего вида искусства.

Ужас еще в том, что в театре ролей никто не просит. От ролей теперь отказываются. Раньше за роль глаза выгрызали, а сегодня...

В Театре сатиры приходят ко мне мои ученики: «Отец родной, извини, в этом году я репетировать не могу». – «Почему?» – «У меня 80-серийный сериал. И это не «мыло». Возможно, там будут сниматься Шварценеггер, Роберт Де Ниро. А может, даже сама Заворотнюк». Я начинаю орать: «Театр – твой дом родной! Тебе не стыдно, зачем тебя тогда учили?» Они кивают, плачут, становятся на колени. Объясняют: квартира, развод, маленький ребенок.

Разве я могу им что-то запретить? Но репертуар на месяц составить невозможно. Эта туда отпрашивается, тот – туда. Если в спектакле играют 10 актеров, которые востребованы в кино, вычислить день, чтобы они одновременно были свободны, практически невозможно.

• • •

Когда мои ученики спрашивают, можно ли им участвовать в телевизионной рекламе, отвечаю: «Можно. Но нельзя сниматься в виагре, перхоти и пиве». Говорю актрисам: «Вот ты вымыла голову в кадре, и у тебя пропала перхоть. А вечером ты выходишь Джульеттой на сцену, и все в зале шепчут: «Ой, это та, у которой себорея». Джульетта с перхотью невыносима!

• • •

Сорок лет назад, играя короля Людовика в спектакле «Мольер» у Эфроса, я чувствовал себя как кум королю. Был молодой, хорошенький, шикарно одетый, бесконечно нахальный, при замечательном режиссере. Когда кто-то обращался к королю: «Ваше Величество», я говорил: «Ау»... И вот постепенно дополз до зависимого, несчастного, стареющего, комплексующего Мольера в спектакле «Мольер», поставленном Юрием Ереминым. Что такое иметь свой театр, им руководить и при этом в нем играть – я знаю наизусть. Мольер в спектакле кричит, что он окружен врагами, – и это единственная реплика, которую я хочу сыграть искренне.

Темы «художник и власть», «художник и государство», «худрук и труппа», «старый начальник и молодая актриса» – никуда не деваются.

Но говорить о том, что художников сегодня давят, травят, – смешно. Правда, и давить нынче некого, Мольеров маловато. Известно, какие напряженные отношения были у Булгакова со Сталиным. Тот занимался Булгаковым скрупулезнейше: звонил, переписывался, правил... Это была животная заинтересованность властителя в художнике. А нынешние политики в театры ходят редко. Но успевают курировать водное поло, хоккей, волейбол. Я вот мечтаю, чтобы кто-нибудь из администрации президента взял «на поруки» Театр сатиры. Ходил бы на премьеры, и по всем телеканалам показывали бы: вот замглавы с женой и детьми пришел на спектакль в Театр сатиры, и вообще он член их художественного совета... Сказка!

Это физиологическое ощущение – любить начальство, от которого зависишь. Не одни актеры грешат. Многие непримиримые журналисты резко меняются на «очном» приеме у высокого руководства. На печатных страницах и на экране они такие иронично-яростные, а при встрече... Я как актер не могу этого не видеть: текста, конечно, никакого при этом не произносится и в глазах огонь, но поза выдает – вымя склоненная.

• • •

Заседания художественного совета в театре сегодня выглядят как вынужденный атавизм. А было время, когда без этих советов ничего не решалось. Пользуясь своим служебным положением, я выкрал из музея театра несколько «ранее засекреченных» документов.

Валентин Плучек на заседании худсовета по обсуждению спектакля «Пена» (пьеса С.В. Михалкова, постановка В.Н. Плучека) в 1975 году:

«Вы меня благодарили, а я вас благодарю. Мы благодарим все вместе советское общество, которое мы осмеиваем».

Из «Стенограммы заседания художественного совета по обсуждению генеральной репетиции спектакля «Бег» Булгакова в постановке Плучека, 18 октября 1977 года»

А.П. Левинский, директор театра: «Юра Васильев такой худой и бледный, что имеем право прибавить ему десятку. Три таких больших роли, пусть будет получать 120 рублей».

• • •

Вся жизнь, все муки Театра сатиры – чтобы было остро. Что такое острота прошлых времен? Это аллюзии, «фиги в кармане», ассоциации, намеки. Впрямую – ничего. Во времена застоя у нас были реальные попытки сделать что-то острое. Но у несчастного Плучека закрыли на сдачах 11 названий! Уже сыгранных спектаклей!

Мой спектакль «Недоросль» прошел всего семь раз, потом нас вызвали в управление культуры. Замначальника управления был Михаил Шкодин, мой соученик по училищу, который сначала уехал по распределению в Тмутаракань, потом вернулся и просился ко мне в Щукинское училище ассистентом, чтобы где-то подработать. Я его взял на дипломный спектакль. Прошло несколько месяцев, он заканючил: «Пару раз не приди, чтобы я сам». Я пару раз не пришел, после чего студенты сказали: «Если еще раз он появится один, мы уйдем из училища». Он ушел из училища и стал замначальника управления культуры Москвы. Мы шли к нему на прием, на обсуждение спектакля «Недоросль» – Плучек, Юлий Ким, я. При нашем появлении он мне шепнул: «Только без «Миши». Он боялся, что я при всех назову его Мишей – а это мне по рангу не положено. Он – большой начальник, а я – мелкий клоун. Во время обсуждения Шкодин сказал сакраментальную фразу: «Издеваться над Фонвизиним я не допущу». Он обиделся за своего дружбана Фонвизина, и спектакль закрыли.

• • •

Сейчас, когда идет шабаш абсолютной вседозволенности, когда одни кричат о свободе слова, другие – о том, что пора ввести цензуру, я скорее за ввод цензуры. В смысле фильтра, ценза. Ведь кроме хрестоматийных душителей свободы в советское время и в театре, и в кино, и на телевидении была замечательная армия профессиональных редакторов – знающих, интеллигентных. Была высококлассная редаKTypa, которая существовала вне

зависимости от этих политических нюансов, а редактировала с точки зрения вкуса, искусства. Сейчас это отсутствует полностью. Теперь все отдано на откуп продюсерам. А им нужна морда и ноги от ушей, чтобы за месяц вылепить звезду.

Раньше было сито из проверок, поэтому, когда хотели что-то сказать, говорили эзоповым языком. Из-за этого театр поневоле становился сложнее, изобретательнее. И все стремились увидеть спектакль, пока его не закрыли. Сейчас же полная безнадзорность – что хочешь играй, что хочешь закрывай. И неизвестно, что лучше.

Раньше без акта нельзя было сделать ни шагу. Причем на сдаче спектакля присутствовали представители всех имеющихся тогда органов. Вот документальное подтверждение этому.

А К Т

приема постановки спектакля «У времени в плену»

Главное управление культуры Исполкома Моссовета, просмотрев 24 марта 1970 года спектакль Театра сатиры «У времени в плену» («Художник и революция») А. Штейна в постановке главного режиссера театра народного артиста РСФСР В.Н. Плучека, составило настоящий акт в приеме данной постановки.

При приеме постановки присутствовали и участвовали в обсуждении:

Представители Главного управления культуры исполкома Моссовета: тт. Родионов Б.Е. – начальник Главного управления культуры, Прибегин Ю.П. – начальник управления театров, музыкальных организаций и концертной работы, Вирен В.Н. – начальник репертуарного отдела, Малькова Г.Н. – инспектор отдела театров.

Представитель Министерства культуры СССР т. Голдобин В.Я. – заместитель начальника Управления театров.

Представители Министерства культуры РСФСР: т. Афанасьев Р.М. – главный редактор репертуарно-редакционной коллегии, Кропотова Н.И. – редактор, Светлакова М.А. – редактор, Хамаза И.Л. – начальник отдела формирования театральных групп, Стрельников Л.А. – старший инспектор Управления театров.

Представитель МК КПСС Хачатурова И.П.

А. Е. Т.

приема постановки

Главное управление культуры Исполкома Моссовета, просмотрев 24 марта 1970 года спектакль театра Сатиры "У времени в плену" / "Художник и революция" / А.Мтейна в постановке главного режиссера театра народного артиста РСФСР В.Н.Плучека составило настоящий акт в приеме данной постановки.

При приеме постановки присутствовали и участвовали в обсуждении :

Представители Главного управления культуры Исполкома Моссовета т.т. Родионов Б.Б. - начальник Главного управления культуры, Прибегай В.П. - начальник управления театров, музыкальных организаций и концертной работы, Вирен В.Н. - начальник репертуарного отдела, Малькова Г.Н. - инспектор отдела театров.

Представители Министерства культуры СССР тов. Голдобин В.Я. - заместитель начальника управления театров, *Министерство культуры СССР, дирекция культурно-художественных связей*
Представители Министерства культуры РСФСР т.т. Франкозев Р.М. - главный редактор репертуарно-редакционной коллегии, Кротова Н.М. - редактор, Светлакова М.А. - редактор, Камаза И.И. - начальник отдела формирования театральных групп, Страдников А.А. - старший инспектор Управления театров.

Представитель МК КПСС Хачатурова И.П.

Представители РК КПСС т.т. Голубева П.А., Кузнецова А.М.

Руководство театра в лице директора т. Левинского А.П., главного режиссера т. Плучека В.Н., секретаря партийной организации Кузнецова Е.Б., заместителя директора Змилицкого С.К., помощника главного режиссера Линецкой И.А., директора театра Кремера А.А., режиссера театра Михаила И.А.

Кроме того на обсуждении присутствовали т.т. А.Мтейн - драматург, В.Кетлинская - писатель, А.Азаров - писатель, Крамарь А.Н. - капитан 1 ранга, Кокоткин С.Н. - капитан 1 ранга, полковник Металов Н.И.

В результате обсуждения Главное управление культуры Исполкома Моссовета считает спектакль принятым.

В ходе обсуждения были высказаны замечания и предложения, которые должны быть выполнены театром в обязательном порядке до публичного показа постановки :

1. Пройти работу с артистом Мироновым, обратив внимание на страстность, темперамент, мужество, собственные качества В. Вишневого. Снять лишнее самолюбование в игре артиста.

2. В образе комиссара вывить волевые качества командира.

3. Доработать образ Бегина, точнее раскрыть профессиональные качества, приобщить капитана военного судна - волю, собранность, выправку.

4. Во второй сцене Дарина и всеволода переместить сценографический эпизод с "плывом" и Ахматовой на лирический разговор между героями; сократить повторный разговор в даринском происхождении героев.

5. Уточнить образы анархистов в сценах 2-го акта снять лишнее опереточность в их внешнем облике, изменить характер татуировки у артиста Мисоковича.

6. Режиссерски и авторски отредактировать сцену "Капитуляция", убрать длинноты и повторы.

7. Внести в пролог тему рабочего класса.

По линии текста и мизансцен:

8. Фразу "У каждого времени есть свой идол" отредактировать в реплику: "У каждого человека бывали свои идолы ... И у тебя они были".

9. Обратив внимание в эстетическом отношении реплику с ругательством в сцене "Теплушка" у артиста Чапанова и его пролог в сцене "На бруствере".

10. Обратив у Чапанова реплику "На одно поколение не много ли?", произнесающую в третий раз.

11. В сцене "Азба" сократить фразу "Вам нужна баба раскинутыми руками и ногами", убрать слово "натуральность" в поведении актеров в сцене.

12. Моралов 70-го года в прологе одет

13. Устранить технические неполадки в

Кроме того, рекомендовать:

1. Укрепить блокнотную тему режиссеру найти в произведениях Вишневого худ. Ленинграда и, в связи с этим, углубить Ольги Берггольц, сделать его более де

Представители РК КПСС: тт. Голубев П.А., Кулешова А.И.

Руководство театра в лице директора т. Левинского А.П., главного режиссера Плучека В.Н., секретаря партийной организации Кузнецова Е.Б., заместителя директора Зимницкого С.К., помощника главного режиссера по литературной части Линецкой М.Я., дирижера театра Кремера А.Л., режиссера театра Микаэлян М.А.

Кроме того, на обсуждении присутствовали тт. А. Штейн – драматург, В. Кетлинская – писатель, А. Азаров – писатель, Крамарь А.Н. – капитан 1 ранга, Кокоткин С.Н. – капитан 1 ранга, полковник Потапов Н.И.

В ходе обсуждения были высказаны замечания и предложения, которые **должны быть выполнены театром в обязательном порядке** до публичного показа постановки:

Во второй сцене Ларисы и Всеволода **сократить повторный разговор о дворянском происхождении героев.**

Уточнить образы анархистов в сценах 2-го акта, **изменить характер татуировки у артиста Высоковского.**

Убрать неудачную в эстетическом отношении реплику с ругательством в сцене «Теплушка» у артиста Папанова...

В сцене «Изба» **сократить фразу «Вам нужна баба с раскинутыми руками и ногами», убрав слово «ногами».**

• • •

Предложения, высказанные в Главном управлении культуры исполкома Моссовета 28 декабря 1981 г. при обсуждении репетиции спектакля «По 206-й» (пьеса В.И. Белова, постановка В.Н. Плучека в Московском Театре сатиры).

Если возможно, **снять сцену выпивки в финале спектакля.**

Построить решение финальной сцены так, чтобы **исключить ощущение полной необратимости негативных явлений нашей сегодняшней жизни.**

Раньше, когда я был еще молодым и активно играющим артистом, у режиссеров была задача раскрыть идею автора. Попытаться понять, что он имел в виду, сочинив какую-нибудь фразу. Сейчас у модных режиссеров диаметрально противоположная позиция.

Всем хочется не раскрыть автора, а, наоборот, закрыть. Чтобы показать всем собственную точку зрения на тот или иной материал.

Я работал с хорошими режиссерами: Михаилом Туманишвили, Анатолием Эфросом, Валентином Плучеком, Марком Захаровым, Олегом Ефремовым. При всей разнице их методов они пытались раскрыть, что имел в виду автор. Даже если ставили не классику, а современную пьесу, они все равно старались докопаться до ее глубинного смысла. Никому не приходило в голову сказать: «Ох уж этот автор! Как он мне мешает высказать то, что мне хочется!» – и перевернуть все вверх тормашками.

Правда, это если говорить о хороших авторах. Поиски комедий и сатирических пьес – вечная боль. Очень нужны современные пьесы. Не хочется в шестьдесят пятый раз издеваться над Чеховым при помощи Тригорина-педераста.

Или слышали об «Анне Карениной-2»? Она спаслась. Осталась, правда, без ноги, голова в гипсе. Виктюк хотел это ставить. Я сказал: «Ставь». Спросил, кто будет играть Каренину. Он сказал: «Аросева». Я говорю: «Ты только ей скажи. Опиши, как она выглядеть будет». У нас так все и завяло. Поставили в другом театре.

Когда я начинал работать в Театре имени Ленинского комсомола, туда пришел новый замдиректора, бывший подполковник. И как раз через день мы поехали в Казань на гастроли. А он поехал вперед, как это бывало всегда, чтобы «заделать гастроли». Обычно прибывает поезд – на перроне пионеры, цветы, духовой оркестр... Потом артистов расселяют по квартирам или в гостиницы.

Приезжаем – никого! Какая-то несчастная местная администраторша с одним цветком. «Что это?» – спрашиваем. Он говорит: «Так, цветоув нет, номероув нет, зрителей нет». Это он «заделал гастроли». Осталось на века.

Так вот, пьес нет. При этом всегда в театре – залежи графомании. С одной стороны, их невозможно читать. С другой, необходимо читать – а вдруг Гоголь. С третьей стороны, нужно отвечать авторам, а то скандал и обиды. Переписка с авторами десятилетиями хранится в архиве театра.

Директору Московского Театра сатиры

Посылаю Вам сатирическую драму известного эстонского драматурга Майа Тальвеста «Последний стул» в моем переводе. Прилагаю речь тов. Н.С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 29 июня 1959 года, где поднимается эта же проблема, что и в пьесе. Прошу Вас рассмотреть вопрос о возможности включения ее в ваш репертуар.

г. Волжский

27.11.59

Варунов Карл Федорович

Вот ответ этому автору на другую его пьесу – «В лабиринте блаженства». Что может предложить театру товарищ Варунов из Сталинградской области, с улицы XIX партсъезда да еще по имени Карл?

г. Волжский Сталинградской обл.,

ул. XIX партсъезда, 23,

Карлу Федоровичу Варунову

Уважаемый тов. Варунов!

В Московском Театре сатиры ознакомились с Вашим переводом сатирической комедии эстонского писателя Ральфа Парве «В лабиринте блаженства».

Комедия имеет большие достоинства, и понятно, почему в Эстонии зритель проявляет к ней жгучий интерес. Думается, что проблемы, поднятые Парве, еще и сегодня не утратили своей актуальности для эстонского народа и населения других республик

Прибалтики. Но для русской публики пьеса утрачивает всю свою остроту, потому что сегодня, на 43-м году существования Советской власти, вопросы эмиграции уже канули в вечность. Мы полагаем, что поставленная на русской сцене пьеса не найдет своего зрителя, и потому не считаем нужным обсуждать возможность включения пьесы Р. Парве в репертуар.

Рукопись Вам возвращаем.

С уважением,

заведующая литчастью Московского Театра сатиры...

25 апреля 1960

• • •

9 марта 1973

Киев

Уважаемый тов. Главный Режиссер!

...Посылаю Вам свою сатирическую комедию «Христос и грешник»... Взяться за написание пьесы меня побудила не только любовь к театру, но и сознание того, что нет у нас хорошего современного атеистического спектакля. Правда, кое в каких пьесах попадаются атеистические эпизоды, но на данном этапе, когда еще есть миллионы верующих и колеблющихся, этого очень и очень недостаточно...

Дарманский Павел Федорович

P.S. Если Вас будут интересовать мои биографические данные более подробно, их может сообщить Вам доцент кафедры атеизма МГУ Бражник Иван Иванович.

• • •

Недавно раздается телефонный звонок. Звонит дама, которая хочет прийти на прослушивание. Наверное, думает, что у меня опера. И авторы каждый день звонят и рукописи приносят. Думают, что у меня издательство.

Мужчина должен копать, пахать, колоть, ковырять, в крайнем случае, руководить, а не пудрить лицо. Я, конечно, утрирую, но что-то не мужское в лицедействе есть.

На рукописи

Я стараюсь считать себя педагогом, профессором, может быть, немножечко режиссером. Актером же в чистом виде к моим годам считаться уже нехорошо. Надо иметь какую-то настоящую профессию, актерства для мужчины маловато. Нерон вот был хорошим актером. Но при этом он все-таки был Нероном.

Есть такой анекдот. Почивший в бозе актер оказывается в накопителе между раем и адом. В дверях ему говорят: «Вам налево». – «Как налево?! Там же – ад!» Ему отвечают: «В раю актеры как класс отсутствуют». Он недоумевает: «Ну как же так! Я вел такой правильный и праведный образ жизни...» – «Знаем. Но здесь правило: не пускать актеров в рай». И вдруг он видит: по раю ходит его коллега. «А вон! Вон! Ходит же!» – «Да какой он актер...»

Сегодня где-то там, наверху, не знаю, кто в каком отсеке, ходит уже очень много замечательных актеров и ближайших друзей.

Искренне сочувствую другу и коллеге Марку Захарову, за короткое время потерявшему Сашу Абдулова и Олега Янковского. Словно злой рок преследует «Ленком». Но и с Театром сатиры было нечто подобное, когда в течение месяца ушли из жизни Папанов и Миронов. Потом последовали смерти Рунге, Ткачука, Менглета. У нас спектакли слетали из афиши, как желтые листья с деревьев. Кажется, Сталин сказал пошлую фразочку, что незаменимых нет. Чуть полная! Есть потери, которые не компенсировать. «Гнездо глухаря» – Папанов, «Фигаро» – Миронов... Новый ввод ничего не решал. Да, после ухода Мишулина мы сохранили в репертуаре «Малыша и Карлсона», нашу «Турандот» для детей, но все понимают: это роль Спартака. Не в обиду молодым актерам будет сказано. Невольно начинаешь думать, что Всевышний всерьез нацелился собрать труппу из лучших исполнителей для небесного театра теней. Может, и мне там какая-нибудь роль припасена. По обыкновению – второго плана.

Дворами выходим к вокзалам и аэропортам. Актерская жизнь – жизнь цыганская. Странно, когда попадаешь куда-нибудь первый раз и чувствуешь, что уже здесь был. Такое происходило со мной неоднократно. Приезжаю, допустим, в Сызрань. Иду по улице и знаю, что за углом. Страшное дело! Или это действительно в прошлой жизни было? Может, когда-нибудь, в веке XVIII, я уже жил в этой Сызрани?

За границей такого ощущения не возникает.

В начале 80-х нас пригласили в ФРГ с «Трехгрошовой оперой». Естественно, трех-четыре человек не пустили за эту настоящую границу, потому что идеологически ненадежны. А в «Трехгрошовой опере» Брехта действует банда Мэкки-Ножа. И каждый бандит имеет кличку. Последний в списке – Роберт-Пила, которого играл Жора Мартиросян. Жора уже в те годы выглядел как супермен, и такого шикарного мужика в ФРГ пускать, конечно, было нельзя. Его и не взяли.

Началась борьба за Пилу. Даже Толя Папанов намекал: «А может быть, я?» Ему сказали: «Толя, ты такой великий артист. Какая Пила?» «Ну кто там меня знает?» – пытался возразить Толя. Но его отговорили. Тогда Андрюша Миронов спровоцировал Плучека на то, чтобы на «Пилу» взяли меня. И Толя Папанов потом говорил: «Это был сионистский заговор против меня».

В общем, я поехал Пилой. В спектакле мне надо было только ходить по сцене и хором читать несколько зонгов. Правда, на немецком. Я их выучить не мог, но что-то мычал вместе со всеми.

К спектаклю принимающая сторона напечатала программки. Поскольку в ФРГ не знали, что бывают заслуженные и народные, в программках вместо титулов стояли звездочки. «Мэкки-Нож – Андрей Миронов» – звездочка. «Пичем – Спартак Мишулин» – звездочка. «Браун – Михаил Державин» – звездочка. После чего шло огромное количество действующих лиц и в самом конце, перед бутафорами: «Пила – Александр Ширвиндт» – и звездочка. Немцы, как люди точные, когда рассаживали по гримерным, све-

рялись с этими звездочками. И я сидел в гримерной с Андрюшей, Спартакoм и Мишей. Они волновались: Брехт, ФРГ. А я все время сидел в длинной черной шинели с грязными усами и пьяный – кроме, как пить, делать мне на этих гастроях было нечего. Когда корреспондентки прибежали брать интервью, то зыркали на меня и тихонечко интересовались: «Кто это?» Им объясняли, что это ведущий артист театра, который играет Пилу. Тогда они вынужденно спрашивали меня: как я готовил Пилу, и что я хотел сказать этой Пилой, и что я вообще думаю о Пилах? Я что-то вякал. А на вопрос: «Какая ваша творческая мечта?» – честно ответил: «Моя мечта – сыграть Пилу на Родине».

• • •

Подготовка к гастроям, особенно во враждебные страны, велась загодя и дико подробно. Да и в соцлагерь нужно было проби-ваться со знанием дела: в ходе подготовки обязательно прослу-шать несколько лекций.

Из отчета о гастроях Театра сатиры в Италии и ЧССР (октябрь – декабрь 1974 г.)

Подготовка к гастроям началась в мае 1974 года.

В ходе подготовки для коллектива театра было проведено 7 лекций и бесед о политическом положении, истории, культуре и искусстве Италии и ЧССР. Беседы проводились сотрудниками МИД СССР, научными работниками, а также офицерами чехосло-вацкой армии – слушателями Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

Инструктивную беседу с участниками поездки провел началь-ник Управления внешних сношений Министерства культуры СССР тов. Дюжев А.М.

План внутренне-театральной идейной агонии подготовки к гас-тролям нужно было сдавать в МГК партии.

План
мероприятий по подготовке и проведению гастролей
Московского Театра сатиры в Польской Народной Республике
в июне 1976 года

Информационно-пропагандистская работа.

1. Подготовить для показа в ПНР фотовыставку об истории, становлении и развитии Московского Театра сатиры, **подчеркнув в ней роль боевой революционной советской сатиры как верного помощника партии в воспитании нового человека.**

2. Подготовить лекции членов коллектива для выступлений в ПНР на следующие темы:

1) «**Советский сатирический театр – активный помощник партии**» – докл. В.Н. Плучек.

2) «Проблемы современной режиссуры, богатство и многообразие метода социалистического реализма в советском театре» – докл. В.Н. Плучек.

3) «Роль партийной организации в театре, формы и методы ее работы по повышению идейно-художественного уровня деятельности коллектива» – докл. Б.В. Рунге.

4) «Создание образа положительного героя в сатирическом спектакле» – докл. Г.П. Менглет...

В связи с отсутствием надежды на денежную поддержку как в черте творческой оседлости, так и за рубежом, основная задача состояла в том, чтобы вывести из страны проживания максимум необходимых товаров и продуктов.

Опись представительских и сувениров,
вывозимых на гастроли в СФРЮ в 1982 году

1. Книги-альбомы («Политиздат») – 8 шт.
2. Сувениры разные – 20 шт.
3. Водка – 50 бут.
4. Коньяк – 5 бут.
5. Сосиски – 30 бан.

На маршруте

6. Консервы разные – 15 бан.
7. Икра – 10 бан.
8. Чай – 5 пач.
9. Кофе – 4 бан.
10. Колбаса – 6 бат.
11. Печенье – 10 кор.

• • •

Из «Протокола по вопросам гастролей Московского академического театра сатиры в ЧССР в период с 11 по 23 ноября 1985 года»

Исходящий реквизит, покупаемый страной ЧССР:

спектакль «Прощай, конферансье!»

- а) хлеб белый – 1 булка,
- б) хлеб черный – 0,5 булки,
- в) яблоко – 2 шт.,
- г) сыр – 250 гр.,
- д) картофель – 0,5 кг,
- е) 2 белых голубя.

Голуби хорошо смотрятся в списке рядом с сыром и картошкой. Поскольку я в «Конферансье» не играл, не помню, зачем голуби – чтобы их есть или чтобы летать. Тем более что финансовое положение гастролеров всегда было катастрофическим.

Из документов о гастролях в Болгарии в 1984 году:

Каждому члену коллектива будут выплачены суточные в размере 12,45 левов в день.

• • •

В ЧССР в гостиницах членам коллектива будут предоставлены завтраки. Члены коллектива будут обеспечены обедом и получают 70 крон карманных денег (40 крон на день + 30 крон отказавшимся от ужина).

О П И С Ь
представительских и сувениров, вывозимых
на гастроли в СФРЮ

1. Книга-альбомы (Политиздат)	- 8 шт.
2. Сувениры разные	- 20 шт.
3. Водка	- 50 бут.
4. Коньяк	- 5 бут.
5. Соусы	- 30 бан.
6. Консервы разные	- 15 бан.
7. Сахар	- 10 бан.
8. Чай	- 5 пак.
9. Кофе	- 4 бан.
10. Колбаса	- 6 бат.
11. Печенье	- 10 кор.

Заведующий директором

Гельман
Г.М.Зельман

21.07.81

• • •
Внутренние гастроли были более сытными, но тоже непредсказуемыми.

Когда-то давно давали концерты в Красноярске, где было 44 градуса мороза. Во Дворце спорта зрители сидели в пальто. Мы, естественно, были в костюмах. Объявлял Зялочку: «Выступает народный артист России ЗИМОВИЙ Гердт».

• • •
Летели мы в Днепропетровск. Вернее, мы стояли лететь в Днепропетровск. В VIPe. Вылет – где-то в 11 утра, а вечером спектакль. Снег шел хлопьями, как плохая бутафория в плохом театре: снежинки огромных размеров. Нет вылета и нет. Везли мы туда антрепризный спектакль «Чествование», в котором один сильный эпизод со мной играли мощные партнерши: Таня Догилева, Люся Гурченко, Оля Волкова. Кто-то из них не мог, ввелась Любочка Полищук. Она играла сестру милосердия, которая пришла к больному. А на самом деле это была его старая любовница. Но так как эту роль исполняли уже и Гурченко, и Догилева, и Волкова, нужно было изобрести что-то другое. И тогда они вместе с режиссером Леней Трушкиным придумали, что она мужик. Стройный, с усами. Единственная проблема была – усы у нее все время отклеивались.

И вот мы сидим в аэропорту. И все говорят: «Кажется, поездка накрывается, пошли». Так как я был там самый старый и самый главный, я говорил «нет» – и все садились. Проходил еще час-другой, авиаторы сообщали: «Нет, сегодня исключено». Все оживлялись: «Ну...» Я говорил: «Нет! Если сейчас выпустят, мы успеваем». В буфете были только чипсы и коньяк. В шесть часов вечера стало ясно, что уже точно никуда не успеваем. Ко мне подходит Любка и говорит: «Разреши». Я говорю: «Рано». – «Ну где, ... , рано?! Целый день сидим».

В семь часов я дал отмашку к алкоголизму. А ближе к девяти часам вечера, после чипсов и коньяка, объявляют посадку.

Мы прилетаем в Днепропетровск в одиннадцатом часу в полном разборе. Смотрим в иллюминаторы – такое ощущение, что произошла какая-то катастрофа: весь аэродром в машинах – «скорые помощи», мигалки, милиции навалом. Нас выуживают из самолета, мы плюхаемся в машины и за двадцать минут доезжаем до театра. Было без четверти одиннадцать вечера. Полный зал. Зрители отказались уходить. И выходит совершенно разобранная, как бы это сказать поинтеллигентнее... братия. «Что?! Играть?!» Мятые, страшные. Начали играть. Зрители понимают, в каком мы состоянии, и к нам очень сострадательны. Мы понимаем, что они понимают, и все время извиняемся: «Ну, мы так долго летели...»

По ходу спектакля появляется Михал Михалыч Державин и двигает эту историю, выводя на сцену персонажей. Последней он выводил героиню Любочки. А так как Любочка выходила на сцену через два часа после начала спектакля, она созрела окончательно.

Играли мы в оперном театре. А там между занавесом и оркестровой ямой – почти ничего нет. Выходит Михал Михалыч, выводит Любочку, а она не ожидала, что там так мало для нее места. Михал Михалыч представляет ее: «А вот...» Она делает шаг: «Ё.....!» Ее встречает овация. Державин не может ее удержать и начинает падать в оркестровую яму. И тут Любочка совершенно грациозно хватается Михал Михалыча за шкуру и вытаскивает его из оркестровой ямы на рабочее место.

Любочка была очень сильный человек, замечательная актриса, чудная, дико манкая баба и удивительный товарищ.

Вообще гастрольная жизнь актера требует отдельного много-томника.

• • •

Помимо театральных работ актерская жизнь в основном состояла из так называемых шефских концертов. Куда артистов театра только не приглашали!

Убедительно просим актеров Театра сатиры А. Ширвиндта и М. Державина выступить...

...на расширенной коллегии с участием представителей Совета Министров автономных республик, крайисполкомов и облисполкомов.

...на праздничном шефском концерте для участников военного парада на Красной площади.

...на спецконцерте для участников Всероссийского собрания представителей Советов колхозников.

Концертные площадки варьировались от кузова грузовика до Кремлевского дворца съездов.

Колонный зал Дома союзов лет пятьдесят назад. В то время у Иосифа Кобзона и Муслима Магомаева были не самые легкие отношения. Идет концерт, который ведет Светлана Моргунова. За кулисами – Кобзон и Магомаев. И каждый говорит ей: «Я после него не пойду». Я опаздываю. Вбегаю по лестнице, Света меня видит и кричит: «Все, прокладка пришла!»

• • •

Самые ответственные шефские концерты были 7 ноября и 1 мая во время городских гуляний на открытых площадках. И здесь иногда директор театра проявлял исключительное мужество.

*Заместителю начальника
Главного управления культуры
исполкома Моссовета
т. Крючкову В.С.*

11.10.88

Направляем по Вашей просьбе программы концертов 7 и 8 ноября и составы концертных бригад силами артистов Московского академического театра сатиры с указанием номеров, ответственных лиц за выступление концертных бригад.

Со своей стороны убедительно просим не посылать бригады артистов на выступление на открытых площадках, так как это

20
Заместителю начальника
Главного управления культуры
исполкома Моссовета

т.Крючкову В.С.

11.10.88 I/04 -506

Направляем по Вашей просьбе программы концертов 7 и 8 ноября в составы концертных бригад силами артистов Московского академического театра сатиры с указанием номеров ответственных лиц за выступление концертных бригад.

Со своей стороны убедительно просим не посылать бригады артистов на выступление на открытых площадках т.к. это чревато в дальнейшем срывами репертуарных спектаклей театра из-за болезни артистов.

Тем более, что, как известно, по существующему Положению не допускается привлечение артистов к выступлениям при температуре воздуха ниже $+16^{\circ}$.

Директор театра

А.П. Левинский

чревато в дальнейшем срывами репертуарных спектаклей театра из-за болезни артистов. Тем более что, как известно, по существующему Положению не допускается привлечение артистов к выступлениям при температуре воздуха ниже $+16^{\circ}$.

Директор театра А.П. Левинский

• • •

В советское время в ходу был бредовый лозунг о содружестве искусства и труда. Подразумевалось, видимо, что искусство – это не труд. У нашего театра тоже был союз «с трудом» – с ЗИЛом и Сахарорафинадным заводом имени Мантулина. Мы даже были

На маршруте

почетными членами бригады какого-то цеха (в какую бригаду входил я – уже не помню) и ударниками коммунистического труда. С сахаром у нас всегда было благополучно, с автомобилями и холодильниками «ЗИЛ» – хуже.

Чтобы не быть голословным, привожу цитату из обнаруженного в архиве документа:

*Ордена Трудового Красного Знамени комсомольская
организация автозавода имени И.А. Лихачева*

*Заместителю директора Театра сатиры
тов. Зельману Г.М.
16 марта 1982 года*

Уважаемый Геннадий Михайлович!

Давние узы дружбы связывают коллектив автозавода имени И.А. Лихачева и коллектив Театра сатиры.

Многие актеры Вашего театра являются почетными членами комсомольско-молодежных бригад нашего завода. Членом бригады Главного литейного цеха серого чугуна (бригадир М. Глушченков) является актер Вашего театра, народный артист РСФСР А. Миронов. Комсомольская организация завода в преддверии XIX съезда ВЛКСМ проводит тематический вечер «Твой труд – твоя высота», на котором будут чествоваться лучшие комсомольско-молодежные бригады нашего завода...

На вечере будут присутствовать ветераны труда завода, передовики производства, инициаторы социалистического соревнования, наставники молодежи.

Комитет комсомола завода убедительно просит Вас организовать выступление...

И так далее.

В основном заявки шли от женских коллективов.

К-1/18-74

18

марта

Начальнику
Главного Управления культуры исполкома
Моссовета

тов. Докучаевскому Б. П.

- ✓ Краснопресненский РК КПСС тов. Козыко В. П.
- ✓ Горком Профсоюза работников культуры

ПЕРЕЧЕНЬ МЕРОПРИЯТИЙ,

намеченных для проведения Ленинского
субботника коллективом Московского
театра сатиры

1. Коллектив театра покажет в день Воскресенного Ленинского коммунистического субботника свой новый спектакль "Маленькая команда большого дома", посвященный нашей любимой столице. Весь сбор от спектакля будет перечислен в Фонд Питрелица. Предполагаемый сбор - 1180 рублей.
2. В период с 17 по 20 апреля с.г. намечается провести:
 - а) творческий отчет перед коллективом ЗИЛ;
 - б) творческий отчет перед коллективом сахаро-рафинадной завода имени Мантулы;
 - в) творческий отчет перед труженниками сельского хозяйства колхозного Солнечногорского района Московской области;
 - г) творческая встреча с рабочими Краснопресненского района города Москвы в Университете культуры района (ДК имени В.И. Ленина);
3. В субботнике примет участие 268 человек (количество работающих в этот день).
4. В своей организации будут работать 38 человек.
5. В выездных творческих встречах примет участие 38 человек.
6. Общий объем работы: спектакли, творческие встречи, уска задания в прилегающей территории.
Весь объем работы будет проведен без использования транспортных средств.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА
СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕСТКОМА

А. П. ЛЕВИНСКИЙ
В. Г. ПРОТАСОВ
М. ДЕРЖАВИН

[Handwritten signature]
18/III/74

Директору Театра сатиры
тов. Левинскому А.П.
25.02.84

Уважаемый Александр Петрович!

5 марта с.г. в 17 часов тринадцатитысячный коллектив женщин Первого государственного подшипникового завода проводит торжественное собрание, посвященное Международному женскому дню 8 Марта.

Женщины нашего завода просят принять участие в торжественной части вечера, посвященного Международному женскому дню 8 Марта, ведущих артистов театра.

В благодарность за посещение женщины ответят ударным трудом на производстве.

*Председатель профкома В.М. Михеев
Председатель женсовета Т.М. Царева*

• • •

Но шефство – это бесплатно. А жить надо. Кроме сахара хотелось что-то еще иметь в холодильнике, поэтому мы с Мироновым или Державиным проводили так называемые творческие вечера. Переводя на русский, «левые» концерты, то есть халтуры.

Роли распределялись так: Миронов – большой артист и художник, а я – рвач и администратор. Звонок. «Вам звонят из фармацевтического управления Москвы». Замечательная контора, где, как муравьи, ползают сонмища женщин. Фармацевтические чиновники. И мы в этой конторе были, условно говоря, в прошлом году на 8 Марта. И вот опять звонят: «Мы мечтаем на 8 Марта снова видеть вас...» Я, прикрывая микрофон рукой, говорю тихо Миронову: «Звонят из фармацевтического управления». Андрюша машет на меня руками: «Нет, ни в коем случае, отказывайся». «Но ведь мы у вас были», – говорю я в трубку. «Не важно, заявки только на вас – только на вас хотят посмотреть». «Ну что значит – посмотреть? – говорю. – Мы же артисты. Мы должны что-то показать. Не можем же мы высту-

пать с той же программой». «Ну что-нибудь...» Андрей машет руками: «Даже не думай! Положи, положи трубку! Не разговаривай с ними!» – «Тогда говори сам». Я передаю ему трубку. Андрей начинает: «Ну, дорогие, но мы артисты академического театра, мы так хорошо у вас выступили в прошлом году. Нет, не можем. Ну, не можем мы просто выходить и улыбаться...» На том конце провода огорчаются: «Ну как же? А мы так надеялись. У нас есть 500 рублей». Андрей: «Так, адрес!»

• • •

После концертов возникали и неприятности. К примеру, однажды зимой мы с Андрюшей Мироновым должны были лететь в Новосибирск на суд над администратором концертных площадок, куда нас вызывали в качестве свидетелей. Мы получили за выступление на 50 рублей больше положенного, а этот администратор, условно говоря, – на 50 тысяч рублей. Чем закончилась история, не помню, но запомнилось, как мы туда улетали.

Лететь должны были ночью, на один день, и в следующую ночь вернуться. Андрей заехал за мной на такси, поднялся, а я все никак не мог решить, какую взять с собой трубку. Мы уже опаздывали на самолет, Андрюша стал торопить. Я ему говорю:

– Никак не найду свою любимую трубку, а от всех этих я не получаю удовольствия.

– Шура, – мрачно замечает Андрей, – а ты летишь на суд получать удовольствие?

Трубка была наконец найдена, мы спустились к такси. И, когда я в него влез, у меня сзади по шву лопнули брюки. Надо возвращаться домой. Я поднялся, но из-за суеверия (и без того поездка не из приятных), порог квартиры не переступил. Жена вынесла на лестничную площадку газетку, расстелила на полу, я встал, стянул штаны, натянул другие, но они мне чем-то не понравились, и я решил надеть третьи. Снимаю те, и в этот момент хлопает входная дверь, в подъезд входит Андрюша, видит меня на лестничной площадке без штанов и ласково спрашивает:

– Шура, у тебя какие планы?

25
Ваше письмо, которое я вчитываю с жа-
ркой любовью - 21, XII 1979 года.

Дорогие товарищи!

Позвольте мне выразить вам глубокую
благодарность за вашу искреннюю и доб-
родетельную критику и критику, кото-
рую вы дали старому коммуни-
сту и интернационалу.

Эта с великой радостью и сердечной
благодарностью принята не только
принципиально, но и еще
и так, что по ее итогам я буду не сме-
ять даже писать. А это вчитываю очень
много. Вы приняли все по сути
революционной и прогрессивной.

Великодушно просите за меня и
безопасность в зрительном зале. Вы
были допущены по другим материалам
чуждым людям.

Еще и еще - раз доложите старому
всем, дорогие друзья!

От имени старика коммуниста и интер-
национала и от себя лично.

С глубокими уважением Н. Морозов.
25/12/79 года.

• • •

Есть старинная актерская байка. Молодая актриса играет «Грозу» в провинциальном театре. Последняя сцена. Она выходит к обрыву, произносит монолог и прыгает в оркестровую яму (подразумевается, что она прыгнула в Волгу). А там пьяные рабочие сцены забыли положить маты. Страшный трескучий удар. И надрывной голос Катерины: «Ой, Волга-то замерзла!»

Эстрадно-концертный багаж и находчивость очень помогают в экстремальной театральной ситуации. Как-то мы играли спектакль «Орнифль» по пьесе Ануя. На 20-й минуте вырубился весь свет, причем не только в театре, но и во всем микрорайоне. Его не было ровно сорок минут. Мы стоим в темноте на сцене. Прибегают какие-то люди и предупреждают, что ни в коем случае нельзя отпускать зрителей – будет паника и давка. На сцену выносят несколько свечей, и мы с Державиным спрашиваем, что делать. Из зала кричат: «Расскажите что-нибудь». И мы в костюмах начала прошлого века, в темноте, стали трепаться, рассказывать байки и играть миниатюры. Когда через 40 минут врубили свет, мы спрашиваем зал: «С начала играем или оттуда, где потухло?» «Где потухло!» – кричат из зала. И мы тут же с одного абзаца, перестав существовать как эстрадные дивы, погнали дальше спектакль.

• • •

Интернета в советские годы не было, а интернатов было навалом. Вот документ из архива театра.

21. XII.1979

Участникам концерта в интернате старых коммунистов

Дорогие товарищи!

Позвольте принести вам глубокую благодарность за творческую товарищескую встречу и концерт, который вы дали старым большевикам интерната.

Вас с большой радостью и глубокой благодарностью слушали не только присутствовавшие в зале, но еще и те, кто по состоянию здоровья не смог там быть. А их в интернате очень много. Они слушали вас по внутриинтернатской трансляции.

На маршруте

•

Еще и еще раз большое спасибо вам, дорогие друзья!

От имени старых большевиков интерната
и от себя лично.

С глубоким уважением Н. Мочалов

25.XII.1979

Очевидно, письмо писали, как запорожцы, всем коллективом, потому что, как видите, начали писать 21-го, а закончили 25-го.

• • •

Вся наша жизнь пронизана шефской работой.

Из отчета о гастролях театра в г. Кишиневе с 10 по 31 августа 1983 года:

...Были организованы творческие встречи с тружениками сельского хозяйства Криулянского района, рабочими завода «Виброприбор» и НПО «Виерул», учителями Ждановского района г. Кишинева, пограничниками, воинами Советской армии...

• • •

Из отчета о гастролях в Италии и ЧССР (1974 г.):

*Яркое впечатление оставила встреча с рабочими металлургического комбината «Италсидер» в Генуе, где был дан импровизированный концерт, после которого директор комбината Мейстриони провел экскурсию по заводу. **Незабываемой была встреча с докерами Генуи, которая проходила непосредственно в порту, в рабочей столовой.** Встреча вылилась в подлинную демонстрацию дружбы, шли оживленные беседы, звучали советские и итальянские песни.*

На самом деле звучали только «Подмосковные вечера» и «Бандьера Россо». Оживленные беседы не шли из-за языкового барьера, а морепродуктами, которыми угощали труппу, голодный коллектив ночью заблевал всю гостиницу. Вот вам изнанка советско-итальянской дружбы.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

ЦК ВЛКСМ НАГРАЖДАЕТ

ШИРВИНДТА

Александра Анатольевича

актера театра имени Ленинского ком-
сомола - за создание образов и спек-
таклей о нашем современнике, актив-
ную пропаганду театрального искус-
ства среди молодежи.

Александр

2. УП 1964 г.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Карасуский РК ЛКСМК Кустанайской
области награждает Ширвиндт Александра
Анатольевича артиста театра г.Москвы за
успешное выступление перед населением
совхозов района.

Секретарь райкома (группкома)
комсомола

9.25

13 февраля 1959 г.

ПАРТИЯ -
УМ. ЧЕ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

награждается
Почетной грамотой

**ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РОККО
АЛЕКСАНДР ШЕРВИНДТ**

**ЗА АКТИВНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ПО КУЛЬТУРНОМУ
ИССЛЕДОВАНИЮ РАБОТНИКОВ КОММУНАЛЬНОЙ ОТРАСЛИ
В ВРЕМЯ ГАСТРОЛЕЙ В ГОРОДЕ КОШИНЬЕВЕ .**

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ:

В. П. ЦЕЛИНКО

Целинко

август 1983

**И СОВЕСТЬ
ТЕПЕРЬШЕЙ ЭПОХИ**

Целинко (Великий)

ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

Заслуженный артист
РСФСР

ШИРВИНДТ
Александр Анатольевич

за активное участие по военно-
патриотическому воспитанию среди
пограничников южных рубежей
Родины.

Командир войсковой части 2523
майор м/с *А. П. КЕЧИН*

Зам. командира по политчасти
майор *А. П. КУВАЕВ*

25 октября 1985 года.

У меня целые стеллажи грамот за шефские работы. Вот некоторые из них (орфография оригинала сохранена).

Удостоверение выдано товарищу Ширвинд А.А. в том, что он награжден Центральным комитетом ВЛКСМ значком «За освоение новых земель» (1959)

Никогда на Родине правильно мою фамилию не писали и не произносили. Если в этих грамотах фамилию писали правильно, это уже был подарок. Если стояло «Ширвиндт», значит, человек знал, кому вручал.

Карасуский РК ЛКСМК Кустанайской области награждает Ширвиндт Александра Анатольевича, артиста театра Москвы, похвальным листом за успешное выступление перед населением совхозов района. (1959)

В Карасуском грамот еще не было – давали листы.

ЦК ВЛКСМ награждает Почетной грамотой Ширвиндта А.А., актера Театра имени Ленинского комсомола, за создание образов и спектаклей о нашем современнике, активную пропаганду театрального искусства среди молодежи. (1964)

Чего создавал? Образов или спектаклей?

Грамота

Управление, партийный, профсоюзный и комсомольский комитеты Магнитогорского металлургического комбината имени В.И. Ленина награждают артиста Московского Театра сатиры Ширвиндт А.А. за большие творческие успехи и активное участие в шефских концертах для металлургов Магнитки в дни ударной вахты в честь выплавки 200 000 000 тонн стали.

Из 200 миллионов тонн стали несколько килограммов – мои.

Магнитогорск

2000

МИЛЛИОНОВ

ПОЮН

СТАМ

ГОД 1970

ГРАМОТА

Управление, партийный, профсоюзный и комсомольский комитеты Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина награждают артиста Московского театра Сатиры

Ширвинат Александра Анатольевича.

за большие творческие успехи и активное участие в шефских концертах для металлургов Магнитки в дни ударной вахты в честь выплавки 200 000 000 тонн стали.

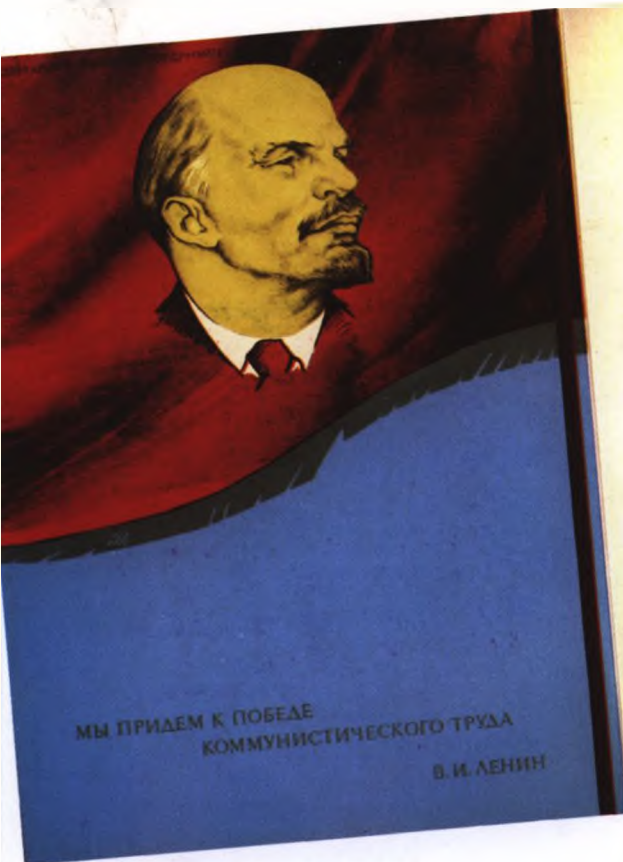

Директор комбината
А. ФИЛАТОВ.

Секретарь парткома
Д. ГАЛКИН.

Председатель профкома
В. АРХИПОВ.

Секретарь комитета ВЛКСМ
В. СМЕЮЩЕВ.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Награждается

Заслуженный артист РСФСР

Ширвиндт

Александр Анатольевич

За участие в шефском концерте посвященному
50-летию Красноярского края
перед коллективом строителей
завода тяжелых экскаваторов –
Важнейшей стройки
11ая пятилетки.

Зам. Начальника Главкрасноярскстрой
Начальник ЯСМО КЭТС /В.Л. Болот/
Секретарь парткома /В.И. Рамин/

Товарищ Ширвиндт Александр Анатольевич,

Президиум Верховного Совета Узбекской Советской Социалистической республики за активное участие в проведение гастролей, сыгравших важное значение в пропаганде достижения советского театрального искусства среди трудящихся республики, награждает Вас Почетной грамотой. (1973)

Почетная грамота республики была крайне престижной бумагой – предтечей медали или даже ордена. Не помню, что я играл на сцене, но важное значение сыграл на грамоту.

Билет участника первенства СССР по футболу. Дает право бесплатного посещения всесоюзных, международных соревнований по футболу. (1976)

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

БАШКИРСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

Ширвиндт

Александра Анатольевича

— артиста Московского Ордена
Красного Знамени театра имени
Ленинского Комсомола — за хоро-
шее культурное обслуживание и
большую помощь в воспитании
комсомольцев и молодежи респуб-
лики.

Секретарь обкома
ВЛКСМ

Турквату

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Сталинградский ГК ВЛКСМ награждает за большую работу по воспитанию молодежи, проведенную во время гастролей в г. Сталинграде, и активное участие в многочисленных встречах, шефских концертах и спектаклях ШИРВИНДТ АЛЕКСАНДРА, артиста театра им. Ленинского Комсомола.

Секретарь Сталинградского ГК ВЛКСМ *[Signature]* 6 июля 1961г. 1961г.

Это приравнивается к награде. Моя гордость. Хотя самым страстным любителем футбола в нашем театре был не я, а Георгий Менглет, который знал про футбол абсолютно все. Можно было ночью разбудить его, спросить, как закончился в 1929 году матч «Пищевик» – «Торпедо», и он безошибочно называл счет и засыпал. И не надо было проверять. В спектакле «У времени в плену» Георгий Павлович играл эпизодическую роль и долго находился на сцене, практически не произнося ни слова. Когда шел футбол, специально для него ставили в кулисы маленький телевизор, и он умудрялся смотреть матч прямо во время спектакля.

Почетной грамотой награждается Заслуженный артист РСФСР Ширвиндт А.А. за большую шефскую работу по эстетическому и нравственному воспитанию личного состава Рязанской высшей школы МВД СССР в дни несения службы на играх XXII Олимпиады. (1980)

Я и забыл, что участвовал в Олимпиаде в составе Рязанской высшей школы МВД.

Удостоверение к нагрудному значку «Отличник культурного шефства над Вооруженными силами СССР».

За многолетнюю активную помощь командирам и политорганам в коммунистическом воспитании советских воинов. (1982)

Молодость! Молодость! Сил хватало помогать не только командирам, но и органам.

Памятный знак ЦК ВЛКСМ «За активное участие в подготовке и проведении XX съезда ВЛКСМ»

Те, кто помогал пассивно, не состоялись.

Почетной грамотой Кишиневского комбината искусственных кож и резинотехнических изделий награждаются товарищи

Миронов, Ширвинт, Высоковский за высокохудожественное исполнительское мастерство и коммунистическое воспитание трудящихся. (1983)

Исхитрялись совмещать мастерство с коммунистическим воспитанием. Вы, нынешние, – ну-тка!

Почетная грамота за участие в шефском концерте, посвященном 50-летию Красноярского края, перед коллективом строителей завода тяжелых экскаваторов – важнейшей стройки 11-й пятилетки.

Надеялись прокатиться на тяжелом экскаваторе, но не дали.

Воркутинский городской рабочий стачечный комитет Коми АССР

Горняки Заполярной Воркуты горячо благодарят Роксану Бабаян, Михаила Державина, Александра Ширвиндта за средства, перечисленные в фонд бастующих шахтеров. Семьи горняков выражают большую признательность за моральную и материальную поддержку шахтеров в их нелегкой, но справедливой борьбе.

С кем боролись шахтеры? Уже тогда слово «фонд» ассоциировалось с денежной могилой. Но деньги отдал.

Вообще, как говорила моя соседка по дому Раневская, все ордена, грамоты и звания – это похоронные принадлежности.

Некоторые ордена выдают четырех степеней. Начинают с четвертой. Кто-то, если не оступится, доживает до первой. Значит, орденская степень – это степень свежести юбиляра.

За нашу Советскую Родину!

ГРАМОТА

Артисту театра им. Ленинского Комсомола
ШЕРВИНДТ А.А.

Награждается за активное участие в культурно-
шефской работе среди личного состава частей
Московского военного округа

Коллектив командир войсками
Московского военного округа
Маршал Советского Союза
МОСКАЛЕНКО.

Член Военного Совета —
начальник Политуправления МВО
генерал-лейтенант
ЕГОРОВ.

1959 г.

Дворами выхожу к «Мосфильму», «Ленфильму» и Одесской киностудии...

Я много снимался в кино, но по сути я артист театральный. Работа актера в кино и в театре – это разные искусства, профессии и способы взаимоотношения с материалом. Недаром огромное количество театральных актеров потрясающе играют в кино и очень мало, практически единицы так называемых чисто кинематографических актеров играют на театральной сцене. Переход из одной системы в другую – очень трудная штука для актера. К примеру, он умеет играть, когда сцены снимаются дробно, любит работать на крупном плане и раскован перед объективом. А в театре ему нужно перекидывать свою энергию через рампу и отдавать ее залу, играть роль не кадрами, а сплошной сквозной линией. Для чистого киноактера это тяжело. А театральному актеру, наоборот, только дай повод спокойно посидеть перед кинокамерой. Это такой кайф, когда можно не орать и не бояться, что перед тобой нет зрителей.

• • •

Я очень люблю рынок около дачи. Покупаю там все у знакомых продавцов. Они уже знают, какой творог мне нравится, какая редиска мне нужна. Как-то подошел к ларьку с DVD-дисками, спрашиваю: «Ну что, порнуха есть?» «Есть, конечно», – говорит продавец. Я удивился и решил уточнить: «Какая?» Он полез доставать диск: «Да «Бабник».

• • •

Первый фильм, в котором я снялся, – «Она вас любит» (1956 год). В кинематограф меня вывел мой друг Михаил Козаков. Я учился на четвертом курсе, а Козаков был уже знаменитым, потому что снялся в «Убийстве на улице Данте» у Ромма. Его тут же пригласили в картину «Она вас любит» сыграть молодого кретина. И он уже начал сниматься, но его позвал Охлопков на роль Гамлета, и он, конечно, все бросил. А киногруппе сказал: «Я вам привезу такого же». Приволок меня и всем рассказывал, какой

я гениальный. Первый и последний раз он так обо мне отзывался. В киностудии все были в трауре: Козаков привел вместо себя какую-то испуганную шпану. Но выхода не было, и я стал сниматься.

Через 43 года после съемок «Она вас любит» я получил от своего друга Козакова интеллигентнейшее письмо.

Ну что, Шуренок? Ё...ло шестьдесят пять? А куда мы на х... денемся? Иду, как всегда, вдогонку: в октябре можешь мне ответить виртуозным трехэтажным, которым ты всегда владел лучше меня, твоего ученика. И хотя ты, б..., всю нашу сорокапятилетнюю совместную и параллельную жизнь держал меня на задворках, предпочитая мне других, несомненно более блестящих и достойных твоей дружбы, я, сукин ты сын, тебя очень люблю! Ты, сука, почти родственник...

Помню Скатертный. Маленького, нежнейшего папу Толю, его скрипку. Маму Раю, что первая помогла мне стать миллионером, установив не положенную мне ставку 13 рублей 50 копеек в обход всех законов. Она, в отличие от тебя, мудака, не засыпала от скуки, слушая мои стихи.

Помню сакраментальную бутылку водки, разбитую нами в Парке культуры и отдыха имени Горького. А старый Новый год в ресторане гостиницы «Советская», куда мы с тобой, водила х...в, добирались на станицынской «Победе», заправляя радиатор мочой...

А ночные посиделки в ресторане «Внуково», куда добирались уже на двух «Победах» – твоей и горемыкинской...

Историческое наше фото после опохмелки в фотографии Напельбаума или другого еврея с Женькой Евстигнеевым. Два черных креповых костюма со свастикой для фрагмента из «Молодой гвардии» и праздничной халтуры по клубам Москвы.

Ну и, конечно, свадьба, Таточка, ее родня, ты... и я при сем.

Дальше начиналась совсем взрослая и, как выяснилось, длинная жизнь. Полагаю, ее можно назвать счастливой, что у тебя, что у меня.

Мы отцы, деды, даст Бог, станем прадедами. Мы много видели, много пережили, увы, уже многих похоронили...

Что мне пожелать тебе, хрен ты моржовый, в середине пути от одной круглой даты до другой? Что тебе, б... ты эдакая, не хватает? Все у нас с тобой, мудаков, есть: прошлое, настоящее, надежда на будущее...

Разве что здоровья. Тебе, Таточке, родным, близким.

Все остальное при нас и в наших руках...

Обнимаю тебя от всего сердца, мысленно (только мысленно!!!) выжираю за тебя литра полтора водяры, после этого посылаю всех на х... и по обыкновению падаю в канаву.

19.VII.99

Твой Миша Козаков

• • •

Уже нет Козакова, с которым я дружил с 1952 года. Поколение уходит. Снаряды рвутся рядом. Еще одно страшное «попадание» – Людмила Гурченко.

При всем моем вялом характере и при ее упертости и максимализме мы умудрились с ней за 52 года общения ни разу не поссориться. Хотя ее внимание к коллегам, друзьям, родственникам было обостренно щепетильным.

Мы чего только не делали: в кино снимались, в театре играли, на эстраде и на телевидении все время крутились. Она лидерствовала всегда и во всем. И в случае со мной, в частности. Во-первых, я ей не мог никогда ни в чем отказать. А во-вторых, я ее слушался. Когда мы снимались в Питере в фильме «Аплодисменты, аплодисменты», ей не понравилось, что у меня не голливудские зубы, и она заставила меня поехать на «Мосфильм», где мне дней пять делали бутафорскую челюсть. В итоге мне воткнули эту страшную белозубую пасть, я, несчастный, приехал в Питер. «Люс-ся, я с-сказать ничего не могу». Она: «Но как красиво!» – «Что крас-сиво? Что крас-сиво?» Вот это ее силища.

Люся – из тех немногих киноактрис, которые прекрасно работали и в театре. Она была блистательная театральная актриса и в кино могла делать все что угодно. Все, что мы с ней делали в

кино, на телевидении, было элементом импровизации, придумок на ходу. Это создавало воздух.

Я не смог ей отказать, и когда она пригласила меня в свою картину «Пестрые сумерки». Это последняя ее работа. Увлечшись судьбой слепого мальчика, пианиста, она решила снять фильм. Люся просуществовала во всех возможных ипостасях: она написала музыку, она практически автор сценария и сорежиссер и она главная героиня. Она не была, кажется, только оператором. И то участвовала. Ей захотелось все это попробовать. Может, интуиция подсказывала, что надо успеть.

Люся была актриса универсальная – драматическая и архи-характерная. Пластика, движение. Патологическая музыкальность. Все составляющие комплекса полноценности актерской в ней присутствовали. Если проследить ее биографию, это какие же перепады – от искрометных водевилей до германовских картин.

Какая-то жуткая мистическая символика: умерла Элизабет Тейлор и буквально через неделю Люся Гурченко. Люся ее очень любила. Мне кажется, был даже некий элемент идентичности их судеб.

• • •

С Люсей Гурченко мы снимались у Рязанова. В «Вокзале для двоих» Рязанову нужен был эпизодик с ресторанным пианистом. Сниматься у Рязанова хорошо, потому что он говорит: «Вот такая история, надо что-то придумать». Дальше – сидишь с ним, думаешь, и он идет на все импровизации. В «Вокзале для двоих», конечно, подключалась Люся. Вся наша ресторанный история в фильме была придумана на площадке совместно.

В те годы существовало очень мощное Всероссийское объединение ресторанных оркестров. После выхода фильма на одном из его совещаний обсуждали мою роль. Была страшная полемика и крик. Одни говорили, что это издевательство над их профессией, другие – что, наоборот, тут сыграна судьба: талантливый пианист вынужден работать в ресторане. И у меня долго хранилось письмо – решение этого собрания. По-моему, они так и не договорились, издевался я или наоборот.

• • •

Эпизодов у Эльдара я наигрался с лихвой. И когда мне позвонили от Константина Эрнста по поводу продолжения фильма «Ирония судьбы», я обратился к Рязанову. Эльдар сказал: «Я никакого отношения к этому не имею». И я отказался. Тогда позвонил сам Константин Львович: «Но Эльдар все знает...» Я опять к Эльдару. Он пояснил: «Я никакого отношения не имею, но я им разрешил». Читай: продал разрешение на то, что фильм будет снят без него. Это случилось еще в 90-е, и, оказывается, юридически он ничего не мог сделать. И вот мы собрались старой компанией, но уже без Георгия Буркова... Снимали на каком-то номерном заводе, закрытом за ненадобностью. Только Лия Ахеджакова отказалась. Поскольку она не захотела сниматься, ее героиня по сюжету эмигрировала в Израиль. В Израиль могли бы эмигрировать все, но нас уломали...

• • •

Чем талантливее режиссер, тем больше он узурпатор. На пробах фильма «Хрусталиев, машину!» Алексей Герман побрил меня наголо. Этого не мог сделать никто и никогда. А Лешка уговорил, занял. Причем он садист, не скажет попросту: мол, побрейся для кино, а для жизни сделаем парик. Нет, он начинает трюндеть, что настал звездный час, возникла возможность первый раз в жизни сыграть что-то путное, нельзя упустить эту возможность...

Мой герой – генерал медицинской службы, и брили меня для съемки после лагеря. Но все равно Герману казалось, что я ряженный: лысый, не лысый, замазанный углем и говном – все равно возникало подозрение, что пятнадцати лет я не просидел. И гримом не взяли. Так что на эту роль вынули малоизвестного артиста, но с достоверным лицом.

• • •

Мне присылают сценарии – ни одной приличной роли. Можете представить, чтобы Ширвиндт начал бегать с пистолетом? Я уж и не добегу...

Так как я чиновник и начальник театра, моя творческая деятельность сводится к тому, чтобы вернуть артистов в театр из так называемого кино. Сериалы невыносимы, и артисты в них сами становятся как мыло и просто выскользывают из рук.

Театр сатиры не по репертуару, а по местоположению находится на острие политической борьбы, потому что стоит на Триумфальной площади, где, как известно, 31 числа каждого месяца происходят бурные митинги. Когда фоном митингующих пестрят афиши наших спектаклей «Дороги, которые нас выбирают» или «Вечерний выезд общества слепых» Виктора Шендеровича, мы поневоле становимся участниками самых острых баталий.

Я всегда стеснялся и сейчас стесняюсь разных политических программ. Столько их посмотрелся, что, когда с пеной у рта отстаивают даже самые светлые идеи, мне становится скучно, я подозреваю за этим очередную глупость.

Когда Тито спрашивали, как это Югославия вроде бы в социалистическом лагере, а вроде бы и нет, он отвечал: «Югославия – это как яйца при половом акте. Они участвуют, но не входят». Это про меня. Чистым диссидентом никогда не был – материл, как все, коммунистов на кухне. Некоторый элемент вынужденной беспринципности преследовал меня всю жизнь. Авторы альманаха «Метрополь» – мои друзья. Но все равно я не был «ихний» стопроцентно.

Опасно выступать, бороться против чего-то было всегда. Только раньше было опасно смертельно, а сейчас опасно карьерно.

В то время, когда было нельзя, я был гораздо категоричнее и смелее. А когда стало можно, начал всего бояться. Старость.

Общественное сознание нынче невероятно аморфно. Да и властители умов и сердец сегодня пожиже, чем в начале XX века.

ПРОГРАММА КОНЦЕРТА

ДЛЯ УЧАСТНИКОВ СОБРАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ
КИЕВСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА Г. МОСКВЫ,
ПОСВЯЩЕННОГО
ВСТРЕЧЕ С КАНДИДАТОМ В ДЕПУТАТЫ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР —
ЧЛЕНОМ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС,
СЕКРЕТАРЕМ ЦК КПСС
ТОВАРИЩЕМ

**ГОРБАЧЕВЫМ
МИХАИЛОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ**

СРЕДА, 20 ФЕВРАЛЯ 1985 г.

КОЛОННЫЙ ЗАЛ ДОМА СОЮЗОВ

С. ТУЛИКОВ
«Я пою о Москве»

Исполняет
солист ГАБТа СССР,
народный артист РСФСР,
лауреат премии Ленинского комсомола
Владимир МАЛЬЧЕНКО
Партия фортепиано —
заслуженный артист РСФСР Михаил БАНК

А. ТВАРДОВСКИЙ
«О Родные»

Исполняет
артист Государственного академического
театра имени Моссовета,
народный артист СССР Леонид МАРКОВ

С. ПРОКОФЬЕВ
Вальс и марш

Исполняет
АНСАМБЛЬ СКРИПАЧЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ СРЕДНЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
ПРИ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОНСЕРВАТОРИИ
имени П. И. ЧАЙКОВСКОГО
Художественный руководитель —
Светлана БЕЗРОДНАЯ

П. ЧАЙКОВСКИЙ
«День и ночь»
Русская народная песня
«Вдоль по Питерской»

Исполняет
солист ГАБТа СССР,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии
Евгений НЕСТЕРЕНКО
Партия фортепиано —
заслуженный артист РСФСР Михаил БАНК

Ф. ШОПЕН
Вальс

Исполняют
солисты балета ГАБТа СССР,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола
Екатерина МАКСИМОВА и
народный артист РСФСР,
лауреат премии Ленинского комсомола
Александр БОГАТЫРЕВ
Партия фортепиано —
заслуженный артист РСФСР Михаил БАНК

Ж. БИЗЕ
Хабанера из оперы «Кармен»

Исполняет
солистка ГАБТа СССР,
народная артистка СССР,
лауреат премии Ленинского комсомола
Тамара СИМЯВСКАЯ
Партия фортепиано —
заслуженный работник культуры РСФСР
Лия МОГИЛЕВСКАЯ

А. ДАРГОМЫЖСКИЙ
Болеро

Интермедия

Исполняет
артист Московского академического
театра сатиры,
заслуженный артист РСФСР
Александр ШИРВИНДТ

Одно дело, когда полемизировали Павел Флоренский и Сергей Булгаков, и совершенно другое, когда спорят Проханов с Жириновским.

• • •

Шекспир был абсолютно прав: мир – театр! Вот, например, смотрю заседание Думы и вижу депутатов, которые годами сидят в этом зале и рта не открывают. Зачем они нужны? Почему они там сидят? И тут я понимаю, что это массовка. Без массовки театр невозможен. Эта театральность существования касается не только Думы, но абсолютно всех сфер нашей жизни.

Государственного строя так и не придумали. Из свалки лозунгов пытаются сконструировать новую модель. Что-то вроде: «Народ и партия – едины Россией». Начальники, не считая театрального цеха, все очень молодые и энергичные – титанические трудоголики, поджаро-спортивные вожди.

Сегодня полностью девальвированы вечные понятия: если «авторитет» – то только криминальный, если «лидер» – то лишь политический.

Раньше мы неслись к коммунизму, теперь к обогащению. И то и другое – призраки.

Кругом бутики пооткрывали, мюзиклы ставим. Во всем на российскую действительность нанизана западная вторичность. И чем дороже, тем вторичнее.

• • •

Дефицит – двигатель прогресса. Во всех аспектах. И в политическом, и в общественном, и в личном. Когда ничего не было и ничего было нельзя, то все хотели чего-то достать и для этого страшно суетились. Была какая-то необыкновенная направленность поиска: велосипед, мотоцикл, потом машина, что вообще было за гранью возможностей, маленькая дача на участке в четыре сотки, а потом – в шесть... А потом – о счастье – подворачивалась вагонка! Я помню, как мне позвонил друг и сказал по

огромному секрету, что на 26-м километре Рязанского шоссе в пять утра будет грузовик вагонки. И мы должны были, минуя посты ГАИ, эту вагонку доставить на дачу... Дефицитная жизнь давала импульс энергии. В духовной, интеллектуальной сфере – то же самое: дефицит свободы, дефицит острого слова, дефицит открытого смеха. Было счастье обретения. А сейчас бери – не хочу. И куда девать эту энергию желания?

• • •

Я уверен, что у этих нуворишей все – понты. Понты – особняки: построят и не знают, что делать на четвертом этаже. Один мой знакомый, чуть моложе меня, но уже с четырьмя инфарктами и одышкой, построил дом, шесть лет в нем живет и никогда не был на втором этаже – не может подняться. А у него четыре этажа. Потому что сосед построил трехэтажный дом – значит, ему нужно выше. Это психология абсолютной неподготовленности к богатству.

• • •

Я когда-то купил сельский магазин в Завидове. Там в отделе «Гастрономия» лежала патока, а в отделе «Галантерея» висел одинокий хомут. На эти товары никто не зарился, и магазин продавали за ненадобностью.

Когда я стал сопредседателем московского Английского клуба, мне пришлось частенько присутствовать на приемах в среде «новых русских». Наслушавшись за столом, как московские «лорды» хвастались виллами в Майами и недвижимостью в Сан-Тропе, я решил поддержать разговор: «А у меня в Тверской области есть небольшой магазинчик». И все с уважением посмотрели на меня. Был еще один случай, когда мне удалось продемонстрировать свое благосостояние. Как-то с гастролей из Германии я привез жене розу в горшке. Оказавшись в очередной раз в обществе миллионеров, я ввязался в спор, где лучше покупать землю – в Швейцарии или Австралии, и, попыхивая трубкой, вставил: «А я вот недавно купил землю в Германии». Между прочим, и в том и в другом случае не соврал: и земля вокруг розы – немецкая, и сарай – действительно в прошлом магазин.

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК КПСС

Москва, А-468. Тел. 158-65-79, 158-65-29

№ _____

. 18 . марта . 1976 . г.

ДИРЕКТОРУ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА
"САТИРЫ"

тов. ЛИВИНСКОМУ А.П.

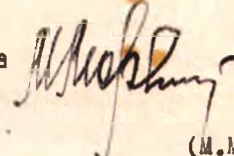
Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Ректорат и местный комитет Института общественных наук при ЦК КПСС выражает Вам глубокую благодарность за Вашу помощь в организации встреч слушателей Института - коммунистов братских компартий с творческим коллективом театра "Сатиры". Эти встречи произвели большое впечатление на слушателей, которые единодушно выразили удовлетворение содержательной беседой и теплым приемом, оказанным им.

Сердечно благодарим Вас также за Ваше содействие в организации посещений спектаклей, руководимого Вами театре слушателями и сотрудниками Института общественных наук.

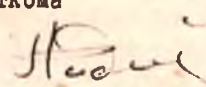
Просим вырезать благодарность главному администратору театре тов. Зельмен Г.М. и работнику кассы Лукашской К.П.

Проректор Института
общественных наук
при ЦК КПСС

(М. Морозов)

Председатель месткома

(А. Фадеев)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 ордена Ленина
 Московского военного
 округа

ДИРЕКТОРУ МОСКОВСКОГО АКАДЕМИ-
 ЧЕСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАС-
 НОГО ЗНАМЕНИ ТЕАТРА САТИРЫ

25. сентября 1990 г.

т. ЛЕВИНСКОМУ А.П.

№ 177
 113.27 Москва, М-127

Т. Васильеву с.б. А.П. Левинскому
прошу передать
А.П. Левинскому
от 10.10.90

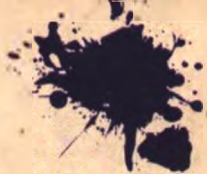
Уважаемый Александр Петрович!

Военный Совет и Политическое управление ордена Ленина Московского военного округа проводят торжественное собрание для участников 120-го военного парада на Красной площади, после чего состоится праздничный **шефский** концерт мастеров искусств, который состоится в Кремлевском Дворце съездов.

В связи с этим прошу Вас изыскать возможность на участие в этом концерте народных артистов РСФСР А.Ширвиндта и М.Державина.

Концерт состоится 3 ноября с.г. в 12.00.

С уважением

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
 ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
 МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ *В. ПЕРБАКОВ*

3 ноября артисты А.А. Ширвиндта и М.М. Державина замещать в спектаклях

С.В. Давыдов

• • •

Теперь времена наступили не самые сладкие. Кризис. При этом сверху идет четкая установка: не сеять панику, не волновать людей понапрасну. Тебе заплатили зарплату в полтора раза меньше, а ты ходи радостный, словно проявил сознательность и купил гособлигаций. Подобное уже было в нашей истории. У меня на даче до сих пор хранятся тонны этой валютной макулатуры. Как вещественное доказательство того, что вместе с трудовым народом я внес вклад в строительство социализма. Коммунизм, правда, построить не успел. Страна рухнула. И похоронила под обломками обязательства, которые брала перед гражданами.

Я очень надеюсь на кризис. Мне кажется, он ближе нашему менталитету, чем достаток. Когда настроили плечо в плечо эти особнячки, наставили у подъездов «хаммеров» – Россия потеряла лицо. А сейчас надо потихонечку возвращаться к частику в томате и сырку «Дружба»... Ведь это было не так давно. И вкусно.

Но ощущение, что кругом жлобье и сникерсы – неверное. Я впервые это понял, когда хоронили Булата Окуджаву. Он лежал в Вахтанговском театре. Стояла очередь из пришедших попрощаться. Плотная, толстая, до самой Смоленской. И загибалась она где-то на Садовом кольце. Какие замечательные были лица! И я подумал: ведь есть же! Где они прячутся?

Когда погружаешься в наши СМИ, создается впечатление, что население страны состоит из лиц Первого канала, лиц второго и лиц кавказской национальности...

В моем кабинете появился телевизор. Дирекция повесила. Дело в том, что мы живем при капитализме, а законами пользуемся советскими, точнее, совковыми. Если бы мы не купили телевизор, деньги с театра все равно списали бы. Их нельзя потратить, скажем, на пошив костюмов для нового спектакля или доплату

артистам. Даже на ремонт унитазов. Не положено: другая статья расходов. И на счете оставлять деньги глупо, иначе в следующем году бюджет сократят, меньше дадут. Вот и тратим.

Недавно милый ведущий в телевизоре говорит: «Совершен очередной теракт. К счастью, погибли всего три человека». К счастью!

• • •

Ток-шоу – как квохтанье глухарей: все токуют и токуют... Кроме «Поля чудес» Лени Якубовича, на нашем телевидении нет ничего вечного. Когда шла предвыборная кампания на Украине и выбирали между Ющенко и Януковичем, какой-то наш корреспондент бегал по Киеву и неожиданно ко всем подходил. Из десяти опрошенных шестеро сказали, что они будут голосовать за Якубовича. Это очень показательно. Ленька, наверное, не знает, что он прошел.

Рейтинг – чтоб он сдох!

• • •

Артисты драмы, лишь бы засветиться, ломают ноги на фигурном катании, дискредитируя этот великий вид спорта. Те, кто физически не может встать на коньки, надевают боксерские перчатки и бьют друг другу морды, забывая, что морды их кормят. А те, кто вообще ничего не умеет и всего боится, шинкуют вялый салат по всем телеканалам под пристальным вниманием дилетантов от кулинарии. Дилетантизм шагает по планете.

На засранно-заплеванной панели перед залом гостиницы «Россия» в мокрый асфальт лепили звезды артистов эстрады. Снесли гостиницу вместе со звездами.

• • •

В толковом словаре Даля «кумир» – изваяние, идол, истукан или болван. С этой точки зрения эlegantное воззвание «не сотвори себе кумира» может звучать «не сотвори себе болвана».

С другой стороны, тот же вечный Даль, очевидно одумавшись, добавляет, что «кумир» – предмет бестолковой любви и слепой привязанности. Истолковать бестолковую любовь довольно трудно, но попробовать можно.

Как изваяния кумиры нашей родины не вечны. Каждая эпоха норовит воздвигнуть своего истукана, снося предыдущего. Поэтому, очевидно, Зураб Церетели выбрал себе в кумиры Петра Первого – огромный и на воде. Попробуй снеси!

Что касается бестолковой любви, то я лично с белой завистью наблюдаю за феноменом Максима Галкина. Без всякой иронии констатирую недостижимую свободу сценического пребывания, универсальность возможностей – голос, пластика, импровизационное раскрепощение, обаяние. Чего еще!

Он всегда до ужаса чистенький, недирольно белозубый и очень складный.

Когда я в течение трех часов смотрел на его ТВ-шоу, где он не устает, не потеет и не пользуется фонограммами, у меня закрадывалась крамольная мысль – уж не робот ли? Уж не пришелец ли из другой эстрадной цивилизации?

Так что, возвращаясь к Далю и кумирам, наступаю на горло старческому брюзжанию и признаюсь в слепой (вижу действительно неважно) привязанности к Максиму Галкину.

Цивилизация обрушилась на нас до такой степени, что, не выходя из двора, можно сразу выйти в интернет.

Раньше артисты ждали критических или хвалебных рецензий, звонков от коллег, восторженных отзывов близких. Сейчас все свелось к форумам в интернете.

Вообще новинки прогресса – это не мое. Атрофия восприятия – страшная штука. Она, к сожалению, приходит с годами. Отталкивание того, что не понимаешь.

Компьютеры даже не знаю, с какой стороны втыкают и куда. А уж если на компьютере надо что-то записать... Я когда-то умел

писать, и довольно грамотно – с запятыми и деепричастными оборотами. Но и в то время печатную машинку так и не освоил. Поэтому по-прежнему пишу, как Пушкин, – пером.

Помню, один из первых компьютеров появился у Ролана Быкова. Он позвал меня к себе домой в поселок Сокол и сначала рисовал на компьютере, а потом стал печатать. Гениальный человек – был ведь уже совсем не мальчик, а все освоил. Я сидел с трубкой во рту: «Как же это ты?» И он сказал: «Просто мне очень интересно». Позже, когда за компьютером играли мои маленькие внуки, я с той же трубкой во рту глубокомысленно им кивал, даже не соображая, о чем речь. До сих пор компьютерная мышка для меня – нечто живое и страшное, как крыса, а слово «сайт» ассоциируется с чем-то мочеиспускательным. Поэтому, когда надо на сайт зайти, меня сажают перед экраном, как куклу, и показывают. Иногда натыкаешься на что-то неожиданное.

На форуме одного из интернет-сайтов общаются мои поклонницы Nika, Esta, Рондо, Дама, приятная во всех отношениях...

Nika

Ноябрьские диалоги, или «Привет от Цюрупы!»

Девчонки! Рондо, Esta, Дама! Я была на «Цюрупе» 19 октября и купила прямо по дороге сапоги на-а во-от такущей шпильке! – очень были мне в тон подо всё – я тут же переобулась прямо в магазине и отправилась в Театр сатиры. Машины останавливались! Я жалею теперь, что не подарила герою нашему цветы, но боялась вернуться на огромных каблучищах! А подарить цветы стоило, поверьте!.. Эх, жаль, что сообщения типа «супер» и «класс» не приветствуются (см. рекомендации участникам форума в конце стр.), их было бы вполне достаточно...

Тем не менее о содержании спектакля сказать пару слов стоит.

Мне, как и всем желающим увидеть духовное состояние нашего Отечества не через розовые очки официоза, а глазами, так сказать, асоциальной общественности (это на первый взгляд абсурдное словосочетание, пожалуй, больше всего подходит к Думящему о России, которого играет так умпомрачительно и

головокружительно заросший А.Ш.), пришлось слазить на чердак! И это (прошу отметить!) несмотря на волнующие (и меня несколько иначе, чем других, – как бы не сверзнуться!), офигенные, высоченнокаблучные сапоги и длину моей юбки (если этот сногшибатель-но-эфемерный лоскут можно измерять земными мерками).

В общем, переживая только начавшийся процесс освоения моей каблучистой покупки, я была не слишком рада подниматься на 3-й этаж, где находится малая сцена Сатиры, именуемая «Чердаком» и им и являющаяся, но было бы хуже, если бы пришлось спускаться в подвал. Правда, и туда слазить тоже пришлось вместе с героями спектакля (к счастью, понарошку, только как зрителю и человеку с развитым воображением). Не знаю, как вы, девчонки, а я за НАШим «бомжом» – хоть к пчёлам в улей... :)

И так далее.

Когда что-то напишешь, то тоже получаешь отклик.

Nika

Книга воспоминаний А.А. Ширвиндта

«Schirwindt, стертый с лица земли»

Впечатления поклонницы, или Попытка отзыва

...если бы я писала не на форуме, а как-нибудь официально, то мысли и эмоции привела бы в порядок. А теперь... Ну, понятно, грамотный отзыв уже не получится, значит – эссе (когда что-нибудь задумаешь написать, а как надо не получается, значит, получилось эссе).

Поклонницы в интернете пишут: «Мы виртуальны – искренность реальна». За искренность и ценишь. Потому что общая внутренняя тенденция современной критики – лишь бы поострее и побольнее. Самая гениальная критическая статья, которую я когда-либо читал, – в анекдоте: приехал знаменитый датский трагик в Ковент-Гарден играть Гамлета. Наутро появилась рецензия в лондонской газете: «Вчера датский гастролер в Ковент-Гардене играл Гамлета. Играл его до 12 часов ночи». Все. Это честная, хорошая критика.

• • •
Не читаю прессы я,
От нее – депрессия.

Критики выросли и возмужали. Раньше они ходили по контрамаркам и питались на премьерных банкетах. Сегодня ходят по билетам и не остаются на еду. Подозреваю, что баланс между заказной статьей и стоимостью билета смещается в первую сторону.

• • •
Но надо с кем-то советоваться! Не с кем. Окружение делится в основном на три категории: холуи, влюбленные и ненавистники. Холуи безоглядно врут, мечтают угодить и стараются что-то по выгоднее вякнуть. Влюбленные бездумно и покорно безразличны. Ненавистники со стиснутыми зубами сдерживают эмоции, чтобы выплеснуть их за стенами прямого общения. Поэтому никому не верю и приходится советоваться с самим собой – это очень трудный диалог, обреченный на слабавольный компромисс.

• • •
Журналисты надеются что-то парадоксальное ухватить от моего так называемого амплуа, имиджа: вдруг скажет что-нибудь неожиданное, в меру афористичное. Их ведь не интересует моя точка зрения, мысли или моя, не дай бог, практическая деятельность. Но если бы вдруг журналисты перестали проситься на интервью, очень бы расстроился. Это все слова, что «надоело». Альберто Сорди как-то спросили: «Мешает ли вам ваша популярность?» И он ответил: «Мне дико мешало, когда ее не было».

• • •
Звонит мне недавно Татьяна Егорова. Она стала очень популярной после книги «Андрей Миронов и я». То есть она. А я там – главное действующее дерьмо. Когда-то я взял Таньку за ручку и с каким-то рассказиком привел к Вите Веселовскому в «Клуб 12 стульев» «Литературной газеты». То есть, по сути, сделал ее писательницей. Брать за ручку надо не всякого. И в руки давать ручку тоже не каждому.

И вот звонит она и говорит: «Послушай, связались со мной якобы из «Комсомольской правды» и хотят, чтобы я сказала, с кем ты живешь и с кем жил, каким способом, что ты за мужик. И рефреном: «Вы же его терпеть не можете». Обещают хорошо заплатить. Я их послала». Ненавистники тоже бывают альтруистами.

Или еще проще – звонят агенту актрисы, моей ученицы: «Расскажите, она жила с Ширвиндтом еще в институте или он ее в театр взял и там стал с ней жить? Мы хорошо заплатим». Это журналистика?

Степень «желтизны» стало очень трудно определить, поскольку иногда и серьезные газеты позволяют себе подобные публикации. Невозможно понять с первого взгляда, какая газета: желтая, зеленая или голубая. Когда интерес строится на алькове, на болезни, на смерти, это за пределами не только совести, но и человечности. Общественная полемика опустилась до уровня спальни и унитаза.

• • •

Сейчас все обо всех в курсе дела. Ума не приложу, как актрисы осмеливаются играть что-то серьезное. Она выходит на сцену, и ползала знает о ней досконально все: в каких колготках, в каких прокладках, с кем спала вчера и кому дала отставку на прошлой неделе. А некоторые даже на себя наговаривают. Куда лучше было раньше, когда актера окружал флер таинственности, которая, кстати, неплохо работала на репутацию. А потом начали ковыряться в закулисной хламе...

Когда-то давно в «Кинопанораме» представляли, кажется, «Алые паруса». Показали фрагмент: Вася Лановой – молодой, сияющие глазищи, белая рубашка... Бабах! – в него стреляют. Ну и на рубашке эффектно расплзается кровавое пятно. А в студии сидит какой-то самый знатный бутафор. «Как это вам, Феропонт Митрофанович, удался такой замечательный трюк?» И тот принимается жизнерадостно шамкать: «А фто, хорофо? Мы под рубафку подкладываем такую... типа клизмы. А у него в кармане веревочка. И когда в него стреляют, он за веревочку дергает, брыф-

фет краска, ну и ффё...» Понятное дело, алые паруса немедленно линияют после таких захватывающих откровений.

• • •

Нездоровый обывательский интерес к знаменитостям был всегда, но не в такой же степени. Я когда-то делал на телевидении серию передач из цикла «После спектакля». Там заседали мужчины и обсуждали проблемы творчества. Мужчины были прекрасные: Державин, Миронов, Богачев, Высоковский. На сцене (а снимали мы в сгоревшем потом Доме актера) сидел джаз под управлением Леши Козлова.

Вот отрывок из одной передачи:

ЗРИТЕЛЬ. Я зритель. Рядовой и любознательный. Это я говорю с гордостью... Я, товарищи, действительно хочу все про всех знать. Почему ваш клуб меня радует? Он мне будет помогать в моих бесконечных спорах с женой об искусстве... Это важно. Теперь дальше. Хочется знать, куда направится наше искусство и кто муж Наташи Ростовской? Дальше. Правда ли, что Юрий Никулин – в то же время еще и клоун? Может ли такое быть? Да что ходить далеко за вопросами: вот я вижу здесь неизвестного молодого товарища. Простите, как ваша фамилия?

– Миронов.

– Простите меня, товарищ Миронов, вы случайно товарища Менакера не знаете? Я бы ему многое рассказал о похождениях его сына.

– О каких похождениях?

– А вы не знаете?

– Нет.

– Восемнадцать раз разводился, понятно? А сам молодой. Он в Театре сатиры Дон Жуана представляет.

– Нет, вы знаете, сын Менакера еще не женат.

– Откуда вы знаете?

– Это я.

– А папа?

– Папа женат.

– На ком?

– На маме.

– Спасибо. Вот это новость номер один. А почему не вышла вторая серия «Идиота»? Кто муж Вертинской? Где живет Олег Табаков? Есть ли автомобиль у Игоря Кваши, и если нет, то почему? Вы видите, товарищи, вопросов много, вопросы важные. Все имеют прямое отношение к большому искусству. А вы женаты? На ком?

Это было каких-нибудь 40 лет назад.

Дворами вышел из города и, минуя пробки, не спеша побрел к природе.

Я сейчас живу на старой дедовской даче моей супруги под Истрой, в Новом Иерусалиме. Поселок НИЛ (наука, искусство, литература), 34-го года. Тогда Сталин отдал каким-то наукам, искусствам и литературам огромный бугор. Слава богу, что там страшная дорога – овраг – и настоящие хозяева жизни не могут туда въехать. А провести шоссе невозможно. Там жили писатель Илья Эренбург, актер и чтец Дмитрий Журавлев. Раньше просыпаешься в 6 утра, из-за забора, как дятел, стучит машинка. Это Эренбург.

В поселке есть библиотека. И там как-то устроили вечер памяти Журавлева. Меня позвали. Чистенько. Получают библиотекари по-прежнему гроши. Специальную экспозицию сделали. Угощали огромным пирогом с вареньем. Никаких виски и устриц.

В библиотеках нашей сферы работают очень знающие люди. А молодежь приходит и спрашивает (это не анекдот): «Дайте мне пьесу Вампилова «Уйти на охоту».

• • •

Я придумал себе хорошее занятие – читать что-то забытое. Как модно было говорить: «Вы знаете, вчера «Войну и мир» перечел». Перечел... Что значит, он ее никогда не читал.

Я люблю пиратскую литературу и сейчас с удовольствием, когда никто не видит, цапну какой-нибудь флибустьерский роман. Есть замечательные малоизвестные пиратские истории. Такая наивная прелесть. Такие мощные Робин Гуды, которых никогда невозможно победить.

• • •

В прежние годы, когда появлялась подписка на какой-нибудь многотомник, в Химках, на пустыре, ночью все на эту подписку записывались. Причем не важно было, на что. Горели костры, и надо было отмечаться несколько раз за ночь. Если тебя нет – твою фамилию вычеркивают. Но чтобы не каждый день не спать, можно было договориться с кем-то: одну ночь не спит он, другую – ты. Я никогда не забуду, как мы записывались на Ожешко. Писательницу Ожешко. Никто ее не помнит, а у меня до сих пор где-то есть двенадцатитомник Ожешко. Ну как можно было не взять?

Самое смешное, что моя жена, с которой мы тогда еще не были женаты, тоже выстаивала в Химках очередь за подписными изданиями. Так у нас в семье оказалось двадцать четыре тома Ожешко.

• • •

Книги обязательно надо читать. Главное – не выписывать понравившиеся цитаты. Потом такие цитаты создают ощущение, что это твои мысли.

• • •

Вышла замечательная книжка воспоминаний Вертинского. Огромная, толстая. Ее не знаешь, как читать: если лежа – она убьет (а «засыпаемость» в мои годы уже высокая).

Сейчас чтение превратилось в снотворное: какая бы шикарная книжка ни была, десять страниц – и все. А если это Вертинский – то летальный исход!

Пешком далеко не уйдешь. Придется садиться в машину. Слава богу, навыки вождения еще сохранились, притом что стаж моего автомобилизма 60 лет.

• • •

В Москве одна из первых частных иномарок была у Никулина. Я помню, он с каких-то своих цирковых гастролей приволок старый дизельный «мерседес». Дизельное топливо Никулину наливали прямо в салон из асфальтовых катков (так как на колонках такого топлива не было в помине, а если бы и было, то за него надо было что-то платить, а водители катков считали за честь залить любимого клоуна дизельной жижей), и машина ездил, изрыгая черный дым, а народ стоял и глазел.

• • •

Раньше для ремонта всех машин, которые покупали в комиссии, нужны были четыре вещи: эпоксидка и мыло – для бензобака (заделывать дыры), горчица – в радиатор, если потек, и проволока – для глушителя. А сейчас открываешь капот – и видишь практически компьютер. Вообще сейчас автомобили стали, как туалетный столик у кокетки.

В свое время я был специалистом по карбюраторам. В кругу интеллигенции слыл очень опытным, чинил всем карбюраторы. А потом появились первые робкие возможности у отдельных граждан купить какую-нибудь списанную иномарку. Один мой ныне покойный друг через свои связи с дипкорпусом приобрел себе «форд» – огромный, 1726 года выпуска, но «форд»! Все мы пришли посмотреть на это чудо. «Форд» проездил несколько дней и встал. Начались муки по его восстановлению. Запчастей для него, естественно, было не достать. Дошло до того, что машину, опять же через какие-то дикие связи, перевезли на ЗИЛ. И местные умельцы, которые собирали правительственные автомобили, взялись вытачивать своими руками некую деталь для коробки скоростей. И «форд» с этой деталью поехал!

Проехал он километров десять – и накрылся карбюратор. Ну тут уже ко мне. Помню как сейчас: огромный двухкамерный карбюратор. Обычно-то я разбирал «Победу», «Москвич», немножко «Волгу» – это я делал буквально с закрытыми глазами. А тут – карбюратор сам размером с «Победу». Но я взялся. Разобрал его – а там миллиард деталей, винтиков, жиклеров. Я в панике: ну все! Запомнить, что, как и где стояло, нереально. Но я его собрал. Правда, осталась гора лишнего. Разбирал я его на простыне, чтобы ничего не потерять, и под конец сложил за края эту простыню примерно с двумя килограммами железа. Но «форд» завелся! И друг мой смог отъехать от моего дома. И даже метров двадцать проехал. И тут иномарка встала навсегда.

• • •

Раньше для покупки «Жигулей», как и подписных изданий, приходилось на протяжении месяца еженочно отмечаться на пустыре под городом Химки. Один прогул – и вылетаешь из списка. Зяма Гердт, Андрюша Миронов и я создали команду для дежурств. Когда выпала моя очередь и я посмотрел на собравшуюся в Химках публику, то, заподозрив неладное, позвонил Гердту: «Зяма, это не запись на «Жигули». Это перепись евреев!»

• • •

У меня когда-то угнали машину. Опытные люди сказали, что существует целая криминальная система, обслуживающая «своих». Если кто-то из «своих» разбил, допустим, левую фару, он подает заявку – нужна левая фара для такой-то машины такого-то года. И угонщикам дают задание – найти. И вот едет угонщик и видит: стоит то, что надо. Фара целая. Машину угоняют и разбирают. Если машину не находят совсем, значит, она целиком ушла на запчасти.

• • •

Лет двадцать назад журнал «За рулем» организовал автопробег от Горьковского автозавода до Москвы. И меня позвали как известного владельца «Победы». В финале мне предложили около

университета на Ленинских горах прокатиться. Машине, очевидно, лет 50, а у нее все родное. Хозяин – шикарный мужик, умелец. Я сел, он рядом. Ничего не видно. Сзади – малюсенькое окошко. Руль повернуть не могу. Спрашиваю: «Заблокирован?» Оказалось, нет. Просто с той гидравликой, а руки забыли, как тогда крутили руль. Как же я раньше пьяный, еще с десятью мужиками, на такой же «Победе» во Внуково ночью мотался? Вот что значит привыкаемость и отвываемость.

Не только автомобилями пользовался я. Увлекали меня и другие транспортные средства. Когда меня на ипподроме усадили в качалку и дали «порулить», я понял, что такое беговая лошадь. Ее трогаешь – и такое ощущение, что от тебя уезжает паровоз. Какая силища! Удержать – ох как не просто. Поэтому обожаю самый удивительный день на ипподроме – 8 марта. Едут одни бабы. Ветеринары, конюхи, другие службы. Высчитать даже прожженным игрокам ничего невозможно. Кто собьется, кто сразу на конюшню отправится. Непредсказуемо. Но девочки едут с таким азартом.

Были блестящие женщины-наездницы – Евгения Лихобаба, Алла Ползунова, которые выезжали и делали мужиков, как хотели.

На трибунах обреталось немало знакомых. Актер Пров Садовский стоял с пятью секундомерами в руках и еще одним на пузе. Все проездки фиксировал. Профессионал. Или руководитель Малого театра Царев Михаил Иванович с вечно поднятым воротником, чтобы его не было видно. На бега приходило огромное количество людей из Малого театра – актеров, оркестрантов. Отношение к Цареву было неоднозначное. Его дико боялись, но уважали. А на ипподроме тогда работал наездник второй категории – Царев. И когда была поездка и показывали лошадей, все начинали орать: «Сбейся, царевская морда! Сбейся! Сбейся, гад!» Кому орали?

Рядом в директорских ложах сидели Яншин, Старостин... Запомнился один отставной генерал железнодорожных войск.

Приходил в черной шинели до пола, посверкивая генеральскими погонами. В авоське – подшивка программ. Собирал их годами. Генерал по ним смотрел все резвости лошадиных дедушек, бабушек, мам – кто и когда пришел, летом или зимой, при какой погоде. Он все это сверял (компьютеров не было) и решал, есть ли надежда на данную кобылу.

Существует такое поверье: кто первый раз в жизни на ипподроме просто тыком ткнет в лошадь, обязательно угадает. Никогда никто ничего не угадывал. Хотя экспериментировали нередко. Собираемся компанией человек десять и, предположим, в Женский день, когда ничего понять невозможно, играем. Правда, по одному билету – всех со всеми. На всех со всеми неожиданно могли случиться очень большие выдачи. С нами – Гриша Минников, замечательный конферансье из Баку. Впервые на ипподроме. Выигрываем одну и отправляем Гришу взять выигрыш. Второй заезд проходит – он опять к кассам. Третий – он вновь получает. И слух по всему ипподрому среди аборигенов: «Мужик какой-то неизвестный угадывает во всех заездах». А на круг все равно в пух проигрались.

В Доме актера на юбилее Яншина на сцену вышла лошадь. Организовал это Саша Аронов, был такой симпатичный режиссер, тоже беговик. И сидел на сцене Яншин, а рядом стояла несчастная лошадь. Она с ипподрома пешком пришла на пятый этаж. Высокие этажи, старый дом – ступеньки, ступеньки... Как добрела, я до сих пор не понимаю. Зато юбиляр был совершенно убит.

На одном из фестивалей «Золотого Остапа», где я был бессменным президентом, привели лошадь и мне. Я должен был выехать таким государем на белом коне, легко соскочить и открыть фестиваль. Ты не понимаешь, когда сам окунаешь тело в катастрофу. Я на нее всклячивался при помощи всех окружающих. А соскочить вообще не смог. Поэтому сползал по крупу, обняв лошадку за шею и при этом вспоминая, как на съемках фильма «Атаман Кодр» галопом перся по 12 километров за выпивкой в ближайшее

молдавское село и обратно. Снимал фильм замечательный режиссер Миша Калик. Мы играли все время верхом на лошадях. И верхами после съемок неслись до магазина.

Вообще-то я урбанист, потому что вынужден быть городским. И если куда-то выбираюсь, то это не море, и не Майами, а какая-нибудь тихая заводь средней полосы. Мой отдых – только под нашим кустом и чтобы никого не было. Лица наших комаров мне приятнее.

Несколько лет назад меня все же совратили. В последний момент накрылась моя заводь на Валдае, я в панике дал слаби-ну, и меня повезли отдыхать в Черногорию. Чисто, уютно и бес-смысленно.

Как и в Швеции. Однажды дети вывезли меня туда на рыбал-ку. Мы искали, где бы остановиться, и обнаружили целый архи-пелаг сдающихся коттеджей. Никаких глухих заборов, колючих проволоч. Только правила пользования коттеджем и ключи от дома, висящие на калитках. Ну это же застрелиться можно от та-кой жизни! Скучотица! А у нас действительно интересно. Только страшно. Страшно за детей, за внуков, за собак. И немножеч-ко – за себя.

• • •

Сейчас рыба в таком же состоянии, что и общество. Прежние законы – клюет на рассвете, потом на закате... – все накрылись. Рыба клюет, когда ей вздумается, или когда у нее плохое настро-ение, или когда она хочет отомстить правилам. Причем это – повсеместно. Куда-то мы приехали, нам говорят: «У нас клюет только с двух до четырех». Дня!

Нельзя заранее готовиться к хорошей рыбалке. Бывало, на-мнешь хлеба, возьмешь случайную удочку – и прекрасно ловишь, а если собираешься двое суток – возвращаешься ни с чем. Хоро-шее должно на тебя обрушиться.

Никогда нельзя ездить рыбачить во Владивосток, в устье Волги, на Камчатку... Ловишь там жерехов по 40 кг, сомов огромных, а потом приезжаешь сюда и счастлив, если вытянешь карася с ладошку. К хорошему не надо привыкать.

Снасти должны быть старые, свои. Мы начинали рыбачить бамбуковыми удочками, поплавки были самодельными (причем лучше, чем вся эта нынешняя фирма). Когда несколько лет назад угнали мой джип, то уперли и старые снасти. Сейчас у меня все новое, все блестит и сверкает, а счастья никакого.

К тому же вокруг – много врагов. На Валдае рыба стала клевать хуже. Поэтому, если вынешь леца на килограмм, целуешь его, фотографируешь. А рядом Рязанов – с лицензией на две сети. Когда он вытаскивает судаков и шук, хочется его убить.

Самая оптимальная насадка – отечественный навозный червяк. Он должен быть средней руки, темно-коричневый и свежий. Все эти полиэтиленовые красоты, которые привозят из Америки и Канады – искусственные черви, но точь-в-точь как живые, – наши рыбы не берут. Не верят. С червями, правда, сейчас катастрофа: очень дорожают. Ни в коем случае нельзя делать дырочки в коробочке, лучше накрывать ее марлей, иначе черви, превратившись в нитку, обязательно вылезут. Моя несчастная супруга видеть не может всех этих выползков. А хранить их приходится в холодильнике. Если жена открывает холодильник, а там со всех огурцов свисают черви, можно домой не возвращаться.

Однажды я вообще был на грани развода. Мы приехали в дом отдыха ВТО в Плесе. И актер Родион Александров (он был настоящий рыбак), уезжая, оставил мне целый ящик опарышей, которых сам вывел. Я недозакрыл этот ящик, и миллион опарышей расплодился по всему этому крошечному номеришку.

С опарышами теперь – вообще тупик. Когда я начинал рыбачить, в любом селе или на даче можно было зачерпнуть в том месте, где они живут, и идти ловить. С потоком цивилизации опарыши исчезли, и их надо выводить специально.

Подкормки сейчас продают импортные. Я каждый год еду на конкурс любителей рыбной ловли имени Григория Горина.

Его проводит Дом актера, а курируют журналы для рыболовов. Нам там постоянно дают новую подкормку. Последний раз инструктор взял большую бадью, насыпал в нее фирменный порошок, налил немного какой-то фирменной жидкости, затем воды, а потом достал огромный миксер и сделал мусс!

Но подкормку можно делать проще – из всего, что остается от еды. Конечно, лучше не бросать в нее помидоры, а все остальное заворачивается в геркулесовую кашу, и из этого лепятся снежки.

Вранье, что нельзя рыбу пугать и нельзя кричать на берегу. Если рыба есть и она голодная – будет клевать. Когда купаются, катаются на лодках и матерятся, рыба порой клюет лучше, чем когда тишь-гладь, – видимо, в этом бурлении она на что-то надеется.

Моя мечта – это тихая заводь, хороший клев на карася. На той стороне заводи купаются голые супермодели, а слева от меня стоит телевизор и там показывают женский биатлон. Вот примерно такой расклад, пожалуй, меня весьма взбудрил бы.

Я всё – «проходные дворы», «проходные дворы»... Может возникнуть ощущение, что я по этим дворам хожу. Наши разговоры о хождении виртуальные.

Очень много лет неожиданно настало. В секунду почему-то. Был на рыбалке – привезли друзья. Друзья тоже не самые свежие, но все-таки лет 10–15 разницы. Там сход вниз к озеру. Они туда-сюда, а я туда ссыпался, а назад не могу подняться.

По прямой чешу, как стайер, а со ступеньками уже проблема. Коленки. Лечусь специальным согревающим гелем для суставов, который покупаю в ветеринарной аптеке. Друзья-наездники посоветовали. Вот инструкция по применению: «Намазывать от колена до копыта. После процедуры рекомендуется накрыть лошадь попоной. Желательно воздержаться от работ на мягком грунте». Мажу! Потрясающий эффект! Правда, все-таки отказываюсь от мягкого грунта. Принципиально. Соглашаюсь

лишь на твердое покрытие. Как теннисисты. Один любит хард, второй – траву. Так и я теперь.

• • •

У меня очень тяжелая зарядка утром. Лежа я сначала сучу ножками для поясницы. 30 раз. Потом с трудом, кряхтя, сажусь на кровати и делаю вращательное движение на скрипучей шее пять раз туда, пять раз назад. И потом плечиками 10 раз. Меня кто-то когда-то научил, и я привык. И чувствую, что сделал зарядку.

• • •

Усталость накапливается. Моральная, не говоря уже о физической. Я тут ночью не спал: коленка! Включаю телевизор. Идет кино «Трое в лодке, не считая собаки». Как раз то место, когда мы гонимся за сомом. Я стою в лодке, на мне стоит Андрюшка Мионов, а на Андрюшке – Державин. Я думаю: но это же было!

• • •

Недавно зимой на даче мы с женой пошли погулять, но, чтобы занятие это не было совсем бессмысленным, зашли в сельский магазин. И там нас увидел грузчик Мишка, который раньше работал слесарем в нашем дачном кооперативе. Был он не очень свеж, но радостно бросился к нам со словами: «Как давно я вас не видел! А что это вы так плохо выглядите? Постарели. Ой, на вас просто страшно смотреть!» Мы стараемся от него оторваться, выходим из магазина. Он – за нами. На улице – яркое солнце, снег, красота! Мишка внимательно смотрит на меня и говорит: «Ой, а на солнце вы еще х...вее!»

• • •

75, 85 и 100... Если это не талия и не бедра, то цифры очень подозрительны.

Когда Бернарда Шоу спросили, почему он не справляет свои дни рождения, писатель ответил: «Зачем справлять дни, которые приближают тебя к смерти?» И действительно, что за праздники эти семидесяти- и восьмидесятилетия?

Старческие тусовки ужасны. Жить для того, чтобы все умилялись, что ты в 85 выглядишь на 71? Хотя, видимо, великий аттракцион публичного долгожительства – бессмертие оптимизма.

Меня один хороший доктор успокоил: «Даты – это все бред. Возраст человека, сказал он, определяется не датами, а его существом». Иногда, очень недолго, мне бывает где-то в районе 20 лет. А иногда мне под 90.

• • •

Помню один из съездов Союза театральных деятелей несколько лет назад. У нас ностальгия по съездам. Это была пародия на съезд, может, и не Коммунистической партии прошлых лет, но все параметры были соблюдены. Съезд проводился в каком-то зеленом зале мэрии. «Включите первый микрофон...», «Включите второй микрофон...». Я сидел, слушал, слушал, немножко закемарил, просыпаюсь, и у меня возникает ощущение, что я в бильярдной: огромное зеленое сукно и бильярдные шары, только много-много. Это лысины. И Александр Александрович Калягин, сидящий в президиуме, – тоже мощный бильярдный шар. (Хотя, конечно, это счастье, что есть люди такого актерского уровня, которые при этом хотят быть главными начальниками.)

• • •

Знаменитая строчка Булата Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». В нашем случае теперь: «Чтоб не упасть поодиночке».

• • •

Придумал название книги. Так как большинству московских худруков театров от 70 до 90 лет, то новая книга должна называться «Климакс-контроль».

• • •

Мне очень не хватает фанатизма. Чтобы настолько быть поглощенным одной идеей, что, к примеру, до ста лет ставить только «Чайку» и поставить еще раз, потому что все-таки недовысказался. Великая вещь. У меня такого нет. Да, я выпустил спектакль,

да, волновался, но ни от чего голова кругом не идет и не хочется сказать себе: либо ты сделаешь это, либо грош тебе цена.

Я говорю не о физическом возрасте, я – о внутреннем состоянии. Присутствует во мне некая трусливая апатия. Вроде бы достиг такого возраста, что уже все видел и практически ничем самого себя удивить не могу. Скучно и тупиково.

Старость – аритмия сердца, желаний и надежд. Именно желаний, а не возможностей. Ну, добежать, долюбить – с этим все понятно, а именно отсутствие острой необходимости, острого хотения что-то сделать.

У нас в театральном-педагогических кругах есть такая традиция. Приходит студент-красавец. Два метра ростом, белые кудрявые волосы, голубые глаза, торс... Ну явно Ромео или Джеймс Бонд. Где-то на третьем курсе ему обязательно дают сыграть в отрывке Гобсека или какого-нибудь маразматика. Это называется – на сопротивление материалу. Моя сегодняшняя беготня по сцене – это на сопротивление материалу. Потому что материал совершенно уже не бегают, но сопротивляться надо.

• • •

Прочитал, как хвалились одним домом престарелых. После пожаров и распоряжений проверить все подобные дома комиссия набрела где-то на замечательный пансионат, в котором действительно ухаживают за стариками. Ползают там чистенькие, сытые старички и старушки, и у администрации есть дрессированная механическая кукушка. Каждый день на рассвете она кукует раз по 20–30, не меньше – терапия!

И тут я вырвался на рыбалку. Раннее утро, ветер, слякоть, клева нет. Вдруг кукушка – первая за сезон. Кукует и кукует. Я посчитал – 11 раз! Ну, думаю, врет. А потом пораскинул мозгами – не прервалась, голос чистый, без пауз, почти как метроном. Кто знает, может, правда? А потом заподозрил, что механическая.

• • •

Трусость – сестра паники. Смерти я не боюсь. Я боюсь за своих близких. Боюсь случайностей для друзей. Боюсь выглядеть ста-

рым. Боюсь умирания постепенного, когда придется хвататься за что-то и за кого-то... «Наше все» написало очень правильно: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Будучи молодым, я считал, что это преамбула и не более. Сейчас я понимаю, что это самое главное в романе.

Я красивый старик, боящийся стать беспомощным. В общем, диагноз – «старость средней тяжести».

• • •

События очень плотно заполняют существование. Юбилей собрата плавно переходит в 9-й день предыдущего. А там, глядишь, 40-й день очередного собрата сочленяется с 80-летием следующего. Ужас!

Есть анекдот: работник крематория чихнул на рабочем месте и теперь не знает, где кто. Сейчас эпоха так чихнула на наше поколение, что где кто, совершенно неизвестно.

К сожалению, все чаще и чаще приходится хоронить друзей. Боюсь, что сам до легенды могу не дотянуть, но обслуживать уходы настоящих легенд стало престижной миссией существования. Работа горькая, трудная, но хоть искренняя.

И в то же время...

Хоронить и поздравлять

Нету сил – ебёна-мать.

О покойниках – или хорошо, или правду! На панихидах у меня возникают вопросы: а слышат ли ребята, что о них говорят? Мне, например, было бы интересно узнать, кто придет на мои похороны, что будут обо мне говорить.

Диалоги на стоянках

Очень длинным проходным двором доходим до родного дома и натываемся на человека, который в свете сказанного в начале помнит все (в основном, то, что хотелось бы забыть). Зажав в кулак свое самолюбие, вынужден обратиться к жене, чтобы как-то документально продвигаться по внутреннему семейному дворику.

Александр Ширвиндт: Очень долго в нашей стране секса не было, и дети приносились аистами или находились в капусте. Сейчас у нас отечественная капуста почти не растет, а если какой-нибудь заблудившийся аист принесет на приусадебные 6 соток ребеночка, то скорее усыновят аиста.

В моей профессии любовь постоянно приходится играть. Про любовь я наигрался, поэтому в жизни, когда говорят «любовь», у меня сразу возникает ощущение либо вранья и соплей, либо сурового быта: дети, внуки, тещи, невестки, обязательства... И всплывают воспоминания: когда начиналась вся эта любовь, не было ни квартир, ни машин. Велосипеды были. А как любить на велосипеде?

На мой вкус, женщина должна быть обязательно с длинными ногами, с длинными пальцами. И чтобы курносая. Лучше блондинка. От женщины должно пахнуть чистотой, а не рекламируемыми дезодорантами.

Женскую грудь я впервые увидел в родильном доме. Мама рассказывала, что, когда она стала меня кормить, я смотрел на грудь как настоящий бабник.

Но не надо сравнивать актера с его героем. Допустим, меня с героем фильма «Бабник». Актерское искусство – это перевоплощение. И чем больше перевоплощаешься, тем шикарнее. Получается, что в жизни я однолюб. То есть мужчина, испортивший жизнь только одной женщине. Дальше эту тему я развивать не намерен, чтобы не показаться смешным. Поэтому подключаю Наталию Николаевну, которая не даст соврать, а если даст, то, значит, ее не было в комнате.

Наталия Белоусова: Мы познакомились в середине прошлого века, летом 1951 года, на даче в поселке НИЛ под Истрой. Я дружила с дочерьми известного актера и тещеца Дмитрия Николаевича Журавлева – Наташей и Машей. А Ширвиндты были ближайшими друзьями Журавлевых, гостили у них на даче. Шура с Наташей Журавлевой играли в любительском спектакле «Без вины виноватые» по Островскому.

А.Ш.: Здесь прерываю супругу, потому что возник проблеск воспоминания.

У меня очень мало родственников. Сейчас, кроме моей ветви, практически никого нет, все ушли. Был любимый и единственный двоюродный брат, Борис Евсеевич Ширвиндт, – замечательный педагог, академик. Возглавлял один из показательных интернатов для детей. У него масса учеников, теперь уже мощных людей. Он прошел всю войну артиллеристом. Пришел с нее, слава богу, целый, немножко раненный. Он был очень похож на меня. У меня есть любимая карточка, на которой он – майор, в шикарной фуражке, с озорными глазами. Когда он в 1946 году появился с орденами на груди, для меня, одиннадцатилетнего, это было воплощением красоты и победы. А мой дядя, его отец, был очень крупным юристом. Его посадили в 1938-м, и только в 55-м мы встречали его из лагерей. Вот такой был победный марш: родители сидели, а дети воевали.

Я был поздним ребенком – появился на свет, когда родителям было уже под сорок. Сначала у них родилась дочь, но про-

жила она всего девять лет, и они вынуждены были родить еще что-то, и получился я.

Мой папа играл на скрипке. А его брат-близнец Филипп играл еще и на виолончели. Когда-то Эмиль Кио-старший придумывал свои безумные аттракционы, основанные на использовании близнецов, в основном лилипутов. Очевидно, лилипуты надоели, и папа с дядей стали для него находкой. На арену выходил папа и играл на скрипке, затем его запирали в сундук и поднимали под купол, а из-за кулис моментально появлялся Филипп со скрипочкой в руках.

На этом цирковая деятельность папы закончилась, и дальше он играл в оркестре МХАТа, концертировал как солист и преподавал в музыкальной школе.

Мама в цирке не работала. Она окончила 2-ю студию МХАТ, но из-за туберкулеза оставила сцену и до конца своей жизни занималась редактурой в концертных организациях. «На ее совести» открытие многих замечательных эстрадных артистов.

У мамы тоже был брат, мой дядя Аркадий. Он уехал в Англию еще в двадцатых годах. Будучи врачом, организовал там гинекологическую клинику. И вдруг в начале шестидесятых от него пришла весточка, которая вместо радости вызвала в семье страшную панику. Ведь все бандероли, приходящие из-за границы, непременно визировались известными организациями. Кроме того, получить заграничную бандероль можно было в единственном почтовом отделении, расположенном в гостинице «Украина». Заплатить за посылку пришлось непомерную сумму (мы заняли деньги у всех знакомых, друзей и коллег). В посылке оказалось письмо от дяди и маленький шарфик. Фактически мы купили этот шарфик за бешеные деньги да еще и натерпелись страху. Потом мама даже ухитрилась потихоньку переписываться с братом.

К концу жизни мама стала слепнуть. Последние пятнадцать лет она мужественно переносила свою слепоту. Когда же начинала унывать, я говорил ей: «Мать, не горюй – совершенно не на что смотреть!»

Она бесконечно разговаривала по телефону с подругами, а иногда переходила на шепот. Однажды я поинтересовался, о чем

они шепчутся. Оказалось, рассказывают политические анекдоты, думая, что шепот при прослушке не слышен. Я ей объяснил, что как раз шепот и слышен лучше всего. Мама забеспокоилась, но страсть к анекдотам осталась.

К ней приходили подруги-чтицы, читали толстые журналы и литературные новинки. Одной из подруг была Анастасия Цветаева. Жаль, мама не видела, как Цветаева, которая летом и зимой носила на голове штук пять платочков, бережно снимает их один за другим. Она непременно оценила бы этот моноспектакль.

Несмотря на слепоту, мама очень хорошо вязала, и многие знаменитые люди до сих пор показывают мне «кольчужки» из толстых белых ниток. Сначала она на ощупь мерила человека, затем вязала и дарила. Люди брали вроде как из сострадания, но потом носили с удовольствием.

Ну что я все о себе да о себе. У Наталии Николаевны тоже была семья, о которой я с удовольствием прочту вместе с вами. Жена у меня – интеллигентско-дворянских корней. Потомок не то Милухо-Маклая, не то лошади Пржевальского.

Н.Б.: Ни того ни другой. Моя бабушка, Алевтина Михайловна Севастьянова, – столбовая дворянка. Не знаю, что не устраивало ее в обеспеченной жизни, но она стала революционеркой и в 1905 году попала в тюрьму. Поскольку деда, инженера-архитектора, очень уважали, ее вскоре освободили, правда, лишив права жить в столицах – Москве и Петербурге. В 1908 году семья переехала в другую столицу – в Лондон (как это делают и сейчас, но, в основном, по другим соображениям). Моей маме тогда было пять лет. В 1912 году семья вернулась в Россию, из-за того что бабушку замучила ностальгия. Это была настоящая болезнь.

Семья вернулась, но английский уклад жизни сохранился. И даже спустя многие годы мы садились обедать не днем, а в семь часов вечера, когда все собирались после работы. У нас были домработницы и кухарки. Стол сервировался по всем правилам. Чтоб поставить на стол кастрюльку – упаси бог! Приносили суп-

ницу, из которой разливали сначала бабушке, потом дедушке, а дальше – маме, папе, мне и брату. В дальнейшем стали разливать и Александру Анатольевичу.

Бабушка не меняла своих революционных убеждений. Более того, она была сталинисткой. Когда в 1928 году арестовали мою маму, бабушка собиралась писать письмо Сталину.

Историю ареста мамы я узнала от нее лишь в середине 50-х – я уже оканчивала школу. Рассказывая, она становилась вся красная, ее трясло – хотя прошло много лет. Мама сидела в тюрьме, беременная моим братом. Посадили ее фактически за компанию – по политической статье арестовали хозяина дома, у которого она была в гостях, а заодно взяли и всех, кто к нему приходил. Один из наших родственников был знаком с наркомом Семеном Середой. Папа попросил его посодействовать, и через несколько месяцев маму освободили.

Мой дедушка Владимир Николаевич Семенов в начале XX века поехал добровольцем на Англо-бурскую войну в Южной Африке воевать на стороне буров против англичан. Война довольно быстро закончилась, и группа молодых людей осталась на сафари – поохотиться на львов. Дед вернулся героем и вскоре познакомился с моей бабушкой.

Сафари больше не было, но одно ружье осталось и очень пригодилось.

Спустя много лет мой брат и Александр Анатольевич повесили на даче мишень и стали стрелять по ней из охотничьего ружья деда. Вдруг бежит жена одного из братьев Весниных, великих архитекторов-конструктивистов. Подбегает к деду, сидевшему в кресле на террасе, задирает юбку и показывает простреленный зад. А дед даже балет не мог смотреть – не понимая, как балерины танцуют в пачках с голыми ногами. Жена Веснина подняла крик. Оказывается, мишень повесили так, что пули пролетали через овраг как раз в сторону их дачи. Впоследствии выяснилось: она сидела в деревянном сортире, сооруженном великими архи-

текторами из фанеры, и пуля на излете, пробив стену, угодила в святое. Рана была незначительная, но ружье отобрали.

Мой дед, профессор, академик, более десяти лет возглавлял Научно-исследовательский институт градостроительства Академии архитектуры СССР. В 30-е он был главным архитектором Москвы и под его руководством разрабатывался первый генеральный план столицы, утвержденный в 1935 году. После войны по проектам деда восстанавливали Минск и Ростов-на-Дону.

Даже занимая высокие посты, дед оставался всю жизнь беспартийным. И не со всеми партийными и государственными лидерами у него складывались отношения. Например, не сложились с Кагановичем.

Кстати, с Кагановичем связан один любопытный эпизод. Однажды он без предупреждения нагрянул домой к деду и, не раздеваясь, прошел в кабинет, что тут же на всю квартиру прокомментировала домработница Лиза:

– Шляются тут всякие, калош не снимают!

Лизу в семье побаивались, и все, включая деда, обращались к ней по имени-отчеству.

Еще до революции, в 1913 году, дед проектирует и начинает строить поселок на станции Прозоровская (теперь Кратово) – город-сад, один из первых в России. Время было тяжелое, голодное, и в Кратово жили все мои родственники. Собственником земли и построек была Московско-Казанская железная дорога, в правлении которой работал Ипполит Чайковский, родной брат Петра Ильича.

У Ипполита были две внучки, с которыми моя мама очень дружила. Как-то одной из них, Ксении, надо было уехать на пару дней. И она попросила мою маму взять к себе ее собачку. Только предупредила, чтобы ни в коем случае не произносили слова: «Гражданка, продайте собачку». От этих слов собачка визжит, падает в обморок и потом долго приходит в себя. Как только за Ксенией закрылась дверь, мама с братом и сестрой закричали: «Граждан-

ка, продайте собачку». Бедное животное взвизгнуло и упало в обморок. После того как собачка пришла в себя, молодые люди повторили просьбу. Та снова упала, но на этот раз ожила быстрее. Когда через два дня хозяйка вернулась, ей объяснили, что она все с этой гражданкой придумала. «Вот смотри», – сказали «добрые» друзья и повторили собачке в сотый раз эти слова. Та весело завиляла хвостиком и убежала по своим делам.

Ксения дожила чуть ли не до ста лет, а ее сестра Ирина умерла не так давно в возрасте 104 лет.

Не только мой дед был архитектором. Архитекторами стали и мой дядя, и мои братья – родной и двоюродный, жены братьев, племянник, внучатый племянник и я сама.

Мама архитектором не стала. Она училась в знаменитом ВХУТЕМАСе. После нэпа у состоятельных семей стали отбирать все излишества (тогдашний налог на роскошь). А у нас был очень хороший рояль «Бехштейн». И чтобы его не забрали, мама поступила в филармонию, где на вечерах видела выступления отца Александра Анатольевича, не будучи в тот момент с ним знакомой.

Во ВХУТЕМАСе училась не только моя мама, но и брат мамы, ставший потом архитектором. Чтобы его не путали с дедом, он взял себе еще фамилию Прозоровский (по названию города-сада, который проектировал дед): Владимир Семенов-Прозоровский. Во ВХУТЕМАСе он влюбился в очень красивую девушку, Манечку, как мы ее звали, Арманд – племянницу Инессы Арманд. А ее брат Павел Арманд был влюблен в мою маму и, поскольку любовь была безответной, даже пытался стреляться. Он был режиссером и сценаристом, сочинял песни, в частности, написал слова и музыку песни «Тучи над городом встали...», которую исполнял Марк Бернес.

А в бабушку, кстати, был влюблен оперный певец Леонид Собинов. У бабушки в то время уже была дочь Светлана, моя мама, и Собинов пообещал, что, если у него когда-нибудь родится дочь, он ее тоже назовет Светланой. И назвал. Светлана известна как Собинова-Кассиль, поскольку вышла замуж за писателя Льва Кассиля.

По линии моего отца, Николая Павловича Белоусова, мы купцы. Папин прадедушка, Павел Николаевич Белоусов, был купцом второй гильдии, открывшим в Москве первый коммерческий банк. За это в 1838 году государь Николай I пожаловал прапрадедушке грамоту и звание почетного гражданина Москвы. Оно распространялось на все его потомство, а значит, распространяется и на меня, сына, внуков и правнуков. Эта грамота висит у нас дома на стене.

По линии отца у меня тоже много родственников. Бабушка Наталья Дмитриевна родила 14 мальчиков. В итоге выжило семеро. Но поскольку семья всегда мечтала о девочке, ее взяли из приюта.

Папины братья были людьми очень известными. Старший, Александр Белоусов, по кличке Бомбиль, был членом военнотехнического бюро, созданного в 1905 году при Московском комитете РСДРП для подготовки вооруженного восстания. Братья изготовляли бомбы. Мастерскую организовали на чердаке родительского дома. Но в начале 1906 года ее обнаружили, и братьев арестовали. Александр был сослан в Красноярский край, откуда бежал. Другой брат, Сергей Павлович, бежать не смог и умер в Сибири от чахотки. Еще два брата, Владимир Павлович и Борис Павлович (во время изготовления бомб для Красной Пресни – подростки 14-ти и 12-ти лет), были приговорены к высылке из Москвы и предпочли уехать в Швейцарию.

Вместе со старшим братом Александром из ссылки бежала его невенчанная жена, дочка одного политзаключенного. Моя бабушка послала туда денег, и им организовали побег. Александр со своей возлюбленной перебрался через Китай в Японию, где родилась моя двоюродная сестра. Вернее, она родилась на пароходе вблизи японских берегов. Поскольку пароход был английский, сестру крестили по англиканскому обряду, дав имя Мейбл. И она считалась британской подданной. Позже из имени Мейбл и клички отца Бомбиль возникло прозвище Мобиль. Из Японии семья долго переправлялась сначала в Италию, а потом в Цюрих, к братьям.

В Цюрихе один из братьев, Борис, окончил гимназию, поступил в Политехникум, но, окончив обучение, диплома не получил, так как за него требовалось заплатить, а денег у него не было.

Квартиру в Швейцарии посещали Луначарский, Дзержинский и другие революционеры. Бывал там и Ленин. В Швейцарии братья познакомились с Эйнштейном.

Александр Белоусов позже стал профессором математики, преподавал в Плехановском институте. К нему очень хорошо относился Ленин.

Борис и Владимир вернулись из Швейцарии окольными путями во время Первой мировой войны (родители смогли приехать в Россию только после революции). Владимир Павлович ушел в Красную армию, а потом занимался химическими ядами. Первым мужем его жены был писатель Алексей Свирский, друг Булгакова и Куприна. У меня сохранились мамины книжки, перешедшие ей от Свирского, – с автографом Булгакова, а также диван, на котором сживали Булгаков и Куприн.

Борис Павлович после революции начал преподавать в Академии химзащиты. Он был химиком и впервые описал колебательную реакцию, известную сейчас как реакция Белоусова–Жаботинского (за что получил Ленинскую премию – к сожалению, посмертно). Кроме того, он разработал и внедрил в массовое производство зеленку, благодаря чему отпала необходимость закупать ее за рубежом.

У Бориса Павловича была жена Мария Францевна. Нам Мария Францевна запомнилась тем, что на нашей свадьбе она, экзальтированная, утонченная женщина, обсуждала со своей подругой Александра Анатольевича, которого они увидели впервые. Обсуждали они на французском, не отрывая взгляда от жениха, сидевшего напротив. Закончила Мария Францевна по-русски: «И только». Это «и только» Александр Анатольевич, не зная, что она имела в виду, долго не мог ей простить.

А.Ш.: Вот в такую семью зодчих, ярых революционеров и купцов внедрился я и до сих пор не понимаю, зачем они меня взяли.

А.Ш.: Мы учились в отдельных школах: мальчики отдельно, девочки отдельно. К тому же – учились в консервативные времена, нельзя было просто так подойти и познакомиться с девочкой или девушкой – тебя бы не поняли, стали прорабатывать на пионерском сборе или комсомольском собрании. На праздниках, когда школьники собирались вместе, девочки стояли вдоль одной стенки зала, мальчики – вдоль другой. Девочки танцевали с девочками, а мальчики – с мальчиками, даже вальс. Если кто-то типа меня, нахала, решался пригласить девочку, потом столько было насмешек и издевательств.

С Татой мы стали встречаться, будучи старшекласниками. Накануне того дня, когда объявили о смерти Сталина, мы с ней долго гуляли, и наутро она опоздала в школу. Пришла радостная, а все плакали. Все подумали, что она радуется смерти Сталина, а она про это даже не знала.

Н.Б.: Но эта история случилась почти через два года после знакомства. Мы, как я уже сказала, познакомилась в поселке НИЛ. Там у нас была большая компания, всем – лет по 14–16. Жили дружным пионерско-комсомольским коллективом.

Почти всех девочек звали Наташами: Наташа Журавлева, Наташа Захава, Наташа Абрамова-Горчакова, Наташа Попова (ее отец – драматург Иван Попов прославился пьесой «Семья» о молодых годах Ленина), Наташа Семенова (это я – меня называли по фамилии дедушки, который вместе с архитекторами братьями Весниными стоял у истоков нашего дачного поселка), еще пара Наташ, что забылись за эти полвека, и две Маши: Маша Журавлева и Маша (она же Мирка) Шпиллер-Кнушевицкая. Имена мальчиков были несколько разнообразнее: Шурик, Миша, Леша, Сережа, Иоанн...

Миша Державин появился в НИЛе в то же лето. Он был хорош собой, а главное – умел кричать, как киногерой Тарзан.

Часов в 12–13 все собирались на берегу реки Малая Истра. Купались, загорали, после чего расплзались по домам, чтобы часов

в семь встретиться на волейбольной площадке. Вечером или играли у себя в НИЛе, или шли играть в другие места: в располагавшийся по соседству дом отдыха (бывшее имение Саввы Морозова), а также в лагерь хореографического училища при Большом театре.

После волейбола были танцы у кого-нибудь на даче. Причем бальные. И коронным номером считался танец Шурика Ширвиндта и Миши Рапопорта, изображавших влюбленную пару.

Еще на даче ставили шарады: разбивались на две команды и отгадывали задуманное другой командой слово. Например, загадывалось слово «сортир». Сначала с совочком и веником изображали «сор», потом стреляли – «тир», а вместе все это было «сортир», который представляли как очередь в санузел – люди стоят и нетерпеливо переминаются с ноги на ногу.

После шли по домам ужинать и как бы спать. Когда родители засыпали, наши мальчики приходили с лестницами и помогали девочкам выбраться из дома. Мы все встречались на берегу реки «под березой». С собой приносили патефон и под «Брызги шампанского», «Тайну» и другие песни в исполнении Утесова, Виноградова, Лещенко (не Льва) танцевали у костра и ели испеченную на углях картошку, выкопанную на колхозном поле за рекой. Расходились только под утро.

И так каждый день все лето. Нам было очень хорошо вместе. Все были немножечко влюблены, но на пары не разбивались, это случилось несколько позже. Некоторые поженились. Друзьями мы остались на всю жизнь.

За лето мы настолько привыкали друг к другу, что и в Москве, хотя учились в разных школах, продолжали встречаться. 8 сентября, в Натальин день, Шура подарил восемь чашечек: всем – керамические, а мне – фарфоровую.

С этого началась наша дружба. Зимой мы ходили в театры, в кино, иногда встречались на катке в парке Горького. Причем, как Шура позже признался, кататься на коньках он терпеть не мог, но тогда виду не подавал.

Мама ничего мне не запрещала и всегда входила в мое положение. Однажды я не могла пойти на свидание из-за боль-

ного горла. Мама, видя, как я страдаю, сказала: «Закутайся, дыши в шарф и иди».

Если я уходила на свидание, не успев сделать уроки, просила бабушку прочитать заданный параграф. Бабушка его читала, искала в домашней библиотеке дополнительный материал и утром за завтраком пересказывала мне прочитанное.

Я училась в женской школе № 43. Наш класс был очень дружным. Мы до сих пор собираемся. И хотя судьбы у всех сложились по-разному, мы и сейчас одинаково смотрим на мир. О нашем классе четырежды писал журнал «Огонек»: два раза в 1953 году, затем – в 1965-м и четвертый раз – в 2006-м.

В 1953 году «Огонек» опубликовал наши сочинения на тему «О чем я мечтаю». Мы были десятиклассницами, и нашими мечтами попросила поделиться Маргарита Алигер. На ее статью отклики шли со всего Союза и из множества соцстран. Письма читателей легли в основу второй публикации Алигер. Третья и четвертая были о том, как сложились наши судьбы.

У меня до сих пор хранится альбом с фотографиями авторов писем, пришедших на первую публикацию в «Огоньке». Обо мне в статье было сказано немного: «Героини сочинения Наташи Белоусовой, две школьницы, гуляющие по Москве на заре после выпускного вечера, ведут между собой жаркий спор о том, какая профессия лучше: педагога или архитектора». Но зато была напечатана моя фотография. А те десятиклассницы, чьи снимки поместили в журнале, получали больше всего писем. Лишь одной девушке никто не писал. И тогда я попросила Шуру послать этой школьнице письмо. Что он и сделал, подписавшись вымышленным именем студента пединститута. Маргарита Алигер об этом, естественно, ничего не знала, поэтому письмо студента пединститута, который «горячо откликнулся на решение девушки стать учительницей», обильно цитировалось в «Огоньке».

А некий парень Слава из Ростова-на-Дону прислал очень трогательное письмо мне. У меня уже был роман с Шурой, поэтому я попросила свою бабушку ответить Славе. Бабушка написала письмо от моего имени, Слава ответил, завязалась переписка, кото-

рая продолжалась полгода. Парень влюбился и вдруг сообщает, что приезжает в Москву. Я была в ужасе. Говорю бабушке: «Встречайся с ним сама, он в первые же минуты поймет, что писала не я». Но все-таки пришлось идти. Я отправилась на встречу вместе с Шурой. Слава был в Москве проездом. Мы показали ему город, а вечером пошли провожать. Когда поезд тронулся, Шура помахал рукой и крикнул: «Ну, Славик, пиши!» Больше Славик не писал.

В 1953 году я оканчиваю школу, и после выпускного бала мы с Шурой едем на дачу. Когда мы идем от станции по ржаному полю, он достает из кармана завернутые в какую-то тряпочку маленькие часики, выпрошенные у бабушки, и дарит мне за окончание школы. Ремешка у часов не было, поэтому Шура завязал их мне на запястье зеленой ленточкой. Потом он дарил мне и машины, и шубы, и бриллианты, но с теми часиками не сравнится ничто. Я их храню до сих пор. Правда, они не ходят.

Однажды я спросила у мамы, как распознать, настоящая любовь или нет? И мама ответила: «Если ты увидишь его в кальсонах и не разлюбишь после этого, значит, любовь настоящая». До сих пор не знаю, люблю ли я своего мужа, – кальсон у него не оказалось.

А.Ш.: Моя жена уже слышать не может историю, что я женился на ней из-за коровы. Если раньше это было как бы полушуткой, то теперь все воспринимают историю всерьез.

Такое ощущение, что я сидел на пастбище, наблюдая за коровами, а потом стал потихоньку выяснять, кто хозяйка приглянувшейся скотины, и только тогда женился. На самом деле все было не совсем так. Корова у будущей жены действительно была, и я вправду люблю молоко, но, увы, через полмесяца после того как я на Наталии Николаевне женился, корову продали.

Н.Б.: А появились коровы в нашей семье так. Когда мы вернулись из эвакуации, то на даче в Новом Иерусалиме не нашли даже моих кукол – все было разграблено. В эвакуации в Узбекис-

тане я переболела всеми возможными болезнями: скарлатиной, корью, суставным ревматизмом, брюшным тифом. За пять дней до отъезда в Москву, спрыгнув с крыши двухэтажного гаража, сломала обе ноги. А по возвращении у меня еще обнаружилось и затемнение в легких. На семейном совете решили купить корову. Но коров тогда не продавали, еще шла война. Бабушка написала письмо Михаилу Ивановичу Калинин с просьбой дать разрешение на приобретение коровы (конечно, можно было написать и кому-нибудь пониже, например председателю местного колхоза, но бабушка считала, что все надо делать по полной, ее любимая поговорка: «хоть раз да вскачь»). Разрешение было получено.

Поскольку мама и бабушка в коровах разбирались плохо, выбрали самую красивую, с необыкновенными глазами. За красоту корову называли Афина Паллада (ласково – Лада). Бабушка купила сепаратор, чтобы было свое масло. Построили сарай для Лады и домик для Маруси, которая за ней ухаживала. Но молока хватало только на кофе. Причем кофе с молоком мы пили лишь летом, когда жили на даче, а 9 месяцев в году его пила Маруся.

Были еще попытки наладить молочное хозяйство, приобретались другие коровы – тоже красивые, но немолочные. Последнюю из них застал Александр Анатольевич. Правда, он на нее не очень обращал внимание – нас больше интересовал сеновал над коровником, где мы собирались ночью большой компанией. Утром Маруся удивлялась, почему корова не дает молока.

Спустя годы, когда Александр Анатольевич достиг уровня интервьюируемого, стал рассказывать, что женился на мне из-за коровы. Ну, действительно, не отвечать же на вопрос журналистов, почему выбрал в жены именно эту девушку, что влюбился, понял – она на всю жизнь и без нее не могу...

Предложение Александр Анатольевич сделал очень лаконично: «Пошли в загс». Но при этом поставил передо мной огромный бумажный сверток. Развернув его, я обомлела – цветущий куст бледно-розовой сирени. Зимой!

Накануне свадьбы я сказала маме, что пойду к Шуре и останусь у него ночевать. Родители и бабушка с дедушкой долго совеща-

лись, но все-таки меня отпустили. Я захватила полотенце и ночную сорочку. Ширвиндты жили в большой коммунальной квартире, где у них было восемнадцать соседей. Демонстрируя на кухне перед соседями сорочку и полотенце, Шура объяснил: «Взял себе жену, а вот и все ее приданое».

Фаты на свадьбе у меня не было – она считалась буржуазным пережитком, а платье сшила мама из кусочка белой парчи в 70 сантиметров, купленного в комиссионке. На рукава материала не хватило, и бретельки сделали из двух ниток жемчужных бус.

Свадеб было три. Первая – для родственников и друзей родителей Александра Анатольевича. Вторая – для моих родственников. И третья – для наших друзей, на которой был почти целиком Театр имени Ленинского комсомола: Рита Лифанова с мужем Евгением Симоновым, Вока Ларионов с женой Ганной, Юра Колычев, Вадик Жуков, Миша Державин, однокурсники Шуры Володя Земляникин, Лев Борисов (то, что у него есть старший брат Олег, мы тогда и не знали). Были наши дачные друзья – Миша Козаков с женой Гретой, все семейство Журавлевых. Пришли мои двоюродные сестры Кудрявцевы: Аня, только что вышедшая замуж за известного певца Виктора Беседина, и Таня, которая чуть позже выйдет за актера Юрия Назарова.

Миша Державин подарил белые настенные часы. Прошло больше полувека. Они висят на даче, заводятся ключиком и ходят!

Витя Беседин пел эпиталаму Рубинштейна. Танцевальную часть вечера открыла пара – Михаил Козаков и мама Шуры Раиса Самойловна – мазуркой.

До сих пор все помнят, как Козаков, жестикулируя, задел актрису Нину Палладину, и рассыпалась ее длиннющая нитка бус. Все гости долго собирали бусинки, ползая под столом.

• • •

А.Ш.: У нас было две комнаты в восьмикомнатной квартире в Скатертном переулке, в которой жило еще шесть семей. В одной комнате существовали родители, в другой – сначала мы вдвоем, а потом еще и с Мишкой. Территориально было совершенно не-

понятно, куда этот кулек положить. И все время приходилось его переключать. У нас было старое вольтеровское кресло (я до сих пор в нем сижу), и, так как кровать никуда не вставала, кресло оказалось просто спасением. Но, если в кресло нужно было кому-то садиться, Мишу переключали на кровать. Мы были молодые, хотели встречаться, общаться с друзьями, а он все время мешал, и поэтому клали его туда, где подушки, потому что на подушки гости все-таки стеснялись садиться.

В антракте я обычно звонил домой и говорил: «Будь в напряжении!» или «Сервируй!». Первое означало, мы куда-то отправимся, второе – «Жди гостей».

Заводилой послеспектаклевых посиделок был Андрей Мионов. Это у нас называлось «на слабую долю». Когда мы уже изрядно поддавали, включалась музыка Нино Рота из «8 1/2» Феллини (наш гимн), и мы, напевая, брались за руки и шли по кругу, как дети в детском саду. Потом, по моему приказу, издавали звериный рык и шли в другую сторону.

Н.Б.: Была у нас любимая игра в «пугануть» – неожиданно нагрянуть к человеку. Когда Андрей женился на Ларисе Голубкиной, то молодожены прямо со свадьбы поехали на дачу в Красную Пахру. Поздно ночью всей компанией (мы с Шурой, Марк Захаров и Григорий Горин с женами) нагрянули туда и стали стучать в темные окна и кричать. Андрюша сначала испугался, потом догадался, и посреди первой брачной ночи мы устроили пикник. Все были счастливы, если я не ошибаюсь, кроме невесты. А может, и вместе с ней.

А.Ш.: Помню, как сдачу спектакля «Проснись и пой!» отпраздновать решили в ближайшем ресторане «София». И вдруг Плучек говорит: «Ну что вы за молодежь? Вот в наше время начинали праздновать в Москве, а утром оказывались в Ленинграде». Этого было достаточно, тем более в Ленинграде снимался Андрей и мы решили его пугануть. Поехали к Татьяне Ивановне Пельтцер за деньгами на билеты (потому что деньги бывали только у нее) и

оттуда – в Шереметьево. Ближайшего самолета надо было ждать довольно долго. Кураж постепенно проходил, и некоторые, в том числе Плучеки и Менглет с Архиповой, вернулись в Москву. А самые стойкие: Татьяна Ивановна, Марк Захаров с Ниной и мы с Татой – полетели.

Из аэропорта вся компания поехала в гостиницу «Астория», где жил Андрей. Но пока мы летели, кто-то настучал Марии Владимировне Мироновой, что эти сумасшедшие отправились к Андрею. Она позвонила в Ленинград и сказала: «Жди!»

Когда мы подъехали к «Астории», при входе стоял Андрей в красной ливрее с салфеткой на согнутой руке. Не моргнув глазом, он сухо сказал: «Ваш столик – № 2».

Потом мы всю ночь гуляли по Ленинграду, танцую и напевая мелодию из «8 1/2». А у Марка была навязчивая идея взять Зимний. Мы остановили почтовый грузовик, Марк крикнул: «К Зимнему!» В кузове грузовика мы тоже танцевали. Почему так и не взяли Зимний, уже не помню.

На рассвете голодные и замерзшие на Московском вокзале мы пили кофе. Он тогда продавался в огромных двухведерных баках с краниками, к каждому из которых была прикована кружка.

Выглядели мы к утру жутко, и кто-то из прохожих на улице, узнав Андрюшу, пропел: «Весь покрытый зеленью, абсолютно весь».

Потом мы с Андрюшей и его сводным братом Кириллом Ласкари поехали к их деду Семену, который до революции был богат и имел драгоценности. И Андрюша нашептал ему, что надо быть готовым, что почту и телеграф мы уже взяли, теперь будем возвращать незаконно отнятое. Дед осторожно спрашивал: «Правда? Ты не шутишь?» Андрей уверял, что правда. И дед верил и ждал.

Как-то в другой приезд в Ленинград Кирилл пригласил нас в плавучий ресторан недалеко от Петропавловской крепости, чтобы раскрыть семейную тайну. Когда началась экспроприация, дед Семен припрятал все в своем доме в Гатчине. «Настало время внукам получить законное наследство, – сказал Кира. – Я разработал операцию. Шурка, ты задействован и получишь небольшой процент».

В доме проживало довольно много народу. Поэтому план был такой: меня якобы сбивает машина, Кирилл с Андреем зовут на помощь, жильцы дома выбегают, окружают пострадавшего, то есть меня, и в этот момент один из братьев незаметно проникает на чердак (Кирилл уверял, что клад именно там) и находит бабушкины бриллианты. После чего мы делим их не в равных частях. Все продумали до мелочей, осечек не должно было произойти. Мне забинтовали голову, воткнули для успокоения через бинты дымящуюся трубку и стали звать на помощь жильцов. Почему никого не смутило, что я после аварии оказался сразу забинтованным, тайна. Видимо, слишком натурально мы играли. В общем, все жильцы мне сострадали, Кирка клад не нашел, и он, очевидно, до сих пор лежит на чердаке в деревянном доме в Гатчине. Если, конечно, на эти деньги, как в «Двенадцати стульях», не построили клуб.

Н.Б.: Мы встречались три-четыре раза в неделю, устраивали «музыкальный четверг», во время которого Шура играл на скрипке, а Марк и Андрей на рояле, хотя оба знали только по одному аккорду. Марк пел, как мы шутили, «дурным голосом» (так он читал свои фельетоны на радио в передаче «С добрым утром!»). Коронный номер был: «Долго ль мне бродить по свету...» Все принимали участие в меру своих способностей.

Нам было так хорошо и весело всем вместе, что нередко мы не расставались до утра, и я даже несколько раз опоздала на работу.

Утром звонил будильник, и всегда, на протяжении многих лет, Шура спрашивал спросонья: «Это что?» – «Будильник». – «Ты куда?» – «На работу». – «Сегодня не ходи. Возьми день за мой счет». Конечно, утром было трудно идти на работу, но в нашей дружной мастерской все входило в мое положение. Руководитель мастерской принес раскладное кресло, и в обеденный перерыв (он длился почему-то ровно 23 минуты) меня закрывали подрамниками, я мгновенно засыпала, и все оберегали мой сон. Этот короткий отдых восстанавливал силы.

Я любила свою мастерскую: и люди были замечательные, и заказы интересные. Тридцать один год я проработала в ЦНИИЭП

(Институте имени Мезенцева), проектировала дома отдыха и санатории в Гаграх и Сочи. Сделала проект типового трехзального кинотеатра – такие кинотеатры строили по всей России. В Омске по моему проекту воздвигли музыкальный театр. Я проектировала его как жена артиста: думала не только о зрителях, но и об актерах. Не понаслышке зная об их тяжелом труде, предусмотрела максимум удобств, начиная от душевых в каждой гримуборной и кончая комнатами отдыха и буфетом.

Когда там гастролировал Театр сатиры, Александру Анатольевичу очень понравилось. И ему говорили, что он работает «в театре своей жены».

• • •

А.Ш.: Мы уходили к друзьям или после домашнего застолья – в ночь, уложив Мишу спать и накормив бабушку. Недавно в каком-то интервью Миша рассказывал, что, как только за родителями закрывалась дверь, он кричал «ура!» и они с бабушкой шли пировать на кухню.

Н.Б.: Помню, мы пошли на Масленицу в Дом архитектора. А Миша, которому было лет десять, по поваренной книге напек блинов.

А.Ш.: Миша был шепутной ребенок. Как-то в одной передаче он говорил, что в детстве прошел огонь, воду и медные трубы. Это правда. Однажды он тонул в ледяной реке – я с трудом его спас, бросившись одетый, и вынул его в одном ботинке (второй куда-то уплыл). Потом Миша падал в канализационный люк, потом – в костер на даче. Вот и получается «огонь, вода и медные трубы».

Я все время слышал: «Ты будешь заниматься ребенком или ты не будешь заниматься ребенком?!» И тогда я занимался ребенком. Сколько надо заниматься ребенком? Ну, пять минут, десять. Если воспитывать целые сутки, то можно это делать спокойно, а если на все воспитание – пять минут, нужно орать сильнее и палку искать, которой якобы собираешься проломить череп. Если все это размазывать на целые сутки и десятилетия, то не будет

никакого результата. Так тоже никакого результата, но хоть меньше времени уходит.

Н.Б.: Мы лет десять ездили летом в Ялту, в Дом творчества «Актер». Детей туда не пускали, но у нас была единственная возможность общения с ребенком – это взять его с собой в отпуск. И вот в виде исключения с личного разрешения самого Михаила Ивановича Жарова Мишу туда пустили. Было ему лет пять. Там он влюбился в хорошенькую девушку, только что окончившую школу, – Нину Маслову (потом ставшую актрисой). Весь Дом творчества очень переживал за Мишу. Он подходил ко всем, заглядывал в глаза и спрашивал: «Вам нравится Нина?» Ему отвечали: «Да». Он тихо, глядя в сторону, говорил: «А мне очень». Приносил Нине цветы, сорванные с клумбы. Утром папа шел на пляж, а Миша, дожидая завтрак, кричал: «Папа, займи нам с Ниной лежак». Нина была благосклонна, но предпочтение отдавала Саше Збруеву.

А.Ш.: Как-то из «Актера» мы поехали с визитом в «Артек». Там был международный отсек, нас водили, сын бегал туда-сюда. Вдруг несется с выпученными глазами: «Смотри, смотри, кто это?» А мимо шли два негритенка (негров он никогда не видел). Я ему: «Тихо, тихо». Он снова помчался, а слева в футбол играют наши и негритята, две команды. И вот он бежит и орет на весь международный отсек: «Папа, папа, смотри, тут их целое стадо!» На этом наш визит в «Артек» закончился.

Н.Б.: Я записывала за Мишей и внуками, что они в детстве говорили. Вот некоторые Мишины высказывания.

Миша, 3 года

– *Мама, давай играть в дочки-матери: ты будешь мама, а я твой сынок.*

У Александра Анатольевича была нянька Наташа, у Миши – Дуся и дачная нянька Маруся. Дачная собралась приехать в

Москву. Миша, ему 3,5 года, говорит:

– У нас там Наташа, Дуся. Куда же нам вас столько?!

В 4 года Миша первый раз увидел черного лебедя и закричал:

– Мама, смотри какой грязный гусь!

– Мама, а у тебя молоко еще есть?

– Нет, ты все высосал.

– А оно у тебя было натуральное или порошковое?

Пришел с улицы, где набрался новых знаний, и охотно делится ими:

– А ты знаешь, горшок называется туалет.

– Вот родится у меня дочка... А тебе опять мальчик попадетя.

– Почему?

– А тебе все время мальчики попадаютя. Папа попался – мальчик, я тоже мальчик.

Мише 4,5 года. Мы идем 22 апреля по улице, везде висят флаги.

– Мам, а почему флаги?

– Сегодня день рождения Ленина.

– Пойдем посмотрим маленького.

– Кого?

– Ты же говоришь, Ленин родился.

– Да он уже давно умер.

– А почему же тогда сегодня праздник?

Мише 5 лет, разговор с папой.

– Миша, надень валенки.

– А мне мама разрешила ботинки.

– Но я же главнее мамы.

– Нет, мама главнее, потому что я сидел в животе у нее, а не у тебя.

– Да, но в живот тебя посадил я!

7 лет

– Ты говоришь, что придумают лекарство, и никто не будет умирать. А значит, никто не будет и рождаться.

– Почему?

– А откуда же возьмутся души для новорожденных?

Пришел из гостей.

– Там было столько острот! И салаты, и шпроты, и икра!

10 лет

Пишет изложение: «Началось наводнение, люди покидали дома и брали с собой все свое преимущество».

А.Ш.: У Миши обширное образование – он «окончил» три средние школы. Постоянно приносил какие-то страшные записи учителей в дневнике, взрывал унитазы. Юный химик! Нас непрерывно вызывали к директору, но ходить туда и краснеть приходилось в основном жене. А переводил его из школы в школу, конечно, я.

Обычно в таких случаях родители нудят: «А вот папа в твоём возрасте...» Я тогда понял – ничего нельзя хранить. Когда в очередной раз мой сын прослушал тираду на тему «Вот твой папа, а ты...», он набрел на мои чудом сохранившиеся дневники и понял, что у него наследственный порок. Более того, по сравнению со мной он еще отличник. На этом все воспитание закончилось. Так что архивы нужно сжигать!

Н.Б.: В первый класс Миша пошел в школу около Никитских Ворот, в Леонтьевском переулке, потом мы переехали в высотку на Котельнической набережной и перевели его в школу около моей работы. Я завозила его утром, после обеда он в продленке ждал моего возвращения с работы. А окончил он знаменитую школу Леонида Мильграма, которую посоветовали Гердты, – там училась их Катя. С Катей Миша дружит лет с пяти-шести. Как-то Катя заболела, не ходила в школу, и Миша поехал ее навестить. Я дала ему деньги на какой-нибудь сладкий подарок, а он почему-то купил ей

карпов и умудрился довести их живыми. Гердты выпустили карпов в ванну, и несколько дней никто не мог помыться.

А.Ш.: По словам Мишки, в десятом классе он получил от меня на день рождения самый неожиданный подарок – блок сигарет и зажигалку. Причем до этого его гоняли и ругали, если застукают с сигаретой, и после этого продолжали гонять. Мишка считает, что у меня просто не было под рукой другого подарка.

Н.Б.: А мне Миша, уже будучи студентом Щукинского училища, однажды на 8 Марта подарил двух цыплят. У меня с цыплятами были связаны не лучшие воспоминания.

Как-то бабушка купила 20 цыплят. Мой папа установил лампу с синим светом, чтобы цыплятам было тепло, и мы накрыли их старой скатертью с бахромой. Проснулись как-то утром, а из двадцати цыплят пять висят – повесились на бахромке, заглотив ее. Остальные тоже дохли, хотя ухаживали за ними лучшим образом. В итоге из двадцати летом на дачу выехали не больше четырех.

Поэтому когда Миша принес цыплят, я пришла в ужас и сказала: «Уноси куда хочешь». А куда ему идти с ними? Он отнес их в училище, и потом каждый раз, приходя в буфет, давал лишних 20 копеек, чтобы буфетчица от его имени накормила цыплят крутыми яйцами.

Цыплята выросли, стали ходить по училищу. Как-то я туда пришла и увидела, как в перерыве студенты бегут с этажа на этаж, а между ними бегут по лестнице две здоровенные курицы – грязные, жилистые, с мускулистыми ногами. И никто не обращает на них внимания.

Это надо же! У нас в семье цыплята жили в идеальных условиях: бабушка читала книги по выращиванию кур, папа сооружал специальные приспособления, но те дохли, а в условиях училища вымахали две огромные курицы.

Однажды мне позвонила из училища заведующая библиотекой, которая находилась рядом с буфетом, и пожаловалась: «У нас сегодня был субботник, все уже давно ушли, а у меня еще столь-

ко работы – Мишины куры все изгадили». И я предложила ей забрать кур – она, как выяснилось, жила за городом. Сама она не решалась это сделать без разрешения Миши – думала, что куры в училище для чего-то очень нужны.

А.Ш.: Миша, мне кажется, не очень похож на меня. Но, видимо, другим так не кажется. Как-то я с дачи заехал в городе Истра в магазин купить батарейку. Там стояло море телевизоров, и все они в этот момент показывали Мишкину программу «Хочу знать». Я стою у прилавка, ко мне подходит какая-то дама и говорит: «Ой, я прямо умираю – вы прямо и в телевизоре, и здесь. Дайте автограф».

Дети не понимают родителей – это данность. Но это не конфликт. Конфликт в нежелании понимать, что тебя не понимают. Время идет, нравы и приоритеты меняются, товары тоже. Если я когда-то брал лучшую по тем временам туристическую палатку и мы отправлялись куда-нибудь под Астрахань удить рыбу, то у компании сына другие общие чаяния. Эта компания – Антон Табаков, владелец сети ресторанов, Денис Евстигнеев, продюсер, и Сергей Урсуляк, кинорежиссер... Они уже летают в Австрию кататься с гор.

С внуками еще острее, чем с детьми. Внуки ждут, когда я позволю и в очередной раз поною. В чем задача деда? Все время ныть: «А это зачем? А это куда?» Ты слышишь на том конце трубки вздох. Но сам-то чувствуешь себя исполнившим свой долг. И у них перерыв до следующего нытья.

Как ни странно, моя внучка – абсолютный слепок с моей мамы: внешне и немножко даже внутренне. Моя невестка – Татьяна Павловна Морозова. И вот чтобы от Татьяны Павловны Морозовой родилась Раиса Самойловна, моя мама... Мистика!

Когда внучку спросили: «Какие у тебя отношения с бабушкой?» – она сказала: «Ну какие могут быть отношения, если он меня в общем-то содержит». – «А какие отношения в быту?» – «Не знаю, он, когда приходит, сразу спит».

Однажды внучка собиралась ко мне прийти, но пришла не как внучка, а как дистрибьютор косметической компании. Я думал, с

ума сойду. Привезла каталог продукции. Я ей говорю: «Крем для снятия грима». Она отмечает. «Щетка для чистки пяток типа пемзы». Она опять отмечает. И говорит: «Еще давай, а то скидку не получишь». Взяла 500 рублей и уехала. Потом привезла заказ и новые каталоги. Я подумал: «Слава богу, хоть один человек в семье будет иметь интеллигентную профессию». К сожалению, ее торговая карьера не удалась и она стала искусствоведом.

Внуки взрослые – Андрею за 30, Саше – за 25. Сейчас не я их воспитываю, а они меня. Я должен быть все время в напряжении, чтобы их не подвести, не расстроить и неправильно себя не повести.

Старший внук Андрей преподает в МГУ на юридическом факультете, кандидат наук, поэтому в детстве никаких глупостей не говорил. Говорили остальные. А у Наталии Николаевны все глупости записаны.

Н.Б.: Из моих записей – что говорила маленькая Саша.

Наш коккер-спаниель Сандрик едет с дачи в Москву жениться.

5-летняя Саша удивляется:

– Как, он же в прошлом году уже женился!

– Ну еще раз, – говорю я.

– А он что, с той развелся?

5-летняя Саша ходит в бассейн.

– Там глубоко, ты не утонешь? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, – там вода по груди.

– А когда я еще не родилась, ты по мне скучала?

Я 8-летней Саше:

– Шура про тебя сегодня в газете написал.

Саша радостно:

– Ну и что, написал, какие у нас с ним отношения? А что он написал про других женщин?

Мы сидим с Сашей, она читает вслух Пушкина:

– «Здесь русский дух, здесь рысью пахнет...»

– Чем-чем?

– Ну, рысью, тигр такой.

Звонит 8-летняя Саша:

– Где Шура?

– Сейчас в театре, а утром ему Ельцин вручал орден.

– Да? Ну и как ему Ельцин?

Звонит в другой раз:

– Шуру.

– Он спит.

– Уже навсегда?

А.Ш.: Но вообще-то дети и внуки – хорошие. Даже иногда трогательные. Как-то мы были на Валдае, в 400 километрах от Москвы. У меня – день рождения. Все звонят, поздравляют, но приехать не могут. У Андрюши – лекции, Миша на съемке, Саша сторожит собак на подмосковной даче. И вдруг часов в семь к дому отдыха на Валдае подъезжает машина, и все они вылезают с подарками. Нет, неплохие дети.

• • •

Н.Б.: День рождения у Александра Анатольевича – в середине лета, 19 июля. До Ильи Пророка, когда по всем законам и канонам должна быть гроза (она и бывает), – ровно две недели, но это не мешает грозе всегда быть и 19 июля.

На протяжении многих лет повторялось одно и то же: на даче в прекрасную погоду мы собираемся отмечать рождение, накрываем столы в саду, и тут, в самый последний момент, вспоминаем про грозу и начинаем перетаскивать все в дом. Природа нас не обманывает: гремит гром, сверкает молния, льет дождь.

Году в 1954-м или 1955-м Александр Анатольевич 19 июля был в отъезде, и мы дачной компанией решили не нарушать тра-

дицию и отметить его день рождения. Собрались у нас, на стол поставили его фотографию (мы тогда не знали, что так поступают на поминках). Произносили тосты, чокались с ним. Поскольку, естественно, была сильная гроза, в разгар веселья отключили свет. Но вечер продолжился и в темноте. Причем к нам присоединился Святослав Теофилович Рихтер, который жил напротив. Он пришел со свечками, закусками и шикарной бутылкой вина и очень хвалил нас за то, что мы справляем день рождения друга даже в его отсутствие.

Так как не только у Александра Анатольевича, но и у Миши день рождения летом, я решила построить в саду беседку. Пришлось строить на 50 человек, с мангалом и главное – делать большой вынос крыши, чтобы дождь никого не заливал. Теперь дождь хлещет, но ни одна капля до нас не долетает.

Самый поразительный день рождения был в Америке, куда нас пригласили на 60-летие Александра Анатольевича. Мы ехали в Лас-Вегас на машине – 500 км по выжженной пустыне штата Невада. На следующий день все должны были собраться в ресторане одного из казино. Днем мы легли поспать. Просыпаемся – за окном темно. Мы решили, что проспали, вскакиваем, выглядываем в окно, а там в буквальном смысле светопреставление: гром, молния, летают афишные столбы, высоченные пальмы ветром пригибает к земле, и – дождь стеной. В Лас-Вегасе такого не было никогда. Нам стали звонить американские друзья, удивленные происходящим, и только мы ничему не удивлялись: ведь это был день рождения Александра Анатольевича! Когда через два дня мы возвращались в Лос-Анджелес, пустыню было не узнать – там, где не росло ни одной травинки, все зеленело. Даже выросли какие-то кактусы и кусты. Как же они были рады: они дождались! Дождались от слова «дождь».

А.Ш.: Я горд, что смог озеленить предместье Лас-Вегаса, мне не жалко. Но были времена, когда таких финансовых возможностей не имелось.

Hotel Slavija

Broj

Veš znak

Naš znak

Beograd.

По поводу моего крайнего, но временного!!!
безденежья символически поздравляю
тебя с днем и обещаю в течение
2х (двух) недель в виде подарка
дать тебе денег на жизнь и к
к празднику Великого Октября
подарить сапоги, другие, черные,
длинные, модные к пальту.
С поздравлениями и извинениями
нищий муж Шура!

11181 Beograd — Bvotog Bevo 1 — Jugoslavlja — Tel. 450-842 — Direktor 441-064 — Telex 11 545 YU HSLAV

Жене – Таточке! До востребования подарка

Hotel Slavija

По поводу моего крайнего, но временного!!! безденежья символически поздравляю тебя с днем и обещаю в течение 2х (двух) недель в виде подарка дать тебе денег на жизнь и к празднику Великого Октября подарить сапоги, другие, черные, длинные, модные – к пальту.

С поздравлениями и извинениями
нищий муж Шура!

Лично я к вещам отношусь абсолютно умозрительно. Я имею в виду моду и их количество на теле и в доме.

У меня нет своего стиля. Я всю жизнь ношу обноски. В театре, когда оформляется новый спектакль, есть такое определение – «костюмы из подбора». Значит, гардероб для исполнителей составляется из тех костюмов, что были сшиты для других спектаклей. Моя одежда состоит «из подбора».

Меня одевал в основном Андрюша Миронов, отдавая вещи с себя, вышедшие из моды. Он следил за модой тщательно. Когда театр выезжал на гастроли в Прибалтику, Андрюша таскал меня там к своему портному, который шил нам брюки.

Когда в Москву приехал Роберт Де Ниро, Андрюша захотел познакомиться с ним. Тогда Де Ниро возила от «Интуриста» и переводила ему Регина, бывшая жена Михаила Михайловича Козакова, и мы на нее насели, чтобы она вытащила этого Де Ниро на вечер к Андрюше. И вот свечки зажгли, все прифондюренные, в галстуках, напитки, орешки откуда-то достали. Помню, были Кваша, Козаков, я. И пришел Де Ниро. В страшных джинсах, в однодолларовой майке, в шлепках через палец, а мы, значит, стоим в кисках. Мы ему говорим, мол, ты же жутко знаменитый, а вон в чем. Он сказал: «Ребята, нужно достичь такого уровня. Когда я выхожу так в Нью-Йорке, меня видят и думают, что это последний крик моды, потому что так одевается Де Ниро».

Денег на шмотки не хватало всегда. Как-то случайно встретил я в Канаде Табакова. Взглянув на меня, он дал мне визитку, на которой было написано: «Олег Табаков. Актер». И приписал, обращаясь к своему канадскому приятелю: «Майкл, пожалуйста, своди Шуру Ширвиндта в универмаг для нищих и подкорми его. Он хороший! Крепко целую. Олег Табаков». Что и было сделано.

Когда театр выезжал на гастроли за границу, моя жена-архитектор бросала строить театры, дворцы и стадионы и делала картонки-транспаранты на каждого члена семьи: объемы груди,

бедер, плеч и всех других частей тела, на которые можно было что-нибудь купить. Проблема возникла с обувью, потому что размеры во всех странах имеют разные цифры. Первое время мне давали стельки на все родственные ноги. Но стельки загибались внутри ботинка. Тогда стали давать палки, которые вставлялись в распор, и размер угадывался. Палок обычно было полчемодана.

Сейчас, когда, не дай бог, что-нибудь привезешь, внуки говорят: «Шура, – они меня дедом не называют, – мы тебя умоляем, больше ничего не покупай. Ты ни черта не соображаешь». И это гора с плеч.

У нас дома не выкидывается ничего (с годами возникает физиологическая невозможность выбросить даже целлофановый пакет – пакеты складировуются). Все отправляется на антресоли со словами: «Пригодится». Лет пять назад я полез куда-то наверх, поскольку мне померещилось, что там есть что-то нужное. Оттуда упал чемодан, раскрылся, и из него выкатились клубки мохера (мохер – это такая шерсть). В дефицитные 70-е годы мохер, как и болонью, резиновые сапоги, привозили из-за границы моряки. Прошло 40 лет, и это все сверху упало. Я говорю: «Это зачем?» Жена говорит: «А вдруг внуки?» Я позвал внуков, достал одну полуистлевшую пушистую блямбу. «Что это?» – спросили они. Я сказал: «Это бабушка бережет для вас, вы будете в старости вязать». «Что?!» – переспросили они в ужасе.

Н.Б.: Это сейчас они в ужасе, а когда доживут до нашего возраста, начнут вязать из этого мохера.

У меня – мохер, а у Александра Анатольевича – везде рассованы рулоны скотча. Он приклеивает им отваливающиеся дверцы шкафов, ножки стульев, розетки. При этом честно признает, что это «временка». И он прав: его «временка» очень быстро ломается. В принципе он любит порядок и уют в доме, но не терпит шума пылесоса, стиральной машины, стука молотка (стучу им, понятно, я). И, если за полночь от нас разъезжаются друзья и я начинаю мыть посуду, Шура мне говорит: «Оставь, пойдем спать. Потом вымоется». Это «-ся» означает – мой, но не при мне.

А.Ш.: Я жене однажды написал стишок:

Любимая! Ну чем тебе помочь?
Дай вытру пыль –
Бедняжка, ты устала.
Оставь плиту, иди из кухни прочь.
Скорей иди... Ведь ты не достирала.

Н.Б.: Для того чтобы постоянно достирывать, нужно время. Когда началась перестройка, я поняла, что мне не перестроиться, и решила уйти с работы.

Одним из последних моих проектов был гостиничный комплекс в Москве в конце Ленинского проспекта. Секретный объект, который строился по заказу КГБ. Денег на него выделили много, и мою фантазию ничто не сдерживало. На трех гектарах земли я сделала парк с фонтанами, беседками и теннисными кортами. Гостиничные номера – по 120 квадратных метров. Вся сантехнику, мебель, люстры, шторы, посуду заказывала по западным каталогам. Должно было получиться роскошно, но окончательный результат мне увидеть не удалось: объект сдали и установили там охранное оборудование. Нас, проектировщиков, велено было не пускать. Когда в августе 1991 года по телевизору показывали членов ГКЧП, я вдруг с ужасом обнаружила, что они выходят из моего здания.

Как только я собралась уходить с работы, муж испугался, что буду мелькать перед ним круглые сутки. И поставил условие: если научусь делать его любимое блюдо – фаршированную рыбу, он возьмет меня на содержание (до пенсии оставался год). Мне казалось, это все равно что создать атомный реактор. Но в тот же день я встретила на рынке свою школьную подругу, поплакалась ей, и она выдала мне рецепт. Я попробовала сделать – и у меня получилось с первого раза. Даже Зиновий Ефимович Гердт, понимавший толк в фаршированной рыбе, как-то на мой вопрос, что ему подарить на день рождения, скромно сказал: «Фаршированную рыбу».

А.Ш.: Вкусно поесть для меня – это пюре, шпроты, гречневая каша со сметаной (с молоком едят холодную гречневую кашу, а горячую – со сметаной). Я обожаю сыр. Каменный, крепкий-крепкий, «Советский», похожий на «Пармезан». Еще люблю плавленные сырки «Дружба». Главное, чтобы они не были зеленые от старости.

Я воспитан в спартанских условиях выпивки и посиделок на кухнях. В гараже, на капоте машины, раскладывалась газета, быстро нарезались ливерная колбаса, батон, огурец. Хрясь! И уже сразу хорошо. Когда сегодня я попадаю в фешенебельные рестораны, милые мальчики и девочки, обучавшиеся на элитных официантов, приносят «полное собрание сочинений в одном томе» – толстые, в переплете из тисненой кожи меню, от которых у меня сразу начинается изжога.

Раньше и в ресторанах было проще: быстро мажешь хлеб горчицей, сверху – сольцо, солью посыпанное, махнешь под стакан – и уже «загрунтовался». Ну а потом заказываешь, что они могут добыть у себя в закромах.

В сгоревшем ресторане ВТО были «стололазы». Прибегал кто-нибудь из артистической среды не очень состоятельный, сразу – водочка, капусточка. А дальше начиналось «стололазание». Причем это не грубо и примитивно: плюх к столу и «Дай выпить!». Это была игра. Классная актерская саморежиссура. Сюжет, каждый раз сочиняемый заново. «Боже мой! Кто это?! Это ты! Сколько лет, сколько зим! Я присяду? Буквально на секундочку. Как дела? Как, что? А что ты ешь? Ну-ка, дай отведать кусочек... А что пьешь? Вот это?!» – «Хочешь выпить?» – «Да нет... Разве что символически. (Пригубливает.) А знаешь, вообще-то вполне...» И когда за этим столом резерв терпения исчерпан, выискивается другой столик – и снова: «Боже, это ты?! Как я рад!»

Я люблю накрывать стол. И умею. Но не хочу. Потому что как представишь себя в роли метрдотеля или шеф-повара, которым предстоит пережить шок: ты стараешься, неделю витаешь в твор-

ческих эмпириях, сочиняешь все это... Стол – картинка! Пиши с него фламандские натюрморты для Лувра и Эрмитажа. И тут свора жаждущих кидается к столу. Куликово побоище! Я всегда сочувствовал рестораторам и их шеф-поварам, накрывающим торжественный стол. Как они переносят зрелище того, что неизбежно происходит в финале?

Н.Б.: Однажды мы с нашими соседями по даче Захаровыми поехали зимой в Клин, в Музей Чайковского. И на обратном пути мечтали, как будем ужинать: нас ждал очень вкусный фасолевый суп. Но когда приехали на дачу, оказалось, что во всем поселке вырубился свет. А это значит, что не течет вода, батареи не греют и не работает электроплита. Мы с Александром Анатольевичем поставили на стол холодные закуски, зажгли всюду свечи, затопили камин и позвали Захаровых. Было тепло и уютно. И я даже испугалась: вдруг сейчас починят электричество и пропадет вся эта красота. И тогда я везде на всякий случай выключила свет. Сидим, едим, дрова в камине потрескивают, свечи горят. И тут я вижу слабый отсвет из кухни. Оказывается, я не выключила вытяжку над плитой. Бегу в кухню, включаю плиту и разогреваю фасолевый суп. Когда я внесла на подносе четыре дымящихся тарелки с супом, все очень удивились. А я сказала: «Вы все знали, что у меня горячее сердце, но не предполагали, что оно может даже согреть суп».

А.Ш.: Я абсолютный говноед. Единственное, чего не могу есть, – это чеснок. Не выношу холодец, студень и все, что дрожит. Если где-то пахнет чесноком, начинаю задыхаться. У меня партнерши были замечательные – Людмила Гурченко, Алена Яковлева, Ольга Яковлева... Они все лечились чесноком. Но зная, что я не переношу его запах, чем-то сверху пшикали. И получается еще страшнее, когда целуешься с ними (на сцене, на сцене).

В старости нельзя рыпаться никуда – худеть, толстеть, бросать пить, начинать пить. Самое страшное – когда прут против

конституции. Это касается и физиологических проблем, и общегосударственных.

И сила воли нужна во всем. На слабой воле большинства и построена вся шарлатанская реклама. «Бросить пить окончательно и бесповоротно за один сеанс!», «Похудеть на 30 килограммов навсегда! Дорого». А я знаю способ лучше и дешевле: когда чувствую, что не влезаю в свои бархатные брючки из спектакля «Орнифль», то понимаю, что пора брать себя в руки. Как? Перестать жрать! Вот тянешься к блину – и сразу вспоминай: блина не надо – грядет «Орнифль»!

Есть старый анекдот. Лежит оперный тенор с дамой в постели. Весело, уютно, свеча горит. Начинаются ласки. Звонок. Он берет трубку: «Да? Угу. А, спасибо...» Кладет трубку. «Деточка, одевайся, уходи, ничего не будет, у меня через месяц – «Аида». Так вот, если через месяц «Аида» и есть ощущение невлезания в театральный костюм, а он, как назло, такой, что клин в задницу не вставишь, тогда я выдерживаю неделю без еды.

Только решать – не есть после шести, не пить или не делать еще чего-то – надо сразу, прямо сейчас. А если начнешь откладывать до утра следующего понедельника – пиши пропало. Здесь все зависит от смелости. А когда оттягиваешь, значит, трусишь.

Чем ближе к финалу, тем меньше можно пить молока. «Не-не-не, – говорят доктора, – ты свое отпил». Вообще сколько я всего уже отпил: водку отпил, коньяк отпил, кофе тоже. Не отпил только какой-то зеленый чай...

Н.Б.: В юности нам допинг в виде алкоголя не требовался – и без этого было хорошо. Пили в основном портвейн. Даже если на столе оказывалось что-то другое, оно все равно называлось «портвешок». Потом стали появляться венгерский «Токай», грузинские вина, коньяки.

Однажды Марк Захаров где-то достал две бутылки коньяка «Наполеон». Очевидно, на этот коньяк Марк истратил все деньги, потому что закуски не было никакой. А есть хотелось. Когда мы

допили первую бутылку, кто-то обратил взор на букет белых калл, которые выглядели очень аппетитно. И мы их под «Наполеон» съели. Как сейчас помню, стебли оказались мясистые.

Когда Плучек поручил Марку и Шуре поставить спектакль «Пронись и пой!», они переписывали эту незамысловатую пьеску у нас дома. Решив, что в ней будет много музыки, гадали, какого бы композитора пригласить. В этот момент пришли мы с Мишей после просмотра «Бременских музыкантов» и, услышав, что им нужен композитор, закричали: «Гладков! Он гений!»

Позвали Гладкова, договорились о совместной работе, на прощанье сказали: «Пиши музыку, и на премьере выпьем «портвешка».

Портвейн к тому времени уже пропал из продажи, его не пили, осталось только название – «портвешок». И каково же было наше удивление, когда на премьеру спектакля Гена принес бутылку портвейна! Он понял слова буквально, решив, что это наш любимый напиток.

Теперь мы пьем то, что велит Миша. Сам он пьет только вино, но нам разрешает водку. Причем лишь одну (название не пишу – будет реклама). На ней мы делаем крыжовенную и «хреновуху» из хрена, выращенного на даче.

А.Ш.: Когда мы читали в ихней литературе, что герои шли и заказывали в баре кальвадос, бог знает что вообразалось. А оказалось – яблочная водка. Теперь, когда пробуешь то одно, то другое в нынешнем изобилии, вспоминаешь прежде всего романтическое ощущение от прочитанного. Но в этом безграничном выборе тоже надо знать меру, чтобы себя не потерять. У меня вкусы остались прежние: больше всего люблю «Анисовую». Вот эти самые «Капли датского короля»... Пью или ее, или просто водку (пиво вообще не алкоголь, пиво – это мочегонное).

Когда-то я был на юбилее Георгия Шенгелая. А в Грузии тогда еще принимали по-настоящему, и за столом сидело человек 300... И у каждого стояло то вино, которое этот человек любит. И только возле моего прибора стояла «пол-литра».

Я пью давно и много. Удар держал всегда. Ныне, на склоне лет, конечно, силы не те. Поэтому надо хорошо понимать, когда пора уходить. Это процесс обратный тому, что было в молодости: тогда основное ощущение: «Только все началось!» Теперь же включает-ся что-то вроде ограничителя на спидометре: зашкаливает, пора тормознуть. Но с гордостью могу сказать: хотя пару раз меня под белы ручки... нет, не будем вдаваться в подробности, но полной отключки у меня никогда не было.

• • •

А.Ш.: Я просыпаюсь в 5 утра, супруга просит на цыпочках уходить в другую комнату. Потом приходит сонная собака. По утрам мы с Микки едим творожок. Ему хорошей еды нельзя, потому что он ест овечье дерьмо, этот рояль в конине или конину в рояле (Миша-то у нас – собачий академик). А утром, пока никто не видит, мы едим всякую настоящую еду. Больше всего он любит огурцы, особенно соленые, и болгарский перец.

Раньше у нас жил старый спаниель, и кто-то сказал жене, что если она возьмет к нему маленькую собачку, то молодая кровь его взбодрит. Чего-то она не взбодрила, пес умер, но остался у нас белый бандит по имени Микки. Жена увидела такого у Ярмольника – и влюбилась. Ленька и навел ее на питомник. Микки реагирует на все. Вечером, перед тем как выключить телевизор, мы на пять минут включаем ему канал «Планета животных». Особенно его волнуют тигры. С лаем он становится на задние лапы, чтобы дотянуться до них. И все время оглядывается на нас – чего вы, мол, спокойно сидите, когда у нас в квартире тигры. Если на экране телевизора лают собаки, он тоже начинает лаять. Они убегают. Он тоже бежит за ними за экран, смотреть, куда они убежали. Потом приходит с вопросом: «Где же, трамтарарам, они?» Я долго объясняю где.

Н.Б.: Собаки в нашем доме были с тех пор, как мы переехали из коммуналки в отдельную квартиру.

Первую, Тошку, чистокровную дворнягу, моей свекрови подарил Сергей Образцов. Она (Тошка) десять лет сохраняла девствен-

ность (вернее, мы сохраняли ее девственность). На одиннадцатом году жизни она влюбилась, и на свет появились два щенка. Одного взял Аркадий Арканов и назвал почему-то Колбасан (то ли оттого, что тот любил колбасу, то ли оттого, что щенок был толстым и похожим на колбасу). Напомню, что первая профессия Арканова – врач. Мог бы разобраться с полом. Через некоторое время Колбасан родил и был переименован в Колбатошу.

Второго щенка мы решили оставить себе. Назвали Антон. Он очень полюбил нашу кошку Ваську (мы тоже промахнулись с полом) и всех ее детей, которые у нее рождались каждое лето ровно через два месяца (час в час) с того момента, как мы вывозили ее на дачу.

А Вася появилась у нас в семье так. Миша нашел на помойке маленький черный комочек, сунул его за пазуху. Котенок сразу замурлыкал. Не очень надеясь на теплый прием, Миша притащил его домой. Когда пришел Александр Анатольевич, радости он действительно не проявил – велел немедленно котенка кому-нибудь отдать. Мы обещали, что сделаем это утром. Как пишет Миша в книге «Собачья жизнь Михаила Ширвиндта»: «Папа поужинал, лег на диван и задремал. И тут же откуда ни возьмись пришел этот котенок и лег ему на лицо. Как он почувствовал, что именно и когда надо делать, загадка. Но он, уже помытый, пушистый и мягкий, пришел, лег и замурлыкал. Так кот остался в нашем доме. Назвали его Васей, то есть Василием, но очень скоро он превратился в Василису, которую, конечно, все так и продолжали звать Васей».

Возвращаюсь к Антону. Очевидно, он запомнил, что именно Вася помогла ему явиться на свет. Когда в 11 лет Тошка впервые собралась рожать, мы пригласили ветеринаршу, так как нам сказали, что сама Тошка родить не сможет. Ветеринарша приехала вечером – когда показалось, что роды начинаются. Александр Анатольевич тут же пригласил ее к столу, и за милой беседой и хорошей выпивкой мы досидели до ночи. Ветеринарша собралась уезжать. На мои попытки ее оставить, она заявила, что сама первый раз рожала в 40 лет и, как мы видим, жива, так что и с нашей

собакой ничего не случится – родит сама. Утром, когда роды все-таки начались, Александр Анатольевич забился в дальнюю комнату, а мы втроем – Миша, я и Вася – начали принимать роды. Миша перерезал пуповину, Вася стала вылизывать щенка, я насадила его мордочку на сосок мамы, и он задышал. Медленно, теряя сознание, я сползала на пол. Но тут краем глаза увидела, что лезет второй щенок. Пришлось забыть о потерянном сознании и все повторить снова.

Вася обожала Антона, наверное, считая его своим сыном, и полностью доверяла ему котят. Он брал в рот целиком голову очередного котенка и долго держал. Оба, видно, получали удовольствие. Когда он выпускал обслюнявленную голову котенка, Вася терпеливо ее вылизывала и ждала следующую слюнявую голову.

Однажды зимой Вася пропала. Очевидно, она прыгнула за птицей на парапет балкона и не удержалась. Я бегала по всем дворам, расклеивала объявления. Была надежда, что она упала на снег и не разбилась.

Наступила весна. Мы рано утром возвращаемся откуда-то домой, двор абсолютно пустой, и вдруг я вижу, что в самом дальнем углу сидит черная кошка, за которой – окно в подвальное помещение. Я начинаю ее звать – она не реагирует. Я делаю два шага к ней, она один шаг к окну. Скинув туфли, кошачьей походкой продвигаюсь к ней, она – от меня. Но в какой-то момент все-таки хватаю ее.

Александр Анатольевич стал меня уверять, что это не Вася, а чужой грязный вонючий кот. Действительно вместо элегантной и грациозной Васи с блестящей гладкой черной шерстью и зелеными узкими глазами на нас смотрело совершенно чужим взглядом нечто пушистое и клокастое. Но прежде чем отпустить то, что поймали, мы решили показать это Антону – узнает ли он свою любимую Васю.

Когда мы вошли в квартиру и выпустили кошку, они с Антоном бросились друг другу в объятия. Антон тут же начал ее вылизывать, а она с громким мурлыканьем тереться о него головой. Как она была счастлива! После завтрака и мытья она спала несколько суток подряд, выходя только поесть.

Антон прославился тем, что на вопрос, кто я ему, очень четко и громко отвечал: «Мама». Когда я брала его в свою мастерскую, работа по созданию шедевров архитектуры приостанавливалась, и все без конца просили его сказать, кто я есть.

Мы возили его с собой в летние лагеря от Дома ученых, где он дружил с Тяпой Окуджавой.

После ухода из жизни Антона я не могла прийти в себя. Когда я подъезжала к дому, у меня начинали литься (именно литься, а не капать) слезы. Я представляла, что сейчас войду в дом и меня никто не встретит счастливым лаем. И тут звонит подруга и говорит, что нашла на улице щенка, очень похожего на Антона. Я привезла его домой, договорившись с подругой, что, если щенок нам не подойдет, отвезу его обратно. Александр Анатольевич, вернувшись вечером из театра, был, мягко говоря, не очень рад, укорял меня, что я изменила памяти Антона: прошло так мало времени, а я уже готова взять другую собаку. «Немедленно отвези ее обратно!» – требовал он. Я пообещала, что отвезу утром (как это уже было с Васей). Ночь прошла спокойно, щенок спал около нашей кровати, а утром, когда мы проснулись, встал на задние лапы и положил голову на грудь Александру Анатольевичу. Точно так же, как это делал Антон. Его судьба была решена.

Щенка называли Степаном. Его тоже брали с собой в отпуск. Так, помню, отправились с Державиными на рыбалку под Астрахань на двух машинах. Поскольку у нас на заднем сиденье спал внук, Степан ехал в идущей перед нами машине Державиных, и мы никак не могли различить, где Роксана, жена Державина, а где Степан – оба черные и кудлатые.

А потом был кокер-спаниель Ролик. Летом на даче они жили с Мишиным лабрадором Чессом. Относились друг к другу с большой нежностью, спали на одной подстилке, каждый положив голову, лапу и хвост на друга. А когда наступала жара, они потихоньку от нас ходили купаться на речку, причем не рядом с калиткой, а довольно далеко, на пляж, где было много дачников. И нам рассказывали, что они вместе заходили в воду, а потом Чесс вылезал на берег и ждал, когда купается водоплавающий Ролик, чтобы

вместе возвращаться домой. Они понимали, что им за это купание попадет, поэтому шли тихо, на полусогнутых, и залезали под крыльцо – немного обсохнуть, в надежде, что от нашего внимания ускользнет их мокрый виноватый вид.

Ролик знал только одну команду: «Сидеть!» И как-то Миша крикнул: «Сидеть!», когда тот плыл, и Ролик тут же послушно сел на дно реки, уйдя с головой под воду.

Когда Ролик стал совсем старый и немощный, мы взяли щенка вест хайленд уайт терьера Микки. Я хотела, чтобы Ролик рассказал ему о нас, о семейных традициях, что можно, что нельзя.

Микки оказался очень заботливым другом. Когда Ролик, ничего не видя и не слыша, на разъезжающихся лапах шел по комнате и наступал на спящего Чесса, тот с рычанием вскакивал и пугал Ролика. Микки, увидев это, начал следить за передвижением Ролика и, если он направлялся в сторону Чесса, бросался между ними, предупреждая стычку.

Как-то Ролику было плохо, и я положила его в траву под яблоней. Микки очень взволновался, почему он там лежит и не играет с ним. Бегал, заглядывал мне в глаза, подбегал к нему, тормозил его. И когда я подняла Ролика, чтобы отнести в дом, под ним на траве лежали все Миккины игрушки. Ему было-то всего 7–8 месяцев, но он понимал, что другу плохо, и хотел сделать ему приятное.

Как-то звоню нашей невестке Тане, говорю: «Мы, наверное, завтра поедим на дачу. Скажи Чессу, что мы за ним заедем». На что Таня отвечает: «Нет, Наталия Николаевна, я не буду ему говорить, а то вдруг у вас не получится, а он уже настроится».

Не прав академик Павлов в отношении условных рефлексов. Есть у собак и интеллект, и душа, и сердце, способное любить даже сильнее и искреннее, чем человеческое.

Александр Анатольевич научил Микки на слова: «А поцеловать!» – вставать на задние лапы и лизать лицо. Правда, он теперь лижет всех, кто его попросит. Если Микки лежит у меня на коленях, а Александр Анатольевич садится рядом, он нехотя встает, переходит к нему на колени, целует и возвращается ко мне.

Он знает, что Александр Анатольевич все равно попросит его поцеловать – так уж чего ждать-то, все равно придется вставать.

Когда Микки видит у меня в руках палочки для чистки ушей, тут же бежит на свою подстилку, ложится, плотно закрывает глаза, показывая, что крепко спит. Я зову его, и он очень-очень медленно начинает движение ко мне (ходьбой это не назовешь, он перебирает лапами на месте, продвигаясь на несколько сантиметров) и садится в надежде, что, может, обойдется. Я говорю: «Иди быстрее!». Он встает, перебирает лапами и опять садится. В итоге минут 10 уходит на преодоление трех метров.

Микки трусоватый. Когда мы возвращаемся домой, он не кидается к нам с радостным лаем. Мы нарочно молча раздеваемся, а он, забившись под диван, смотрит, кто пришел – не жулики ли. И только после того как мы его позовем, он понимает, что это свои, выскакивает счастливый, начинает нас целовать, делая вид, что узнал нас сразу, но просто не хотел мешать нам раздеться.

Собаки в доме должны быть. Когда я жила с родителями, у нас в семье всегда были собаки. В основном эрдельтерьеры. А на даче при стороже жили самые обыкновенные дворняги. Они вели свободный образ жизни, уходили куда-то, но всегда приходили поесть и поспать. Однажды наша прибежала взволнованная: лаяла, оглядывалась на калитку и явно звала туда мою маму. Мама пошла за ней и увидела у калитки большую незнакомую собаку, из пасти которой торчала застрявшая кость. Калитка была открыта, но пес не посмел без приглашения войти в чужой сад. Мама позвала его, и они втроем пришли на террасу. С большим трудом, вставив в пасть деревянный брусок, чтобы ей не откусили руку, мама вынула кость. Собака тут же убежала, благодарно виляя хвостом. Было ясно, что наша позвала ее, пообещав, что у нас ей помогут.

Без собак дом пустой – никто не лает, никто так искренне не рад тебе и ни у кого нет таких преданных любящих глаз.

• • •

А.Ш.: Наступает время, когда сны становятся значительно содержательнее, глубже и тоньше, чем яви. Кто редактирует сны,

кто их монтирует – никому не известно. Я на даче нашел любопытную книгу – сонник позапрошлого века, где все очень интересно расписано. Целая наука – какие сны к чему. Оказывается, если снится кровь, то вовсе не значит, что поранишься, и ждать нужно чего-то противоположного, без всякой логики. Поэтому, когда я вижу сны жизненные, пытаюсь проснуться. Не получается – вновь команду себе – просыпайся, пора! Но никак. И тогда думаю – ах, я не просыпаюсь, значит, все это на самом деле?! И если такое наложение снов из-за возраста, характера, плохого настроения, усталости, набора событий доходит до пика реальности, начинаешь задумываться: а не пора ли менять образ жизни?

Н.Б.: Я человек не суеверный и, в отличие от своего мужа, не считаю глотки, когда пью, не складываю цифры на номерах машин. Более того, давно полюбила число 13.

Когда Мише было 10 лет, мы поссорились с Шурой. А так как я не умею идти на компромисс, взяла Мишу и ушла из дома. Навсегда.

В это время по моему проекту строился дом отдыха в Гаграх, и я уехала с Мишей туда на авторский надзор, предупредив коллег в мастерской, чтобы они не говорили мужу, где я и когда вернусь. Но он все-таки узнал, когда я возвращаюсь.

Я приезжала 13 апреля. На вокзале перед отъездом обнаружила, что вагон и место у меня – тоже 13. Тут я дрогнула. Настроение было жуткое: ехала в Москву, не зная, где жить, как жить. Поезд приходил в 6 утра. Шура, не сумев узнать, каким поездом мы едем, решил встречать все поезда с южных направлений. Этот был первый.

Мы вышли из вагона. Холодно, сыро, перрон пустой – никто не приезжает с юга в апреле. В конце перрона маячит какая-то одинокая мужская фигура. Вдруг Миша срывается с места, бежит и повисает на шее незнакомца. Им оказывается Шура. Мы поехали домой, как будто ничего и не произошло.

Спустя годы 13 числа родилась внучка. А мой день рождения – 26-го, то есть два раза по 13.

Н.Б.: Мы с Александром Анатольевичем вместе уже больше полувека, отметили несколько свадеб.

В январе 1998-го в ресторанчике около дачи мы отмечали рубиновую свадьбу. Приехало очень много друзей: Державины, Рязановы, Захаровы, Кваша, Татьяна Александровна Правдина (уже без Зямы Гердта – за год до того его не стало), Белла Ахмадулина с Борей Мессерером, Маргарита Эскина, Жванецкие...

На сорок пятую годовщину нашей свадьбы Александр Анатольевич подарил мне кольцо, символизирующее переплетение наших судеб. Сам нарисовал эскиз для ювелира. Я была очень тронута.

Наша золотая свадьба в 2008 году совпала с Годом семьи в России. В Кремле по этому поводу был прием, куда пригласили всю нашу большую семью. А через пару недель московский Английский клуб устроил нам замечательный праздник.

Как писал потом журнал Английского клуба: «Обведя внимательным взглядом пришедших поздравить его членов клуба, Александр Анатольевич заметил: «Более эпизодической роли я не играл».

«Лорды» отнеслись к событию серьезно – никаких приглашенных поп-звезд, всю художественно-поздравительную часть придумали и исполнили сами. Максим Дунаевский спел песню на музыку своего папы, переделав слова: «Спасибо, Тата, что ты умеешь так любить». Клубные дамы пропели «Страдания завистниц». Танцы были поставлены нашей подругой, тренером по фигурному катанию, воспитавшей немало чемпионов мира и Олимпиад, Еленой Чайковской. А в хор мужчин вошли Владимир Шумейко, Владимир Рушайло, Гарри Бардин, председатель правления московского Английского клуба Олег Матвеев и другие замечательные «лорды».

Произносилось много тостов. Михаил Державин заметил, что у него тоже скоро золотая свадьба, но в «троеборье». Эльдар Рязанов сказал: «Вы оба – настоящие умницы и таланты. Но созданное Татой будет жить века, им будут любоваться и пользоваться люди. А созданное тобой, Шура, обречено на недолгое существо-

вание. Такова специфика искусства». Нас очень тронула речь Наины Ельциной: «Когда я слушала обращенные к вам слова, у меня наворачивались слезы. Трудно, наверное, передать, сколько же вам в жизни пришлось плыть против течения. Но это очень здорово – отмечать золотой юбилей. Таких пар немного. Ваши высокие отношения говорят о любви, и нет ничего выше любви. В этот знаменательный день я дарю вам памятную медаль с изображением первого президента России, и пусть она станет вашей семейной реликвией и передается всем вашим потомкам».

По древней свадебной традиции я бросила через плечо букет, дав надежду кому-то тоже дожить до золотой свадьбы. В полете букет распался на множество мелких букетиков, что означало: почти все соclubники справят золотые свадьбы.

А.Ш.: Наверное, хорошо, если жены растворяются в своих мужьях. Но, я думаю, в конце концов от этого можно сойти с ума – когда в тебе постоянно кто-то растворяется.

Н.Б.: Одна журналистка спросила меня, как стать женой такого блистательного человека, как Александр Ширвиндт. Очень просто, ответила я. Во-первых, надо родиться в одном роддоме. Во-вторых, надо, чтобы родители были из одной среды. В-третьих, надо в детстве читать одинаковые книжки или, как говорят, быть из одной детской. В-четвертых, в 14–15 лет оказаться в одной компании и иметь общих друзей. В-пятых, довольно долго просто дружить, но уже испытывая потребность видеться каждый день. В-шестых, дружба, если повезет, должна перейти в любовь. А в-седьмых, никаких рецептов нет. Но если все-таки появится замечательный муж, его ведь надо удержать. И тут неплохо воспользоваться советом моего любимого писателя Сергея Довлатова: жена должна искренне верить в гениальность мужа, кормить его и не мешать.

А.Ш.: Знаменитые друзья Качалова все время говорили ему: «Вася, ты великий артист, красавец, с бархатным тембром, женщины штабелями лежат у твоих ног, и – такой подкаблучник, тебя со-

В. И. КАЧАЛОВ

Народный артист Союза ССР

Брюсовский пер. 17, кв. 10

Тел. 63-77

Очень рад Вам
получить ваш
письмечко, доброго
Дня и Сам. Лобин

Привет Вам сердечный
В. Качалов

вершенно загнобила твоя Нина». На что Качалов отвечал: «Как вы не понимаете, я для нее еле-еле говно, а она – жена Качалова».

Н.Б.: Когда мою бабушку, столбовую дворянку, арестовали, в доме в Кисловодске, где они жили с дедушкой, проводился обыск. Там все перевернули, и среди ненужных полиции бумаг, выброшенных на улицу, оказалась их любовная переписка. И весь город ее потом с упоением читал.

А.Ш.: Как в любой солидной мемуаристике, в книге должно быть приложение. Без приложения неприлично.

Пока к нам не пришли с обыском, мы сами перечитали свою молодежную переписку, чудом сохранившуюся на антресолях среди ностальгической вещевой свалки, и решили для солидности формата книги приложить документы.

Когда все это писалось, никто и не догадывался, что через каких-нибудь 60 лет люди разучатся писать от руки и будут общаться исключительно с помощью SMS, электронной почты по всяким айпадам и айфонам, через которые молодежный инфантилизм передать невозможно. Не говоря уже об искренности. В общем, так выглядели восемнадцатилетние интеллигентные подростки в середине прошлого века.

Возможки с крассы

(Эпистолярное)

ВАНХ

Куда Москва
2 Обыденский пер.
д. 10 кв. 12
Белозубов
Станция

МА

Куда 2. Москва
2-ой Обыденский пер.
д. 10 кв. 12
Белозубов
Кому Набавин
Адрес отправителя
г. Ленинград
ул. ...

Авни

Куда Московская обл.
Красногорский р-н.
с/п. Новоеруцелинская
д/п. пос. Нил д/п
Кому Семёнов
С/п. Набавин
Адрес отправителя г. Буйск
ул. ...

Письма в Ленинград, 1953 год

22 марта, 1 час дня

Татк!

Первый день без тебя. Вечером и утром было очень плохо.

Встал утром и побежал в училище подбирать себе костюм для отрывка. Зашел к Журавлевым* – они меня пожалели, как сироту, и оставили заниматься с Машкой алгеброй. Сейчас пишу тебе письмо, а Машка решает очень трудный пример с логарифмами. Боюсь даже подумать, что делать, если у нее он не выйдет. Ни бельмеса не смыслю, почти ничего не помню.

До встречи завтра в письме.

Твой А.Ш.

• • •

Без даты

Татк!

Сижу на марксизме и думаю о моей Татке. Хоть я и «не имею на тебя никаких прав», а все-таки ты – моя и принадлежишь мне. Пока. Надеюсь, что и сейчас тоже.

В Сокол вчера не ездил, а репетировал вечером с Авербахом** у Дмитрия Николаевича (Журавлева). Раздолбал в пух и прах, но дал много путных и ценных указаний. Пришел домой рано – в одиннадцать часов, и сидел дома – мама жалела меня и была ласкова. Бегал, как дурак, к каждому звонку, забывая, что это не можешь звонить ты. Бегал и разочаровывался, когда брал трубку. Сразу

* Дмитрий Журавлев – актер, педагог.

** Александр Авербах – художник, однокурсник.

появилось много времени, но делать тоже ничего не могу, скучно. От тебя еще нет письма.

Сегодня идем на субботник на станцию «Арбатская», ворочать камни.

К нам в училище приходила тетка из «Мосфильма» и набирала ребят сниматься в картине «Иван Грозный», в Одессе. Ехать надо на два месяца – июль-август. Обязательно отращивать собственную бороду – играть опричников. Оклад – 2000 рублей в месяц, не считая суточных. Не знаю, соглашаться или нет. Напиши.

Снился ужасный сон. Проснулся в холодном поту и не мог заснуть до утра. Закрывал глаза и, открывая, надеялся увидеть тебя рядом с собой. Увы! Ничего не вышло.

Веду себя прекрасно. На женщин смотреть не могу – противны. Кнушевицкая* тоже строчит письмо – наверное, Мишке**.

Мне органически не хватает тебя. Мне недостает сейчас в жизни чего-то главного, ради чего я хочу быстрее уйти из училища, ради чего я репетирую продуктивнее. Да, я знаю, главное – работа, главное – искусство. Но это главное – в конце концов, обязанность, пусть приятная и нужная. Но основное – это ты. Живу я тобой. Я такой, какой я есть, только с тобой и существую.

Звонок! Целую, целую в щечку и глазу голову.

Твой А.Ш.

• • •

25 марта 1953

12 часов ночи! Ура! Ура! Письмо! Пришел дико усталый и злой с репетиции. Накричал на бабу, а она мне сказала, что за это не даст мне чего-то сюрпризного. Я догадался, поцеловал ее и получил письмо!

«Первое письмо, первое письмо и т.д.» Пиши больше. Пиши, что ты ела в «Норде», что покупает мама. Все пиши. Как долго идут письма из Ленинграда – четыре дня! Можно с ума сойти.

* Мария Кнушевицкая – однокурсница, позже актриса Театра имени Моссовета.

** Михаил Рапопорт позже стал мужем Марии Кнушевицкой и режиссером Театра оперетты.

ла – площадь. По ней ходят троллейбусы, как унас, и трамваи – больше похожие на гусениц: маленькие и старенькие. У вокзала такси и извозчики. Извозчики ужасно смешные. Влезли в электричку, которая идет по побережью. Электричка ходит очень быстро. Дорога – как наша Казанская – один поселок переходит в другой: Булдури, Дзинтари...

В два часа папа долго пытался достать двухспальную комнату, но не дали и велели прийти в регистратуру в 7 часов. Сдали вещи в камеру хранения и поехали опять в Ригу.

Ну, Тутик, если Ленинград хотя бы такой же, как Рига, то ты преступница, что так скудно писала о нем.

Рига – это город такой, каким я себе представляю европейский город. Интересно и странно еще и то, что город иностранный. Вывески иностранные, говорят на чужом языке.

Ну вот! Приехали в Ригу и пошли по городу. Зашли в главный универмаг – прелесть! Витрины, представляешь, все из стекла. Они расположены по всему магазину. Вещи есть красивые. Всюду спрашиваю купальник и пасьянсные карты. Смеются, но показывают. Купальники – дерюга, карты – большие. Но не падай духом. Я напал на след настоящего купальника.

Купил себе спортивные брюки с красным поясом. Хожу и блаженствую.

Публика в городе – латыши или эстонцы, не пойму, – в большинстве своем плохо относится к русским. Но есть индивидуалы. Один белобрысый, очень симпатичный, долго объяснял нам с папой, как пройти в хорошее кафе, а потом не ограничился

Восток с трамвай

объяснением и пошел провожать. А в основном местные смотрят злыми глазами и на вопросы не отвечают – делают вид, что не понимают, или посылают в противоположную сторону. Да, очень интересно. Едет грузовик с гробом, за ним идут, видно, родственники, дальше военный оркестр играет похоронные марши. Эта церемония движется по центральной улице Риги. Движение перекрывают. И горожане снимают шляпы.

ВИДЕЛ МОРЕ! Первый раз в жизни!

Тутик! Ты холодный, неэмоциональный человек. Море – это..... Вот! Купался! Чтобы мне было по пояс, надо идти метров 70–100. Папа блаженствует. Песок – прелесть.

Приехав из Риги, получили комнату: на трех человек, с одним пианистом, знакомым, на втором этаже, с видом на лес и обратно.

Дзинтари – это сосновый бор на песке. Высокие сосны, песок и море. Мне очень нравится. Пока не видел публики, но, говорят, что молодежи мало. Режутся в пинг-понг толстячки. Раздолбал в бильярд дядю, килограмм эдак под 200, и принял душ. Ты представляешь: другого берега не видно, вдали – дымки пароходов и на полметра от берега – папа в голубеньких трусиках плавает. Кругом – дома отдыха, кафе, рестораны, мороженое. Культурно, аппетитно, дорого.

Папа забыл соломенную шляпу в электричке, и ему ее выбросили в окно после того, как поезд тронулся.

Ходил по Риге, лежал на пляже – хорошо, но не хватает чего-то. Подумал и решил, что не хватает вредного, злого, упрямого Тутика!

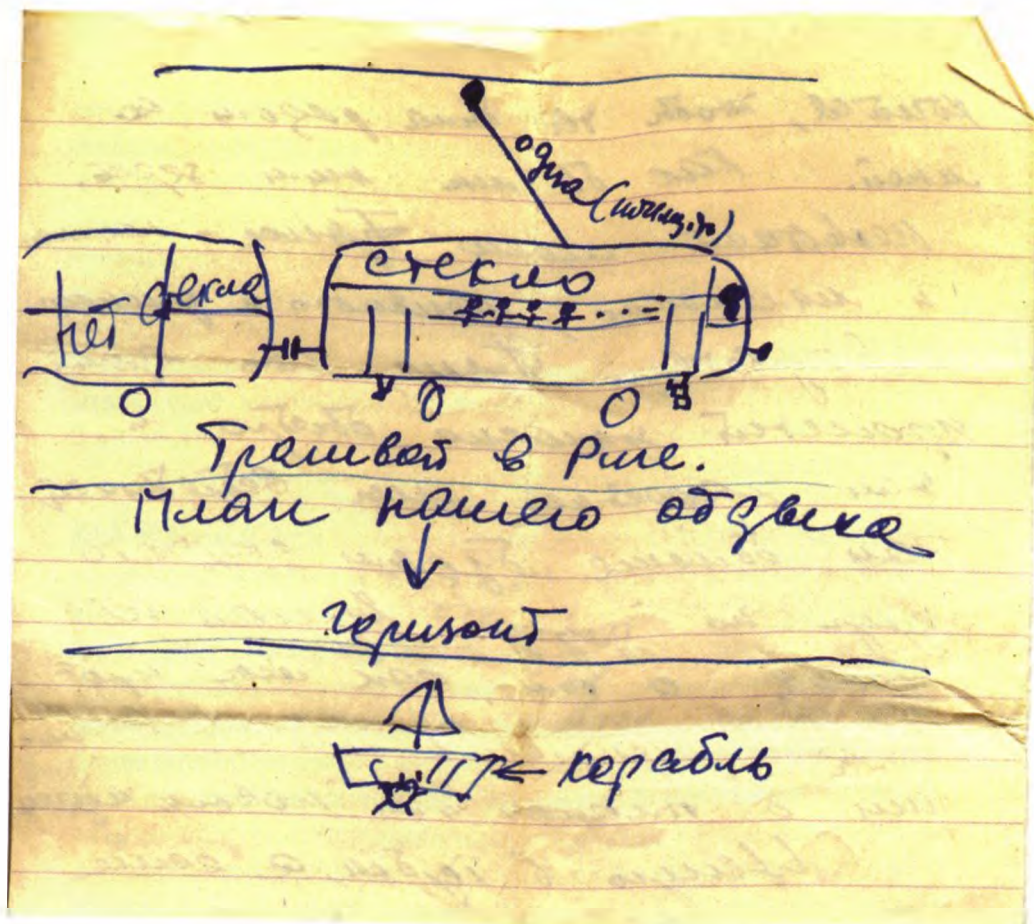
Письмо обрывается.

• • •

4 июля 1953

Тутик! Второй день моего рижского пребывания. Спал как убитый, но разбудили в половине девятого и потащили завтракать.

На завтрак дали манную кашку и макароны. Я очень наелся, несмотря на стоны отдыхающих. После завтрака – на море. Погода сегодня – на убой. На небе – ни облачка. Но у моря ветерок, плывут мимо – в буквальном и переносном смысле – ко-

ричевые фигуры. Лежал и загорал. Полежишь-полежишь – и в море. Поплаваешь-поплаваешь – и на песочек. Так я провалялся до обеда.

Обед в 2 часа. В меня влюбилась наша подавальщица и по сему случаю обслуживает нас раньше всех. На обед было: суп ужасный с ушками и картошкой. На второе дали тушеную капусту, которую я еле осилил. Влюбленная официантка пыталась всучить мне еще одну порцию капусты. Отдал ее папе. После обеда взял деньги и пошел в Майори (следующая станция после Дзинтари). Это вторая Рига – уйма магазинов. Заходил в каждый и спрашивал чего-нибудь. Ничего не давали. Зашел на почту, купил открыток и марок.

Ты, Тутик, заметила, что я пишу простыми, нераспространенными повествовательными предложениями? Это потому, что сейчас уже поздно, я очень устал и боюсь распространяться в предложении. Здесь устаешь очень.

После похода в Майори смотрел на пинг-понг – скучно. Принял душ – полегчало. Играл в волейбол чуть-чуть – с детьми. Нудно. Занимался дикцией с полчаса и пошел играть в бильярд. Проиграл пять партий и одну выиграл – расстроился. Записался в библиотеку и взял Бальзака. Буду паинькой-мальчиком, буду читать, купаться, загорать и писать письма моей киске.

8 числа приезжает много вахтанговцев – интересно, кто?

Целую.

Твой А.Ш.

• • •

5 июля 1953

Третий день моего пребывания в Риге. Встал, вернее, разбудили, в 8 ч 35 минут. Обмыл рожицу и поперся в столовую. Дали: салатик с чем-то, колбаску с рисом и чаек. Наелся и пошел к морю. На море волнение в 2 балла. На волнах гребни. Волны раза в 4–5 больше, чем от речного трамвайчика.

На пляже натянута сетка и играют в волейбол. Очень приятно. Песок – как мелкая соль, чистый, теплый. Можно падать, кувыряться и т.д. и т.п. Играл до обеда.

На обед дали – да ну к черту – не буду писать про еду. Скажу только, что после обеда пошли с папой на станцию и выпили по бутылочке пива. Странно, но тут продают не «Рижское», а «Жигулевское».

Сейчас мы с папой на телефоне в Майори. Получить разговор с Москвой очень просто и легко. Напиши мне, Тутик, точно день, когда ты в Москве, а я тебе напишу, когда точно я позвоню, ладно?

Ходили по Майори и заходили во все магазины. Очень интересно, что здесь уйма женского трикотажного белья, по-моему, в Москве за ним очереди. Тутик, обязательно, во что бы то ни стало, напиши мне размер своего тела. Сегодня в магазине были

купальники, трикотажные, довольно красивые, 42–52 размеры. Я растерялся и вышел. Вот!

Сняли для мамы комнату, она в субботу приезжает! Так что обязательно зайди до четверга к нам и передай письма и приветы.

Иду бриться, потому что у меня неприличный вид. Я с Москвы не брился – представляешь?!

Целую.

Твой А.Ш.

• • •

6 июля 1953

Тут! Утром была ужасная погода – ветер, холод. Пришлось надеть костюм и идти в столовую. Позавтракал и пошел в лес – заниматься дикцией. Сидел на веранде, играл в домино и увидел, что с чемоданами идут Глеб Ивашкевич, Ленька Калиновский и Гарри Дунц*. Наверное, будет веселее.

Вот сейчас пишу, а вижу, двое воров напали на одного из наших, но их удалось свистками прогнать. Вообще, ты знаешь, здесь бандитов больше, чем в Москве. Только что на вокзале в Дзинтари убили кассира с деньгами. Каждый вечер режут в лесу и раздевают влюбленные парочки.

Каждый раз иду в столовую и надеюсь на твое письмо. Тут в столовой прибит ящик с полочками. На каждой полочке письма на определенную букву. Мне ничего нет.

Сегодня 6-е. Уехали мы 2-го, а мне ничего нет. Сюда письма идут три дня. Вот мигает свет, значит, сейчас его выключат совсем.

Сегодня ходил по лесу и занимался – кругом парочки влюбленных – завидно и обидно. Почему они вместе, а мы отдельно? Несправедливо.

Идет проливной дождь. Сразу стало нудно и неинтересно. Все расплзлись по комнатам, и я расплзся. Говорят, что дождь может зарядить на месяц, а может пройти сразу.

Целую!

Твой А.Ш.

* Глеб Ивашкевич, Леонид Калиновский и Гарри Дунц – студенты-«щукинцы». За двух последних вышли замуж сестры Михаила Державина.

• • •
7 июля 1953

Тутик! По-прежнему скучно. Погода с утра была ужасная – лил дождь. Сейчас разгулялась немного, но солнца нет. В твоей ручке кончились чернила, и папа пошел покупать. Кочует страшно. Даже с одной дамой разговаривал на пляже. Ну, он у меня дождется! В субботу мама приезжает.

Вот в окошке идет Нехлопоченко с мужем*, наверное, только что приехали. Вообще сегодня должны приехать 30 вахтанговцев. И Львова** приедет – представляешь удовольствие! Сегодня вечером кино – «Песни на улицах». Проиграл сейчас в бильярд. Ужасно глупо. Имел 7 шаров, а у него 5, и три шара ему подставил подряд под самую лузу. Огорчился и не стал больше играть. Но в игру не везет – в любви везет. Надеюсь, что ты меня по-прежнему любишь, хотя я вчера (грешен) выкурил одну папироску после пива, и она у меня стала куриться с рогами. Это видимый признак, что мне изменяют. Не надо, Тутик! Я лучше!

Сейчас в клубе будет доклад директора о «режиме дня и влиянии его на физическое состояние» – пойду посмеюсь.

Написал письмо Журавлям в игриво-шутливом тоне. Пишу, что все прекрасно, а сам в душе «рыдаю». Вот. Мне почему-то очень запомнилось твое лицо на вокзале, когда уезжал поезд. Я так и не могу понять, что оно выражало: тоску, грусть, безразличие или разочарование, но выражение было таинственное и заманчивое. Не смейся! Ей-богу! Напиши, что ты чувствовала тогда, когда поезд трогался.

Целую.

Твой А.Ш.

• • •
8 июля 1953

Тутик! 11 часов утра, 8 июля. Лежу на кровати и бессмысленно смотрю в потолок. На нем паук. Погода холодная и сырая. Про-

* *Нина Нехлопоченко* – актриса Театра имени Евг. Вахтангова.

** *Вера Львова* – педагог Театрального училища имени Б. Шукина.

гноз на июль ужасный – ничего хорошего не предвидится, а без моря и пляжа тут делать абсолютно нечего.

Настолько скучная жизнь, что фактически не о чем писать, а писать хочется. Как жалко, что мы не можем с тобой переписываться быстрее. Я пишу, а ты тут же на мое письмо отвечаешь, в этот же день. А то пишешь, пишешь, а дни бегут вперед, и получается, что мы с тобой живем задним числом.

Вчера начал учиться играть в пинг-понг. Получается плохо. Если будет такая погода, то завтра поеду в Ригу. Пойду в Старую Ригу – там, говорят, очень красиво, схожу в музей западной живописи и архитектуры.

Я уже знаю несколько слов по-латышски. Улица по-латышски iela (иеля). Знал еще, как парикмахерская, но забыл. Буду запоминать дальше и писать тебе.

Здесь появился виолончелист Власов – наш знакомый – у него аппарат «Киев», все время снимает нас, так что будет много карточек. Все портит погода!
Целую.

Твой

Тутик! Золотой мой, милый, дорогой! Получил твое первое письмо. Как я обрадовался, как я люблю тебя! Милый мой, твое письмо очень меня взволновало. Я открыл у тебя новое, мне еще незнакомое качество: качество, которое ты всегда носишь в себе, внутри, – ласку. Ты ведь очень ласковая, когда хочешь, и в письме это проявилось в полную силу.

Боже мой! Разве ты называла меня когда-нибудь милым, любимым. Когда мы бывали вместе, – нет. Ты стесняешься говорить мне это, и я не виню тебя, а люблю еще больше. Сегодня 8-е. Шесть дней мы не виделись. Осталось 24. Или даже меньше. Терпи и люби меня.

Возможки с тиражи

Письмо Наталии Николаевны

4 июля 1953

Кис мой!

Сегодня опустила на станции первое письмо, завтра отнесу это. Вчера вечером была у Журавлевых. Сначала были Ян* и Митька**, но потом они на что-то обиделись и ушли, а мы остались с Абрамовой***. Немножко потанцевали, поиграли в «чепуху», а потом Людка Живых**** рассказывала про училище (очень смешно). В двенадцатом часу мы с Наталишкой Абрамовой пошли домой. Темень и слякоть была жуткая, и сзади нас кто-то шел и свистел. Мы попрощались, я спустилась в овраг, и тут... Но тут, к удивлению, ничего не случилось, и я благополучно добралась домой.

Дома мне постелили твои простыни. Ночью мне приснилось, что ты приехал сюда на немножко, что будто поезд от Риги до нас идет несколько часов. Но все это сон, и ты далеко!

Сейчас собирала клубнику, и мама предложила назвать ее клубникой Шуриного отъезда, так как все время сижу дома и от нечего делать даже собираю клубнику. Хожу в твоих часах и, когда слушаю их тиканье, мне кажется, что это тикает не механизм часов, а твое сердце. Ты не смейся, я теперь во всем вижу и слышу тебя.

Пиши подробно о своем дне, о том, как и чем кормят, кто там есть, какая погода.

5 июля

Вчера вечером были у Рихтеров, играли в какую-то игру. Митька очень похож на Державина (не внешне, конечно).

Целую крепко-крепко.

Я

* Ян Шпиллер – дирижер, двоюродный брат Марии Кнушевицкой.

** Дмитрий Дорлиак – племянник жены Святослава Рихтера.

*** Наталия Абрамова – дочь режиссера МХАТа Николая Горчакова, художественного руководителя Театра сатиры.

**** Людмила Живых – однокурсница по Щукинскому училищу.

Без даты

Тутик! Приехала мама.

Утром рано встали и после завтрака поехали в Ригу. До поезда было еще два часа, и мы с папой смотрели Старую Ригу. Какая прелесть! Ты представляешь себе – идешь по прекрасному европейскому городу, с роскошными домами, широкими улицами, вдруг оказываешься в XVII веке. Узенькие извилистые улочки, газовые фонари, типичные немецкие домики, прекрасные готические храмы. Некоторые улочки до того узки, что мы с папой не могли пройти рядом. Можно из одного дома здороваться с человеком из противоположного. Многие дома – памятник старины и охраняются государством. Идешь, как будто по музею – с людьми, машинами. В общем, я не могу писать тебе, я лучше потом расскажу, а то ничего не получается хорошего, а на самом деле все очень красиво. Могу тебе нарисовать что-нибудь, но ты издеваешься над рисунками, и я не буду.

Походили с папой по Старой Риге и пошли на главную улицу, где купили маме цветы (лилии и розы). Все время шел дождь. Пришли на вокзал – встретили маму и поехали в Дзинтари.

В столовой было твое письмо, где ты идиотски обещала мне писать до востребования. Куда? В Ригу? В Дзинтари почтамта нет, есть почта только в Майори. И если ты будешь заниматься глупостями, то я, приехав, набью тебе одно мягкое место (зад). Страшно разозлился на тебя за это и побежал под дождем в Майори (как я тебя люблю!) давать телеграмму.

Мама сказала, что в Москве 31 градус жары, а здесь холодно и сыро. Очень глупо – знал бы, не поехал. После ужина были танцы в клубе. Станцевал один (ты знаешь мою любовь к бальным танцам). Сейчас сижу и думаю о том же предмете, что и все время. До ужаса однообразные думы. Какой я однообразный – не могу выкинуть из головы такой предмет, как ты.

Много девочек из неизвестных стреляют глазами и передают через третьих лиц и папу, что они ко мне неравнодушны. Папа мне

все время напоминает о тебе и подкладывает твои письма под тарелки (письма приходят в столовую).

Хожу Чайльд Гарольдом, на женщин не обращаю внимания и этим привлекаю внимание. Твой!!!

А.Ш.

• • •

12 июля 1953

Тутик, родной мой! За обедом получил два письма и открытку.

Сиди дома и не ходи никуда. Не дай бог тебе пойти еще раз в парк. Я клянусь своей жизнью, что ты не пойдешь никуда вечером одна или с девчонкой (ну, а с мальчишкой ты, надеюсь, сама не пойдешь).

Приехала мама, и началось пичканье кефиром, творожком, сметанкой и так далее.

После обеда смотрел, как играют в пинг-понг. Довольно интересно, когда хорошо играют, но я этой игры потянуть никак не могу.

После ужина родичи пошли в филармонию на эстрадный концерт, а я остался смотреть «Королевских пиратов». Перед картиной зашел в комнату и услышал, что передают Райкина. Посидел, послушал, вспомнил, как мы с тобой были на Райкине. Повздыхал и пошел в кино.

Да, ты знаешь, что Райкин теперь навсегда в Москве (или в Моссовете, или в Театре Станиславского и Немировича-Данченко, а эти театры, вернее, один из них, будет в новом помещении напротив Театра Пушкина)? Знаешь? Там недостроенное здание.

Посмотрел кино – страшная духота и жара, пленка рвалась в самых интересных местах (поцелуи, убийства).

Ну, идут родичи, целую.

Твой, твой А.Ш.

• • •
13 июля 1953

Тут! Нет от тебя письма сегодня! Волнуюсь!

Сегодня прекрасная погода, целый день сидел на пляже.

Мама на пляже сидела от меня довольно далеко, и вдруг слышу: «Шурик, Шурик, иди сюда!» Бегу, чтобы не привлекать внимания взморья. Прибегаю – мама дает мне молочка с пирожком. Я убегаю, так она кричит на весь пляж: «Шуронька, деточка, выпей молочка». Народ ржет, Шуронька убегает. Так и живем.

Сегодня на пляже была изумительная пара – муж и жена – вот как я хотел бы жить с тобой. Она его называет «муженька» – мне очень понравилось.

Весь дом отдыха уже знает, что Саша (это я) с 12:00 до 12:30 пишет каждый день письма невесте (тебе). Это мама сказала, что у меня в Москве невеста, и все здешние кумушки удивляются моей верности и любви (честное слово!). В меня влюблены довольно много девок (имена знаю не у всех), и поэтому мое равнодушие всех поражает. Ты верь мне, потому что это так (клянусь тебе).

Целую! Жду писем!

Твой А.Ш.

Еще целую.

• • •

16 июля 1953

Начало письма не сохранилось.

В Риге был на кладбище Райниса и видел его могилу – красиво. Много могил русских офицеров. Ходил по кладбищу – все чистенько и опрятно. Могилы все в цветах. Ну, ты знаешь, какое настроение на кладбище – читаешь эпитафии и грустишь. Лезут в голову разные глупости. Когда ты будешь меня хоронить, Тутик, то, пожалуйста, сделай в плите мою фотографию, чтобы можно было на меня смотреть, когда ты будешь приходить ко мне на могилу. Я пишу глупости, но такое уж настроение.

Всеголки с тирады

У нас многие из дома отдыха бегут с полсмены, загоняя путевку на вторую половину. Если бы не родичи, я бы удрал к тебе, Тутик.

Сегодня мама уже заказала мне билет в Ленинград на 28 июля. В Ленинграде буду дня 4 и потом домой. Надоело холодное Балтийское море, надоел Дзинтари, надоело все.

Сколько штук пуговиц тебе надо на костюм? Не знаю, сколько покупать.

Ты не понимаешь шуток – неужели ты действительно подумала, что папа изменяет маме – ха-ха! Да, мама теперь купила путевку и живет в доме отдыха на моей кровати, а меня бросили на первый этаж, и я сегодня уже ночую не тут, так что мои ночные сочинения писем придется перенести на другой час, что очень жалко.

Целую, люблю (все крепко).

Твой, недостойный тебя, А.Ш.

• • •

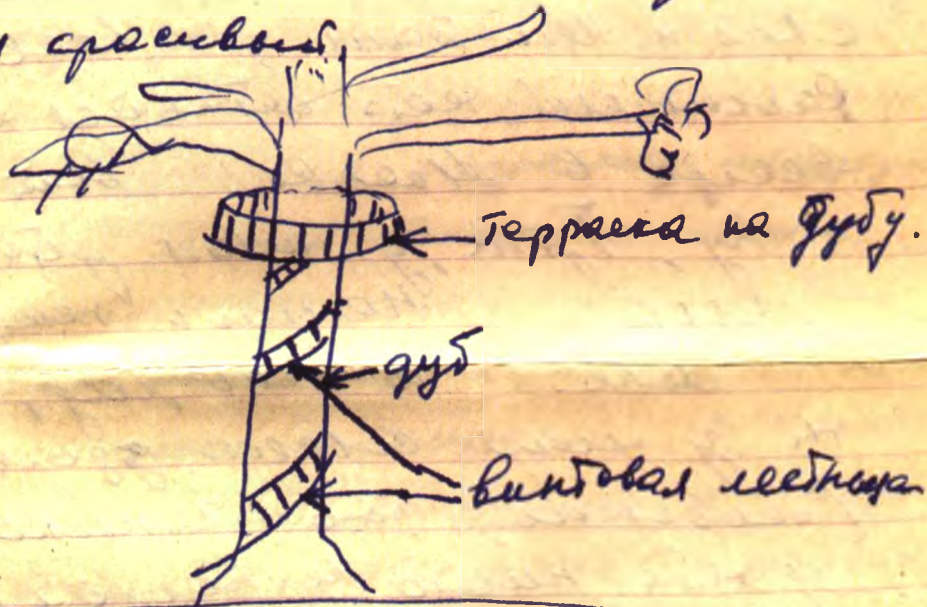
22 июля 1953

Ну вот, Тутик! Не писал тебе, потому что было много причин. Ну, начну по порядку.

19 июля 1953 года А.Ш. исполнилось 19 лет. День был, как всегда, дождливый и холодный. Рано утром пришел к родителям и получил поздравления и подарки (шелковую рубашку, запонки, бритвенный прибор и несколько джемперов). У меня было плохое настроение и насморк. Очень ждал обеда и телеграмм. К обеду пришла телеграмма от родственников, к ужину от Журавлей и НИЛа – твоей лично телеграммы не было. Я очень расстроился, потом решил, что НИЛ – это ты, но расстроился все равно. После обеда пошел на почту и написал письмо Журавлям, где плакался на свое одиночество и на то, что ты меня забыла.

Пришел домой – родители хотели меня развлечь и устроить какое-нибудь подобие рождения, но я наотрез отказался. Мама обиделась, и пришлось пойти в кафе выпить за мое здоровье. Мама, папа, я и еще один дядя – вот мое рождение. Был все время убийственно грустный, обиженный и злой на всех.

и молодые". Дуб е лесенски,
вс дубе воброносе и там
чернают на коре свои чини.
А на велики мугеи вугре-
ни и се е добри. Дуб болоши
и сраевои.

Устойлик растеи и молодые ланет
сероводородом и все стариве
матит пои водит мнине
и старушке моят миза.

Все хатет помоморет! А таче
мнине, но настарет на 1 год.

Но теперь самые страхи начинаются. 21-го, то есть вчера, был хороший день, и я был на пляже. Вдруг бежит из дома отдыха один парень и говорит, что меня ждут из милиции. Я испугался и побежал домой. Прихожу, милиционер забирает меня и под взгляды всего дома отдыха уводит. По дороге упорно молчит и ничего не объясняет. Приводит меня в милицию в Майори и сдает начальнику отделения. Тот спрашивает мой домашний адрес, где учусь, где сейчас живу и так далее. Потом достает из стола телеграмму и отдает мне. Читаю и ничего не понимаю. Он говорит, что я пока свободен. Прибежал в дом отдыха и с трудом ее расшифровал. Вот! Тутик! Они, конечно, расшифровали ее тоже, иначе они мне ее не отдали бы, но текст очень подозрительный в телеграмме. Это вообще и остроумно, и неостроумно одновременно. Остроумно по замыслу и неостроумно по тексту и по возможным последствиям. Почему-то он сказал, что я свободен «пока»! Ну ладно, в общем, я получил телеграмму от «умницы Тони», которая вдруг сглупила и чуть не подвергла своего единственного неприятностям, если не хуже*. Вся эта эпопея помешала мне написать тебе вчера.

Был на экскурсии в Кемери (это курорт, надо ехать от Дзинтари на электричке 40 минут). Там есть грязевые ванны, серные источники, а также «дуб любви» и «источник красоты и молодости». Дуб с лебенкой, все туда взбираются и там царапают на коре свои имена. Я на всякий случай выцарапал нас с тобой. Дуб большой и красивый.

Источник красоты и молодости пахнет сероводородом, и все старики мажут этой водой лысины, а старушки моют лица. Все хотят помолодеть! Я тоже мылся, но постарел на 1 год.

Сегодня 22-е, и письма от тебя нет – ты пиши, Тутик, ради бога!

Про Райкина ты не поняла! Не один Райкин остается в Театре Станиславского и Немировича-Данченко, а весь райкинский театр остается навсегда в Москве. Вот!

Ну, Тутик, у меня устала ручка.

Целую крепко!

Твой А.Ш.

* Текст телеграммы был такой: «Продается Откормленный Злой Дог, Рычит Адски Важно, Лает Явно Южно. Радио Отдай Жене, Денег, Если Нет, Используй Ее Молодость. Твоя Умница Тоня». По первым буквам можно было прочитать: «Поздравляю рождением, Тут».

28–29 июля 1953

Тутик! Опять еду! Теперь один! Совсем один – без тебя, без папы, без мамы – первый раз в жизни! Очень странное чувство ответственности за самого себя. Сам еду, сам за все плачу, сам беру свой чемодан!

Совсем перед отъездом получил твое письмо, полное страдания. Дорогой мой! Любимый! Мне очень тебя жалко, но потерпи немного, ведь остались сущие пустяки, и все мытарства кончатся. Ты сдашь экзамен, мы пойдем в поход. Я буду с тобой, и жизнь будет прекрасна.

Трясусь на верхней полке в уютном купе, но очень грустно. Сейчас 4 часа 32 минуты ночи. Провел последний день на пляже – все время сидел в море – прощался. Как назло, установилась блестящая погода, и целый день (первый раз за весь месяц) на небе не было ни облачка. Но уезжал с радостью – все (кроме моря) смертельно надоело.

Сейчас уже утро 29-го июля.

Через три часа будет Ленинград. Я представляю себе, как выхожу из вагона и ко мне по перрону бежишь ты с цветами и улыбкой, бежишь и любишь! Но ты не сейчас будешь встречать меня, хотя все равно это будет скоро!

Целую.

Твой А.Ш.

В том же конверте

Какой здоровенный главный почтамт! Ты мне не писала о нем. Приехал в Ленинград в 1 час 53 минуты дня 29 июля. Сначала ничего особенного – поразили только прямизна улиц и разрушения, а также страшная облицовка домов. Приехал на трамвае куда-то «домой», к какой-то маминой старой знакомой, оставил вещи и пошел на Невский. Грандиозно! То есть сначала ничего такого уж странного, но чем ближе к Неве, тем величественнее и красивее.

Воспоминания с трамвая

По дороге, около Пассажа, меня застал страшный ливень, и я побежал куда-то прятаться и добежал до междугородной, где позвонил тебе, как ты написала, – в среду с 9 до 15:30. Я позвонил ровно в 3 часа, и тебя не было дома. Уж если пишешь, что будешь в это время дома, то будь, а то очень обидно.

Ну ладно! В общем, я тебя не застал дома и пошел дальше по Невскому. Очень много всего в «лесах», и поэтому трудно смотреть, но все равно хорошо. Дополз до Адмиралтейства и совсем потерял голову! Ну, в общем, ты сама понимаешь – восхитительно! При тебе Зимний был в «лесах»? Сейчас он стоит, как новый, совершенно изумительный и блестящий.

Вышел на набережную, обошел Эрмитаж кругом и по каналу Грибоедова вышел на Невский. Все время перед носом твой план, все время путаюсь и сбиваюсь с пути истинного. Пошел искать главный почтамт и вышел к Исаакиевскому – ну, понятно впечатление, но внутрь, увы, не пускают. Полчаса искал «мрачное серое здание немецкого посольства» и не нашел. Десять раз в этих бессмысленных поисках проходил мимо почтамта, пока умные люди не пихнули меня в дверь.

Ну, письма от тебя, конечно, нет еще, и я сел писать сам. Сейчас уже 6 часов – устал очень.

Какая уйма кинотеатров на одном только Невском проспекте! Где твой хваленый «Норд»? Не могу найти его, а также не могу найти Петра I, а спросить вроде неудобно. Нашел Николая на коне, Екатерину – пешком, а Петра не могу. Но еще все впереди, ведь я в Ленинграде всего 4 часа, а почти все уже видел (ха-ха).

Позвоню тебе позже. Будь дома!
Целую! Скоро-скоро!

Твой А.Ш.

Письма из Дома отдыха «Пестово» – в Сухуми, 1954 год

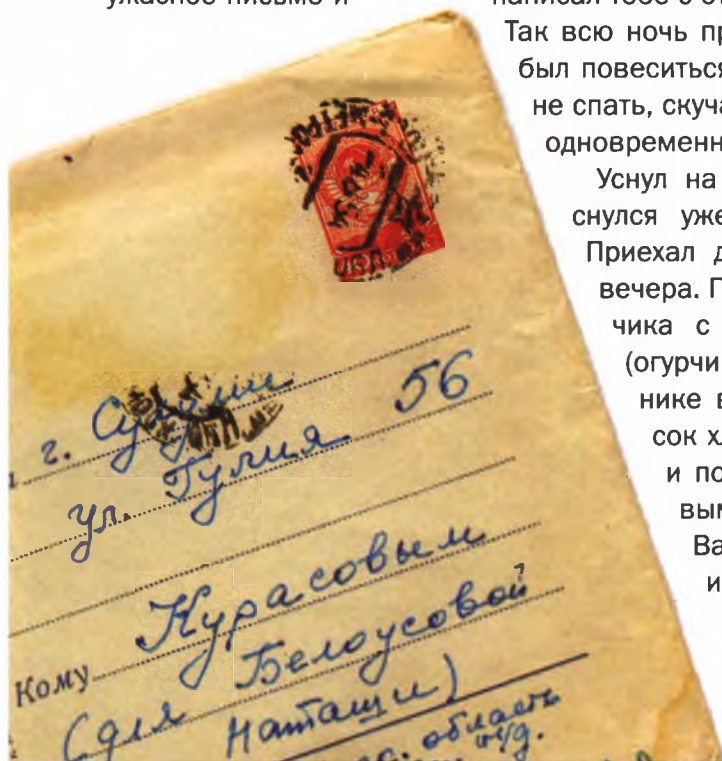
4 августа 1954

Кисик! Опять я в Москве, опять один, один. 12 ч. 13 м. 4 августа.

Сегодня утром встал, побежал на воду, искупался – холод страшный. Позавтракал и к 11 часам – в «центр». В дом отдыха за письмами от Киса. Ни одного! Пошел назад грустный-грустный (я тебе еще не надоел?). Сыграл один круг в преферанс и, пообедав, побрившись, поехал в Москву. Ехал на теплоходе «Чкалов», на том, на котором мы с тобой приезжали в Пестово. Уснул на диване (Кис! Целую ночь не спал! Ужасно! Вздыхал! Вздыхал! Ворочался! Родители подумали, что мне плохо, – вскочила мать, стала расспрашивать – ушел на улицу, посидел с полчаса и вернулся. Чуть-чуть поспал, проснулся, полежал, перечитал твое ужасное письмо и

написал тебе с отчаяния. Получила? Так всю ночь проворочался. Готов был повеситься – до того ужасно не спать, скучать, думать – и все одновременно).

Уснул на теплоходе – проснулся уже перед Москвой. Приехал домой в 10 часов вечера. Помылся, поел огурчика с черствым хлебом (огурчик был в холодильнике вялый-вялый, а кусок хлеба дала соседка) и побежал к Журавлевым. Дома сам Дима, Валентина Павловна и Машка. Страшно

обрадовались – расспрашивали. Потом Машка легла, а я сел ее успокаивать (у нее завтра второй тур – этюды) – психует страшно.

Я сейчас пришел домой. Один. Ты знаешь, Кис, я все-таки еще маленький. Вот я вошел в пустую квартиру, в руках батон и 200 граммов масла. Никого! И так мне почему-то стало грустно, одиноко-одиноко, и я страшно захотел к кому-нибудь родному-родному и близкому уткнуться в колени и чтобы мне гладили голову и ласкали бы меня. Неуютно, пусто, тоскливо! Я взял твои прошлогодние письма, которые ты писала мне в Ригу, – читаю. Как они не похожи на теперешние! Говорится в них о том же, но сколько в них любви и подлинной грусти. Хоть бы одно «прошлогоднее» письмо пришло мне сейчас!

Кис! Целую, куда хочу и куда ты хочешь.

Спокойной ночи, милый. Будь умницей!

• • •

7 августа 1954

7 ч. 20 м. 7 августа. Сижу в Химках, на пароходе «Коккинаки». До отхода еще 40 минут.

Что за ужасный день был сегодня! Сейчас голова кружится и болит, все время подташнивает. В общем, Машка конкурс не прошла. До этюдов не допустили.

Дома сначала был рев, потом Машка взяла себя в руки и успокоилась внешне. Дима очень огорчен. Завтра они едут на дачу. Я за ненужностью тоже уехал. Машку жалко. Я за эти три дня до того наволновался и набегался, что очень плохо себя чувствую. Еду только с одной мыслью – получить твои письма. Если их нет, то это ужасно, и так настроение паршивое. Но надеюсь, что их там есть, и не одно.

Татка (Журавлева) приехала вчера. Ночевала у меня, утром вместе ходили в училище. Провели целый день вместе. Утром поехали на кладбище – посетили Остужева, Берсенева, Нежданову, походили у памятников, посмотрели. Люблю кладбища – в Риге бывал без конца (там прелестные). Они на меня навевают какое-

то грустно-приподнятое настроение. Я никогда, никогда не бываю такой настоящей, как там. Приедешь, пойдем как-нибудь, ладно? Или ты не любишь?

Открылась сельскохозяйственная выставка. Ты знаешь? Мы пойдем?

Целую, жду, мы поехали. Трясет.

Твой

Письма из Киева и Ленинграда, 1956 год

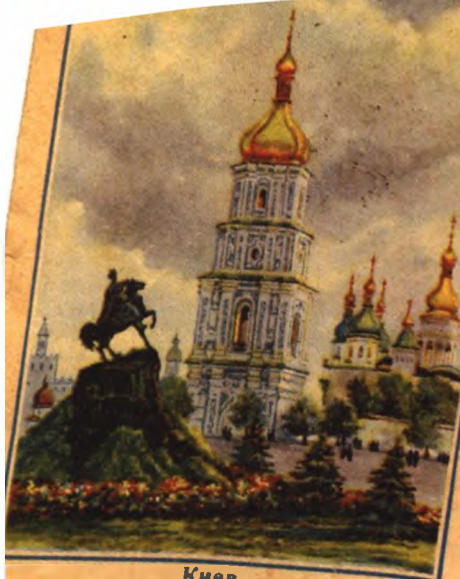
Киев, гостиница «Украина», 25 июня

...Отдельный номер-люкс (огромная кровать, зеркальный шкаф, письменный стол, кресла (2), стол круглый, два стула, ванная с душем, уборная, радио, телефон, тумбочка, ковер, коридор с вешалкой и трюмо; два окна, две картины). Живу, как царь. Скучно дико! Приехал – устроили смотрины всей группой: бабам понравился сразу, режиссуре пришлось еще понравиться дальше. В общем, утвердили. Читаю сценарий – местами смешно, местами дико глупо. В целом – дешевка страшная, ну, черт с ней! Образ банальный, но довольно яркий.

Сегодня поехал первый раз на студию*. Побрили лоб (не пугайся – чуть-чуть, даже не заметно), сняли на фото и пошли мерить костюмы, шитые на Мишку Козакова. Все – узки и чуть-чуть коротки, но красивы очень – будут переделывать.

Группа сносная, но не без говна. Режиссер – Суслович – очень милый дядька. В меня с ходу влюбилась его дочка. Ходит целый день за мной, прелестная девка, к сожалению, завтра уезжает с матерью в Сочи. Она мне сказала и отцу, что влюбилась в меня с первого взгляда и никуда отсюда не поедет. Ей 4 года. Играем целыми днями, мать и отец ревнуют. Хочу такую свою.

* Снимался фильм «Она вас любит».

Киев.
Площадь Богдана Хмельницкого.

Киевский Министрства Света СССР
Ш 0008 от 27/11-86 г. Москва. Цена конверта с маркой 50 к.

Куда г. Москва
2-ой Обыденский пер.
д. 10 кв. 12
Кому Белозовой
Найде

Адрес отправителя: Киев
каб-ча "Украина"
Ширвиндту АА.

На студии искал Ваську Ланового (он снимается в «Как закалялась сталь»), не нашел. Сел гримироваться – налетает кто-то сзади – Васька. Лобызались, лобызались, как будто первые друзья всю жизнь – что значит тоска и одиночество.

Первая моя съемка будет 27-го числа – вход в Телецентр, первая работа актера Ширвиндта: первая съемка, первая зарплата, первый настоящий Александр Анатольевич. Страшно!

В картине снимаются:

- Кмит – героиня,
 - Вицин – один герой (смешной),
 - Ширвиндт (второй, менее смешной),
 - Носова – подруга Кмит,
 - Сухаревская – няня в зоопарке,
 - Дмитриев – мой аккомпаниатор,
 - Сорокин – темная личность.
- Все.

Единственно, чего я боюсь по-настоящему, – это что я дико буду уставать. Темпы работы здесь бешеные. Одна съемка с 6 утра до 12 дня – 2 дня. Вторая с 6 вечера до 12 ночи или с 9 вечера до 4 утра. Причем системы нет – все в этом «искусстве» зависит от погоды. Сидит вся группа и молится на солнце: день, два – в гримах, в костюмах сидишь и молишься. А я, честно тебе сказать, устатый (я вижу твою ухмыляющуюся физиономию). Родичам я, конечно, сказал, что легко и приятно и я отдыхаю, но, увы, не так.

Пока эти два дня относительно свободен – пишу тебе большое письмо, не знаю, что будет дальше.

Киев – очень, конечно, красивый город. Весь зеленый – главная достопримечательность. Но я ожидал большего, по рассказам.

С 5 июля здесь начинаются гастролы вахтанговцев.

В Москву пока что вырваться не удастся, ибо каждый день съемки. Но думаю, что, когда осмотрюсь и освоюсь, – вырвусь, так ближе к середине июля. Вот!

Пока денег не получил, и денег нет. Обещают завтра дать суточные. Поэтому, Кисик, звонить часто и лететь в Москву пока не на что. Как только деньги появятся, позвоню.

Целую тебя. Думай о молодом дебютанте, желай ему успеха, будь умницей, напиши мне о практике – подробно. И обо всем, обо всем.

Передай привет всем своим.

Твой А.Ш.

• • •

3 июля 1956

На бланке кинофильма «Любовь не слепа». Добавлено от руки: «Какой удачный эпиграф к моему письму».

Начало письма не сохранилось.

...Жизнь мне здесь сейчас интересна и нова. Я помолодел – нет заботы, нет надоевших стен и повседневной пошлой жизни.

Воспоминания с труппы

Кис! Ты понимаешь? Я вступил в новую трудную жизнь – жизнь в искусстве. Пока мне повезло – я в хорошей группе, с большинством по-настоящему творческих людей. Я хорошо обеспечен, прекрасно живу в прекрасном городе. Но кругом, даже здесь, полно пошлости, грязи и богемы – в плохом смысле слова. Я рад, что далек от этого, я просто не понимаю вкусов этой дешевой богемы – мне противно. Но скуки в своей личной жизни, привычки вместо настоящих чувств не хочу. Дальше будет труднее. Во многом надо будет разбираться самому – и главным образом в себе. Что труднее всего. Хочу счастья! Большого! Ясного! В коем можно быть самим собой, ничего не стесняясь и не скрывая! Хочу радости! Не хочу нуть в жизни. Я до сих пор ныл и часто – противно.

...Жить мы будем с тобой с большими чувствами, без спекуляции и главное – без жертв! Так и договоримся.

Целую крепко.

Твой

• • •

14 июля 1956

Киса! Мечущийся мой маленький человечек! И всюду-то она едет, и сколько у нее волнений и разочарований! Ну, не надо огорчаться! Скажи «ша». Сказала? Вот. Ты меня любишь? Целина! Мишка Курепин* написал мне, что он взволнован твоим патриотическим порывом и что ты молодец. Я тоже взволнован и считаю, что ты молодец у меня, но на целину ехать не надо. Я умоляю.

Твое письмо. Решай! Пиши! Хоти! Зови! Давай поговорим серьезно и по-взрослому. Что это такое? «Напиши быстро, а то я махну на целину». Ну, ладно. Слушай внимательно: я сейчас мало пишу – прости меня. Ты даже не представляешь, как я загружен и как выматываюсь за эти дни. Последние 6 дней стоит хорошая погода, и гоним вовсю. Вицин (наш герой) должен уехать на спектакли

* Михаил Курепин – одноклассник.

Ленинградская ордена Ленина киностудия „ЛЕНФИЛЬМ“

КИНОКАРТИНА

„ЛЮБОВЬ НЕ СЛЕПА“

Ленинград 101, Кировский пр. 10

Телефон В-4-65-40, 41

ГЛФ з. 236

195 г.

невероятно много счастья - я себе не представляю.
люблю. Все это все для меня особенно
важно. Когда выживает у меня сейчас, когда
я один, сам с собой, самостоятельный
человек в этом мире. Никто мне
не нужен сейчас и никогда. Я
молодое - нет работы нет надежд.
мне стесно и невероятной ро-
лей жизни. Кис! Там комната
Я вернулся в новую, трудную жизнь -
жизнь в искусстве. Все мне
известно - я в Корнелл-Коллеге,
с Болошиным по настоящему
театральным людям. Я хочу облететь,
предельно быстро, в прекрасном
перелете. Но другим, другим здесь
можно помыслить, чужим и
большим; в хорошем смысле это

25 июля, и к этому времени нужно снять основные сцены с ним. Мой день всю эту неделю таков:

5:00 – подъем

5:30 – машина у входа

с 6:00 до 17:30 – натурные съемки

18:00 – разгримировываюсь, что-то ем, едем (в 18:45) в павильон на студию

19:00 – 1:30 ночи – съемка

с 2 часов ночи до 5 утра я сплю.

Так неделю. Мне плохо. Я устаю. Тебя рядом нет.

Ну вот! Дальше. Если до 25-го снимем все основные вицинские сцены и он уедет до 10 августа, то в период его отсутствия мы, наверное, снимем все мои сцены с Ольгой (героиня). Если это случится, то после 10 августа я буду значительно свободнее. Но ты не знаешь, что такое кино. Здесь сумасшедший дом. Никаких планов, никаких обещаний. Все в воле случая, солнца и директора. Так что серьезно говорить можно будет только к концу июля. А вдруг нет погоды, и вся натура летит! И все! Я очень хочу тебя видеть. Я хочу вырваться в Москву. Если не выйдет, приедешь ты, хоть ненадолго.

Курепин написал мне очень хорошее письмо. Хочет ехать на машине или в Киев непосредственно и жить под Киевом, или проездом на юг. Я написал ему свои прогнозы, и мы будем связываться в конце июля. Может быть, вы вместе приедете. Ну, не буду загадывать. Там будет видно (твоя самая ненавистная фраза).

Звонил я своим в Крым. Они числа 23-го приедут в Киев, к ребенку, дня на два проездом. Звонил тебе раза два – нет дома. Где ты? А? Ты пишешь, что сама будешь звонить, а куда? Нас с Игорем Дмитриевым переселили уже в 6-й номер с момента прибытия. Из теперешнего тоже обещают гнать.

Завтра смотрим первый мой материал. Волнуюсь! И ты поволнуйся немного. Ладно?

Твой

• • •
Письмо Наталии Николаевны

Без даты

Дорогой Киса!

Я выехала из Киева с твердым намерением тебе не писать, вернее, писать редко и не ныть, но мне сделалось так невыносимо плохо, что я не смогла тебе не написать. О чем писать? Не знаю. У меня совершенно дикое настроение, вчера готова была вообще вылезти из машины и идти к тебе пешком. Сегодня не легче, и главное – нечем себя утешить. Курепины все время целуются, а я лежу на заднем сиденье и плачу. Хотела ехать в Москву, но ведь там легче не будет, лучше уж сменить обстановку.

Вообще я ругаю себя за то, что поехала в Киев. Мне было очень хорошо с тобой, и я старалась не думать о том, что теперь целиком завладело моими мыслями. Кис, пиши мне почаще, хотя бы вначале, а там я немножко привыкну и мне будет легче. Мне кажется, я никогда не любила тебя так, как теперь. Я буквально схожу с ума. Но надеюсь, что это скоро пройдет, только ты напиши мне. Еще никогда мне не было так плохо.

Ночью была очень сильная гроза. Ночевали в степи среди грузовиков. Сейчас идет дождь, Курепины спят, а я пишу тебе. До Ростова осталось 200 километров. Уже 3 часа (дня). В Анапу сегодня не приедем. Помнишь, я хотела тебе прочесть стихотворение Апухтина? Вот оно.

Прости меня, прости! Когда в душе мятежной
Угас безумный пыл,
С укором образ твой, чарующий и нежный,
Передо мною всплыл.

О, я тогда хотел, тому укору вторя,
Убить слепую страсть,
Хотел в слезах любви, раскаянья и горя
К твоим ногам упасть!

Хотел все помыслы, желанья, наслажденья –
 Все в жертву принести.
 Я жертвы не принес, не стою я прощенья...
 Прости меня, прости!

Каждый раз, когда я читаю это стихотворение, мне хочется плакать, что я сейчас и делаю. Я плачу, потому что мне очень грустно и одиноко, потому что идет дождь, все небо обложено тучами и нигде нет просвета. Так будет всегда, всегда! И солнышко для меня больше никогда не выглянет!

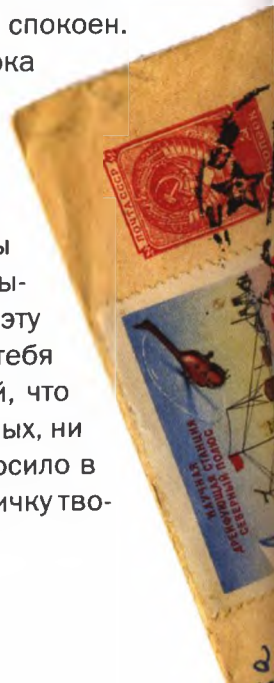
Ну вот, встали Курепины, сейчас поедем.
 Целую тебя много раз и очень крепко.

Твоя

Из Киева в Анапу, в пансионат

20 августа 1956

Здравствуй, дорогой мой Кис! Прошло 7 дней, как мы расстались. Мне грустно без тебя, мне очень беспокойно жить. Когда ты рядом, я уверен в себе, я меньше нервничаю, я спокоен. 13-го вы уехали! Я вышел за ворота, подождал, пока скроется за поворотом «наша» «Победа», и пошел назад. Боже мой! Зачем я вернулся? Зачем не походил эти несчастные два часа по городу или не пошел в гостиницу? Ты пишешь мне, что тебе было очень грустно, но поверь – мне было наверняка во сто крат хуже. Ты уехала в уютной машине, с Мишкой и Ленкой Курепиными – на юг, к морю, к отдыху, к солнцу! Я вернулся в эту комнатку, которая стала для меня (думаю, что и для тебя тоже) очень родной и обжитой за эти несколько дней, что мы там прожили. Она была пустая! Ни тебя, ни Курепиных, ни всех наших вещей – ужас. Я как вошел туда, меня бросило в дрожь. Я лег на простыню, которая еще сохранила частичку тво-

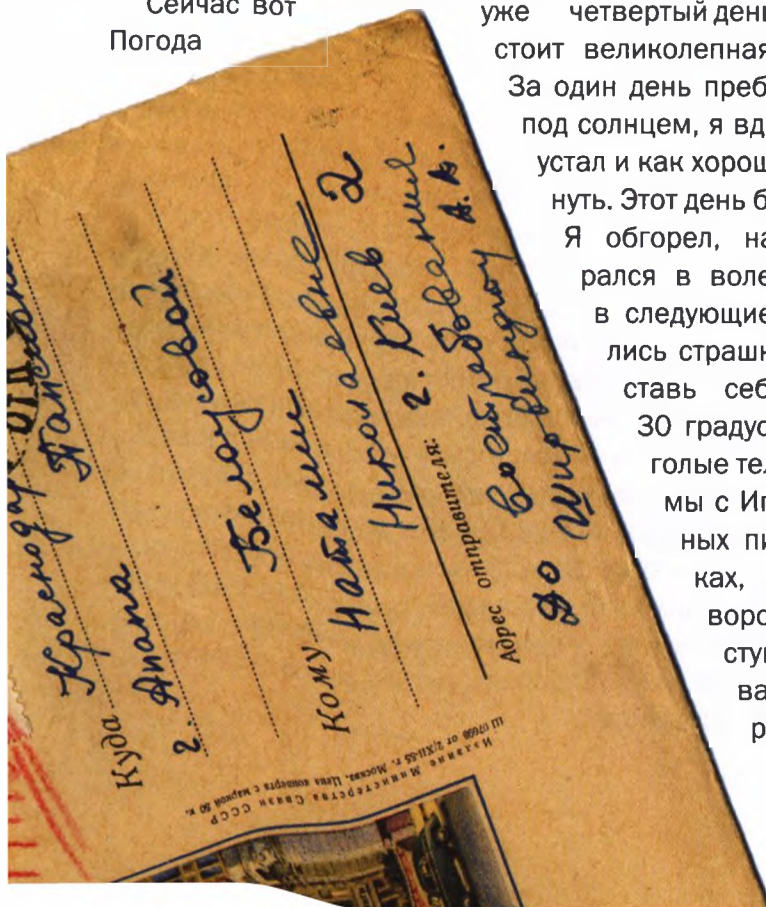

его тепла, на подушку с чуточкой твоего аромата и одним твоим волосом, укрылся холодным колючим плодом и... не мог заснуть до самого момента, когда уже надо было вставать. Я ощущал себя буквально покинутым и очень одиноким. Около меня стоял будильник – единственная вещь, которая присутствовала в нашей жизни. Не знаю, как для тебя, для меня эти дни в Киеве, с одной стороны, пронеслись молниеносно, а с другой – запечатлелись каким-то большим жизненным куском. Поэтому-то так остро я вдруг ощутил пустоту этой комнаты, отсутствие за окном машины и всего, всего. Я до сих пор клянусь себя за то, что вернулся тогда один.

Потом поехали на съемку, устроились с Игорем в двойном номере – жизнь потекла по-старому. Очень волновался, что нет и нет от вас вестей. Почему так долго вы ехали в Анапу? Или ты забыла послать мне вовремя телеграмму?

Сейчас вот
Погода

уже четвертый день снимаем пляж. стоит великолепная. Днепр, солнце. За один день пребывания у воды, под солнцем, я вдруг понял, как я устал и как хорошо бы мне отдохнуть. Этот день был праздником. Я обгорел, накупался, наигрался в волейбол. Но, увы, в следующие три дня начались страшные муки. Представь себе, Кис, пляж, 30 градусов жары, вода, голые тела и так далее. А мы с Игорем в шерстяных пиджаках и брюках, в крахмальных воротничках и галстуках перешагиваем через загорающих. Может

Весточки с трассы

быть, на экране это и будет смешно, но нам было не до смеха. Так мы в гриме и полной одежде снимались с шести утра до четырех часов дня. Домой приезжали с головной болью. Сегодня, к счастью, Игорь улетел в Ригу на спектакль, и я опять дышал, загорал и катался на акваплане (здорово).

Это письмо первое, и я еще не понимаю, когда его тебе отправлю. В Анапу боюсь, а вдруг ты уехала.

Планы нашей группы, а следовательно, и мои – расплывчаты. Зависим от погоды. Пока, ориентировочно, наша экспедиция заканчивается 7 сентября.

Памятуя о твоих приказах, специально поехал на Подол (Житный базар) – помнишь, где мы купили цветы? И купил кастрюли – большую, такую, как у вас, и плоскую широкую. Также купил 9 кг яблок по 2 рубля кило и послал домой две посылки. Вот. (Умница я?)

Крепко, крепко целую.

Твой

В том же конверте

21 августа 1956

Киса! Что же ты? Лежит тебе письмо неотправленное, ждет адреса твоего. Ты забыла меня, Кис? Ужасно устал я, люди гадкие и злые – эгоисты такие, каким мне и не снилось быть (ты ведь утверждала, что я самый страшный эгоист на свете). Все друг друга ненавидят, все хамы и крикуны (это стиль кино – всесоюзный). На площадке – скандалы и ссоры, в быту – полное наплевание друг на друга. Хамству и лицемерию нет конца и края. Это хуже во сто крат самого страшного театра. Там хоть какой-то, но коллектив, а здесь случайное сборище людей, съехавшихся на несколько месяцев и дрожащих каждый за свою шкуру. При всей моей выдержке я начинаю кипеть – мне уже ничто не интересно, я не могу увлечься сценой, мне хочется вырваться отсюда – не знаю, когда это наконец произойдет.

Погода опять испортилась. пляж и танцплощадку недосняли. Каждый час новые планы и решения – то в Одессу, то в Сочи, то в Ленинград, то сидим под дождем на пляже и ждем солнца.

Может быть, это и лучше – все, что происходит со мной: школа жизни начинается – авось человеком стану. Пиши!

В том же конверте

Киса! 24-е августа – от тебя ничего нет. Я по-прежнему не знаю, где ты, куда тебе писать. Листки в конверте прибавляются, а отослать его некуда – обидно.

Нас с Игорем опять выселяют: едет австрийский поезд мира – 650 человек. Говорят, нас всех выкинут на улицу – уютно. Настроение по-прежнему гадкое. Приехал из Анапы один мамин сослуживец и сказал, что там прелестные дни. Я очень обрадовался (если ты только в Анапе), что тебе тепло и хорошо. Отдыхай как следует, слышишь?

Вчера говорил с мамой и папой. Они купили мне туфли на каучуке и соскучились. Снимать танцплощадку осталось два дня. Что будет дальше, неизвестно – полная неразбериха.

В Москву мне к 1-му необходимо, надо оформиться окончательно в театр. Курепины, гады, не написали даже двух слов, да и ты хороша! Начиная со дня твоего отъезда, мы выезжаем каждый день на съемку в 5:30 утра и приезжаем в гостиницу в 6 вечера. Усталый, перепачканный гримом мавра бегу на почту – и ничего не получаю! Вот так!

Написал тебе листик, полный отчаяния, и пошел пить кефир. По дороге завернул на почту – письмо. Ура! Письмо уже холоднее предыдущего, но все же.

Кушай фрукты, будь умницей.

Крепко целую тебя еще и еще.

Твой

Воспоминания с тиражированием

10 сентября 1956

Ленинград, гостиница «Астория», 12 часов ночи

Здравствуй, мой родной, любимый Кис! Это я!

В 11 часов утра прибыл в Питер. Приехали на студию, походили, поздоровались и стали ждать, когда нас куда-нибудь поместят, – здесь такая же история, как и в Киеве, – все гостиницы забиты иностранцами. В ожидании результатов поиска номеров пошли в Петропавловскую крепость – искренне завидовали заключенным-революционерам – у них были отдельные комнаты с кроватью, столом и парашей.

В 5 часов пришли обратно на студию – замдиректора достал нам два номера на одни сутки в «Астории», куда мы и приехали. Огромный номер с коридором, холлом, письменным столом, диваном и множеством мебели. Есть ниша с тюлевой занавеской и тяжелыми гардинами, за которой кровать – широкая и уютная.

Всей молодежью группы пошли в ресторан гостиницы «Европейская» – наелись какой-то восточной кухни за большие деньги и очень невкусно.

У дежурной по этажу взял на полном обаянии конвертик и листочки вот эти, предназначенные для иностранцев. Я сказал ей, что мне надо написать самому любимому и дорогому человеку, а бумаги нет. И она тут же дала мне листочки и конверты – так, наверное, искренне я сказал это! Во!

Поговорил после «Во!» с папой по телефону – просил не забывать меня как сына.

В мое окно видна площадь, и напротив меня смотрит ко мне в окно Исаакий, читает то, что я пишу тебе, и грустно улыбается – понимает, наверное, как я скучаю. За ним вижу улицу с почтамтом – завтра пойду получать что-нибудь от Кисы – получу? Или еще рано? Как хорошо – близко почта, но, увы, лишь на один день.

Завтра – приезд туристов, новая партия, и нас выгоняют. Поместят нас, наверное, надолго либо в «Октябрьскую», либо в «Европейскую». Но пиши мне, на главпочтамт – надежнее.

У меня к тебе колоссальная просьба. Сообщи мне как можно быстрее следующее:

- 1) куда тебе писать и до какого числа,
- 2) куда тебе звонить и до какого числа,
- 3) до какого числа ты будешь в каком месте и моменты твоего переезда,
- 4) как ты меня любишь (изобразить графически и словесно).

Подчеркнуто самое важное.

Ну, вот пока и все как будто. Так много хочется тебе сказать, очень-очень, а на бумаге не получается. Правда, лучше, чем по телефону, но тоже трудно. Не знаю, слышишь ли ты меня, когда читаешь мои письма? Я всегда слышу тебя и вижу, когда держу в руках твое письмо.

Час ночи. Ночной Ленинград, в садах – осень. Город величественный и очень грустный. Мне трудно без тебя жить, мое солнце!

Твой

• • •

Начало письма не сохранилось

Пришел в гостиницу – дали отдельный номер. Второй этаж – окно выходит лицом к Московскому вокзалу. Номер маленький, но своя ванна и уборная, стол, кровать, шкаф, диван. Много стульев. Я ненавижу жить в двойных номерах с чужими людьми. Я лучше буду доплачивать 6 рублей в день (номер стоит 24 рубля, а студия платит всего 18 за жилье), чем жить с кем-нибудь и стеснять себя. Отсюда я могу звонить Кису в любое время, говорить громко, что я люблю его и не могу жить без него, что я измучился, что мне плохо, одиноко и днем и ночью. Потом я могу перейти дорогу и уехать в Москву, если уж все мне здесь осточертеет. Правда, отсюда далеко ходить на главпочтамт, но я буду. И лучше пиши туда, чем на гостиницу, а то вдруг меня опять неожиданно куда-нибудь перебросят, что вообще-то вряд ли.

Твой Кис (верный-верный)

Восточки с трасты

• • •
12 сентября 1956, 2 часа ночи

Ну вот! Только что пришел в номер. У меня появилась какая-то органическая потребность каждый вечер разговаривать с тобой – делиться дневными переживаниями, мыслями.

Утром встретил Игоря Дмитриева – приехал из Москвы, – и отправились с ним на студию. Опять смотрели материал – куски, которые не видели. Потом поехали к Игорю домой – накормил меня вкусным обедом, и пошли в цирк на закрытие гастролей немецких артистов. Программа довольно интересная – есть номера прямо мирового класса.

После цирка пошли в «Восточный» – это ресторан ленинградской театральной молодежи. Мне нравится у ленинградцев то, что здесь молодые артисты разных театров очень дружат между собой, встречаются в ресторане, ВТО, театрах, не официально, а так – запросто. Этого совсем нет в Москве.

Посидели, поговорили, выпили кофе и пошли.

В Ленинград приехал на гастролы Театр Маяковского. Поехали разыскивать Мишку Козакова. Он оказался в гостинице «Ленинградской» («Англетер»). Приехали к нему. Говорили, смеялись. У него ужасное настроение, хоть он и скрывает, но вырвалось. Вот, Кис, что такое театр, успех, роли. Я всегда говорил, что Мишке будет очень трудно, если, не дай бог, с Гамлетом выйдет неудача или еще что-либо. Так и получилось. Охлопков, конечно, обманул Мишку. Мишка ради обещанного Гамлета ушел из МХАТа, отказался от ролей в кино, а сейчас Охлопков юлит, Мишке дают массовки, и он дико переживает. Я его вполне понимаю. Вообще страшно трудно, болезненно поступление в труппу театра и первые месяцы работы, а для избалованного успехом Мишки – тем более.

Я сам страшно боюсь будущего. Главное, что я должен тебе сказать, в чем признаться, я сам для себя не могу твердо решить, что лучше, куда держать курс, где интереснее. Кто знает, что ждет в театре? А может быть, в кино? Все – лотерея. Все – случай, судь-

ба, судьба. Страшная профессия! Страшный удел – удел взлетов и падений (это хорошо), удел полного безразличия и ничтожества (это кошмар). Не дай бог, когда-нибудь кому-нибудь советовать ступить на этот тернистый путь в жизни, хотя сейчас я сам ни на что другое его не променяю. Есть в нем и такое счастье, которое иногда окупает уйму горя. Вот за это счастье – счастье творчества – можно жить в этом хаосе лицемерия, грязи, настоящего искусства и богемы (в хорошем смысле слова). Главное – надо чего-нибудь хотеть и ничему не поддаваться (иначе говоря – быть себе на уме), а то будет бросать из стороны в сторону и обязательно выбросит к черту.

Тебе скучно про это? Ну, сейчас кончаю. Очень важно верить в себя – что ты что-то можешь и умеешь. Кругом все относительно: сколько людей – столько мнений. Кис мой, как трудно выслушивать разные мнения и противоположные советы, как противно узнавать со стороны о ругне по твоему адресу, как надо быть в чем-то последовательным и убежденным до конца. Иначе гибель – всем угодить нельзя.

У! Без четверти три, я с тобой заговорился, а завтра – первый по-настоящему трудный рабочий день в Ленинграде. Утром – освоение павильона, вечером – озвучивание старого материала. Завтра пойду на почту, надеясь и от тебя уже что-нибудь получить, а то скучно разговаривать односторонне, не получая ответа.

Твой

• • •

Письмо Наталии Николаевны

Без даты

Дорогой Кис!

Пришла позвонить домой, а разговор дают только на два часа ночи. Вот сидим и пишем. Где ты, куда писать? Я уже больше в пансионате не живу, мы сняли две довольно большие комнаты в

Воспоминания с Ирасси

191

городе, и все переселились туда. Живем очень весело – целый день на море и целый день что-нибудь жуем, несмотря на лозунг: «Собрался в Сочи – не кушай очень!» Мы здесь живем последнюю неделю, а потом все – в разные стороны: часть в Сухуми и Сочи, другие – в Ялту и самая небольшая часть – в Одессу.

Сегодня вечером стало вдруг грустно и захотелось побыть одной. Взяла корзинку с виноградом и пошла на море смотреть заход. Зашла далеко-далеко в горы, попала на какое-то кладбище, и меня охватил страх и благоговейный трепет. Представляешь: кругом горы и море – большое, шумное и чуточку страшное, и это кладбище, и нигде ни души. Посидела капельку, погрустила и побрела домой. Знаешь, в такие минуты думаешь о бессмертии и о ничтожности человеческих страданий.

Я стала довольно хорошо плавать. Сегодня чуть-чуть не наткнулась на дельфина. Они в сильное волнение совсем близко подплывают к берегу. Еще я стала прилично нырять и плавать под водой, так что меня здесь прозвали дельфинщицей.

Сегодня 18 дней, как я здесь. И за это время я получила 26 писем и 11 телеграмм, а от моего Киса только одно письмо!..

• • •

13-е, утро

Сию на главном почтамте – только что получил твое письмо из Анапы – полное моря, солнца и счастья. Я очень рад, что тебе хорошо. Отдыхай! Отдыхай! Отдыхай!

Мне только чуть-чуть обидно: такое маленькое уделение внимания моей скромной особе в твоей тамошней жизни.

Не ходи так далеко в горы и на кладбище – слышишь?

Ну вот! Поехал на студию – может быть, завтра получу еще письмо, посвежее, а?

Целую.

Твой

• • •
Письмо Наталии Николаевны

Без даты

Здравствуй, дорогой Кис!

Наконец нашла время написать тебе. Тут случилось много непредвиденных обстоятельств, которые, надеюсь, завтра закончатся благополучно.

Десятого мы выехали из Анапы на катере «Диабаз», сделали на нем кучу снимков, сняли 50 м кино (у вас исчисляется километрами, а для нас 50 метров неслыханно много), всласть насладились морем и катером, и все в полном составе, то есть 8 человек, прибыли в Новороссийск, но тут выяснилось...

Да, я забыла написать, что накануне отъезда у нас была совершенно сумасшедшая ночь. Спали мы в общей сложности часа полтора, и еще наши двое часов разошлись на 40 минут, словом, мы не успели присесть на дорогу, и отсюда все началось.

Так вот, на морском вокзале выяснилось, что «Грузия», на которой я должна была плыть, ушла в Австралию, и пойдет только через три дня «Украина».

Устроились мы в Доме колхозника и отправились посмотреть город, а двое остались на морвокзале ждать запись на Сухуми. Там они познакомились с исключительным типом. Описать его очень трудно, он самый настоящий феномен. Он знает что-нибудь обо всем и все о чем-нибудь, но как знает! С ним мы влипли в одну глупую и смешную историю. Просидели целый день в милиции. Вышли оттуда совсем обессиленные – чуточку от страха, больше от смеха. Если бы все это я прочла в книжке или увидела в театре, я возмутилась бы и сказала, что это ерунда, не смешно и в жизни так не бывает.

Понимаешь, забрали нас из-за того, что этот самый тип, Володя, по-настоящему Вагнер, сказал в присутствии милиционера, что у нас теперь народ не бдительный, что вот он едет уже месяц на велосипеде (из Ленинграда в Баку и далее по всему Кавказу, Крыму и опять в Ленинград) и никто у него не проверил ни разу доку-

Воспоминания с тиражи

менты. Милиционер тут же подошел, потребовал документы, слово за слово, и нас забрали всех в милицию. Теперь у нас у всех есть предупреждение, а если будет еще одно, нас посадят на 30 дней. Представляешь, как мне теперь осторожно надо себя вести!!!

Проводили девчонок в Сухуми на «Ленсовет», облазила весь теплоход, впечатление колоссальное. Немножко неприятен контраст между 1, 2, 3 классами и палубой. Верх теплохода сверкает излишней роскошью: музыкальный салон, выставочный зал, гостиные, курительные, бассейн, прекрасные каюты, даже кинозал. А внизу – закрытая слабо освещенная палуба, где на мешках вповалку спят люди. Напоминает «На дне».

Уехали девчонки, и осталась я одна с мальчишками. Ночью погода испортилась, подул норд-ост и пошел дождь. Ветер необычайной силы, буквально сбивает с ног и несет кучу камней. С трудом добрались до порта. На море разыгрывался шторм, волны перелетали через набережную, над молом – облака морской пыли от разбивающихся волн, шумит море, и гудит и все рвет ветер. Мне стало немножечко жутко, ведь в открытом море будет страшновато.

Следующий удар судьбы я пережила спокойно – из-за шторма «Украина» не пойдет – она не сможет пристать к молу. Итак, пошел третий день моей путевки и к тому же у меня кончились деньги. Но к вечеру святой Аллах смилостивился надо мной и начал успокаивать стихию. Сейчас 9 часов вечера, последнее стекло было выбито часа два тому назад. У меня появилась надежда, что завтра я уеду из этого города, полного приключений.

Сейчас ложусь спать, чтобы встать в 4 и поехать за билетами, а в 5:30 придет теплоход. Если от меня долго ничего не будет, значит, мы плаваем взад-вперед и не можем пристать. Нет, я смеюсь, тогда я пришлю оттуда телеграмму. Только куда? Ты долго будешь в Ленинграде?

Мне пиши по адресу: Одесса, Большой Фонтан, 16-я станция, пер. Панченко, 2, Дом отдыха строителей, мне.

Ну, пожелай мне счастливого плавания. Целую тебя, милая морда, очень, очень много раз и крепко.

Твоя я

16 сентября 1956,
4 часа дня

Твой Кис, радостный, любящий, получивший письмо с теплотой «Украина» и телеграмму из Одессы, где ясно обозначилось, что я любим и целую.

Прочел письмо, полное страхов, интересных встреч и невероятных событий. Если бы я не получил тут же телеграмму из Одессы, я бы волновался за финал твоего славного похода Москва – Киев – Анапа – Алушка – Новороссийск – еще что-то – Одесса.

Ну, слава богу, ты уже в Одессе – городе моей мечты (почти Рио-де-Жанейро). Одесса! Как я хочу в Одессу!

Тебе должно быть хорошо в Одессе. Тебя будут охранять тени моих предков, дома мамы и папы, их детский мир. Тень бабушки будет витать над тобой – она была когда-то царицей Одессы и очень любила тебя, если помнишь!

Для меня посещение почтамта сделалось каким-то праздником, с томительным ожиданием, с долгой дорогой, в которой я лихорадочно считаю номера машин: будет – не будет письма. Получил сегодня! Пошел по набережной – вышел на Дворцовую площадь. Я очень люблю, когда хожу по чему-нибудь красивому и величественному, петь что-нибудь красивое и величественное.

Востокки с траексы

Так и сегодня: стоял посреди Дворцовой и пел Первый концерт Чайковского – потрясающе подходит.

Вышел на Мойку...

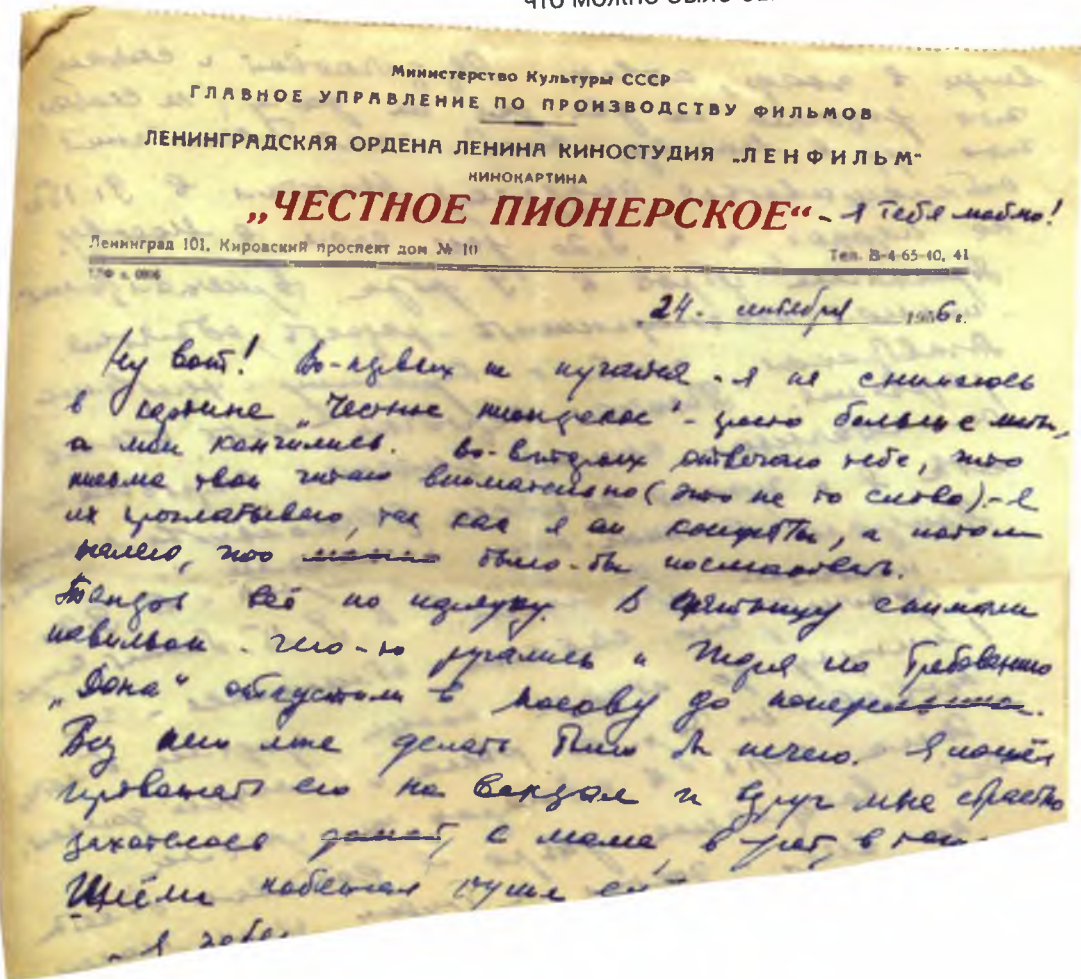
Письмо обрывается.

• • •

На бланке кинокартины «Честное пионерское». Добавлено от руки: «Я тебя люблю!»

24 сентября 1956

Ну вот! Во-первых, не пугайся – я не снимаюсь в картине «Честное пионерское». Просто эти листы большие, а мои кончились. Во-вторых, отвечаю тебе, что письма твои читаю внимательно (не то слово). Я их проглатываю так, как ем конфеты, а потом жалею, что можно было бы посмаковать.

В пятницу снимали павильон – чего-то ругались, и Игоря отпустили в Москву до понедельника. Без него мне делать было бы нечего. Я пошел провожать его на вокзал, и вдруг мне страстно захотелось домой, к маме, в уют, в тепло. Несчастный Шлема побежал, купил еще один билет – я забежал в гостиницу и сказал, что уезжаю на два дня на дачу (не сказал, что еду в Москву, чтобы иметь основания отпрашиваться позднее). Вскочил в 21:15 на перрон, а в 21:20 уже ехал в Москву.

Прибыли в 9 утра. Приехал домой – полная неожиданность: радость, объятия. Позавтракал – пошел к Курепину – целовались, радовались. Показал карточки – есть очень симпатичные. Самая опасная карточка – ты, я и чужая коляска (около Аскольдовой могилы...)*. Поиграли в пинг-понг и поехали за Леной в институт. По дороге заехали в Лужники – Мишка показал мне снаружи стадион. Отвезли меня домой и уехали. Дома читал роман «Не хлебом единым» – хорошо. В «Новом мире». Вдруг звонит Шлема – звонили из Ленинграда, съемка утром в воскресенье – он уже купил нам два билета – паника полная. Дома разочарование, я расстроен. В 21:20 на вокзале уезжаем. В 21:15 бежит Игорь и кричит, что съемка отменилась – за 1 минуту до отхода поезда продали билеты, потеряв по 30 рублей с рыла, и поехали домой. Дома чуть в обморок не упали. Все воскресное утро я доставал билеты на вечер – достал с трудом, через маму. Возлежал дома – читал роман и повестку из военкомата. В 21:20 уехали в Ленинград в вагоне Москва – Хельсинки. Все купе в вагоне – двухместные – ты видела когда-нибудь такую роскошь? Всю ночь думал о тебе – как бы мы ехали в таком прелестном уголке вдвоем. Жаль?

Приехали сегодня утром – и сразу в зоопарк. Погода плохая, холод, дождь моросит. В зоопарке репетируем сцену со львом. Я и Вичин с Эдером** внутри, снаружи вся группа и толпы зевак. Мы стоим с длинными белыми палками для, стало быть, охраны от хищника. Выпускают льва – он бежит к Эдеру и к нам. Страшно. В общем, часа два репетировали – привыкали. Потом освоились –

* Сфотографировались в Киеве с чужой коляской. К тому же пустой.

** Борис Эдер – известный дрессировщик.

даже гладили его по спинке. Через меня он не проходит – придумали другой трюк: он бросается на меня, а я, перемахнув через высокий барьер, забираюсь в пустую клетку, захопываю дверцу и мечусь там. Ничего не сняли, но ходили с Гошкой в героях.

Поехали на студию в павильон – торчали до часу ночи – до меня очередь не дошла.

Моя поездка в Москву была, конечно, безумием (она обошлась мне в 500 рублей). Но за эти два дня я отвлекся, отошел, запасся новыми силами у родного очага для дальнейшего здешнего жителя, а то ты сама не видишь по моим письмам, что я сдаю нервами и мне необходима была разрядка.

Мечтаю о дне встречи с тобой, целую невероятное количество раз всюду (можно?). Посылаю тебе в знак рыцарства, любви и преданности волосы из гривы льва, которые я собственноручно выдернул.

Твой

Письма из Одессы, Кишинева, Львова, 1957 год

Одесса, 11 июля 1957

Здравствуй, моя дорогая, любимая Кисонька!

Страшно жарко и душно, работы очень много.

Вчера было очень радостное событие. Шла «Первая симфония» впервые в Одессе. Как ты знаешь, Сережка Яковлев, у которого в ней большая роль – комедийная основа спектакля, не играет в Одессе. Вторым составом играет Володька Сергеев. И вот вчера днем мне дают текст на предмет играть эту роль во Львове на разводных спектаклях. В 7 часов вчера прибегает взмыленный Володька и шипит мне что-то – у него напрочь пропал голос. Не буду тебе писать, как вокруг меня все носились и гладили меня, – в общем, я играл! Аншлаг! Вся труппа смотрит – я играю без

единой репетиции на память о виденном и без знания текста. За кулисами – Володька, на сцене – испуганные Ленька Марков* и Ганка Матвеева** и на диване я – ни жив ни мертв, в вязаной фуфайке – весь модный с ног до головы.

Сыграл! Были аплодисменты на уход! Сегодня утром высказывали замечания по спектаклю. Когда я пришел, труппа зааплодировала, а Рубб (режиссер спектакля) сказал, что я проявил настоящий профессионализм и («не загордитесь, Саша») хорошее комедийное дарование, но что, мол, затянул там и недоиграл здесь. Тогда все на него зашипели, а Вовси*** сказал: «Перестаньте, Александр Аронович (это Рубб), молодец он и настоящий актер». И все заулыбались, а я смутился.

Потом ко мне подходили оркестранты и говорили, что я им понравился больше Яковлева, и многие актеры тоже поздравляли. Вот! Кисик, ты за меня порадуйся тихонько, но никому не хвались, ладно?

Сегодня первый раз играю «Колесо счастья» – Фазана – очень волнуюсь, ибо (я не смеюсь) Одесса меня знает, пока свежа картина – она не сходит здесь с экранов.

С «Мосфильма» звонили Майорову****, просили меня на 13-е и 14-е, он не дал, а я-то думал, что поцелую тебя и увижу, хоть денечек. Я не стал просить и скандалить, ибо сейчас мне не надо уезжать – вхожу во все пьесы. Все время репетирую Режиссера в «Друзьях-сочинителях» – нравится мне эта ролюшка (как она здесь делается). Потом вот-вот выпускаем «Когда цветет акация», так что работы безумно много, и даже страшновато, как бы не сорваться (тьфу, тьфу, тьфу).

Каждое утро хожу на почту, но от тебя кроме первого письма и телеграммы ничего не получаю. Мне это «упадочно действует на настроение», как говорит мой сосед Жуков*****, и он прав. Вчера девушка на почтамте, что выдает до востребования, посмотрела

* Леонид Марков – актер Театра имени Ленинского комсомола.

** Ганна Матвеева – актриса, жена Всеволода Ларионова.

*** Аркадий Вовси – актер Театра имени Ленинского комсомола.

**** Сергей Майоров – главный режиссер Театра имени Ленинского комсомола.

***** Вадим Жуков – актер Театра имени Ленинского комсомола.

письма и говорит кокетничая: «Нет, Ухов, она вас не любит». Может быть, она права и ты уже давно с Вициным? Я жду писем, скучаю, люблю и волнуюсь.

Твой

• • •

16 июля 1957

Кисик!

Сажу дома, весь дрожу, как никогда еще: играю сегодня первый раз водевиль «Друзья-сочинители». Безумно страшно! Хочешь, я нарисую тебе наш репертуар здесь – сколько я сыграл и сыграю?

7 июля – «Колесо счастья»,

11 июля – «Первое свидание»,

16 июля – «Друзья-сочинители»,

19 июля – «Наш общий друг»,

24 июля – «Когда цветет акация».

Вот! За 14 дней я должен сыграть 5 премьер – по-моему, слишком здорово. Это я тебе написал премьеры, а играю я почти каждый день. В общем, пока был один свободный вечер. И целый день репетирую. На море почти не бываю. Наши «артисты»-бездельники уже совсем черные, а я вялый и белый. Хочу с завтрашнего дня вставать в 6 утра и ходить до 10-ти на пляж. Сейчас психую страшно. На сцене была одна репетиция, и я болтаюсь, как дерьмо в проруби. Но есть и радости: играю, играю, играю! Играю много, разного – большие роли. В «Колесе» 12 числа 6 раз сорвал аплодисменты. Чувствую, как приходит от спектакля к спектаклю свобода, меньше тороплюсь, начинаю понемножку «мастерить». 22-го «Наш общий друг» играем в оперном – красиво!

Немножко устал и очень соскучился по тебе. А ты?

Напиши подробней о фестивале**. Как Москва – красивая? Как ты себя чувствуешь? Ответь мне по-взрослому и серьезно.

* В кинокартине «Она вас любит» героиня отдает предпочтение герою Вицина Канарейкину, а не Ухову (Ширвиндт).

** Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

Не могу же я говорить об этом по телефону. Тебе не стыдно так плевать на меня и не считаться со мной? Я же волнуюсь и ничего толком не знаю и не понимаю, а ты мне по телефону что-то обещаешь написать, а письма нет и нет. Мама пишет мне гораздо чаще и любяще, а ты холодная и гадкая, слышишь? Мне плохо, и чтоб завтра же было хорошее письмо, а то я буду сердиться, слышишь?

Целую.

Твой!

• • •

Кишинев, 26 июля 1957

Киса моя! Я в Кишиневе! Сажу в 13-м номере гостиницы «Молдова» (рядом с театром) грустный-грустный и пишу тебе слезное письмо.

Во-первых, вспомнил я твою открытку из Кишинева (гадную – помнишь?). Город такой тихий и уютный, такой лирический и домашний. Во-вторых, надо мной радио, из которого говорят про Москву – как там красиво и интересно. Говорят, говорят на разных языках, наши актеры со съемок восхищаются Москвой, и нам всем здесь, а мне особенно, вдруг безумно захотелось взглянуть хоть краешком глаза на Москву, а мне – на Москву и тебя и забрать тебя оттуда и уехать обратно.

Кишинев мил! Театрик кукольный и уютный (была?). О! Вот опять передача Подготовительного комитета. Кис! Молдавия! Вино! Фрукты! Тебя нет!

В Кишиневе меня тоже узнают на улицах, но здесь это не так нагло и противно делается, как в Одессе.

Живу эти 2 дня в двойном номере с Юркой Лихачевым – душ, которого я не видел уже около месяца, и радио (лучше б его не было). Сейчас бегу на «Фабричную девчонку». Отыграю и буду писать тебе дальше. Ладно?

Ну, пока, моя радость.

Пришел с «Фабричной». Играли ужасно, текст забыт, массовка из здешнего театра – смешно и дико – все хлопочут лицом.

Сегодня мне плохо, как никогда в этом месяце. Знаешь, почему? Я ужасно одиноко всегда чувствую себя в гостиницах. Я один, кругом все чистое, до ужаса нежилое и официальное – командировочник. На частных не так остро – там дом, жизнь, а здесь дико тоскливо. После спектакля наши хотят ехать купаться на какое-то Комсомольское озеро. Но я не поеду – надоели все страшно, пойду и напьюсь к черту – плохо, и все, и наплевать. Надоело.

Почему я должен так в общем безрадостно жить? За что? Столько на меня здесь навалилось всего – огромная ответственность за шесть больших ролей, почти без репетиций, эта никому не нужная популярность, которая меня сводит с ума. Нет жизни. Ходят, что-то кричат, хихикают, бегают (это помладше), а постарше пишут письма, зовут в какие-то «обожающие вас» компании и так далее.

Есть много всего гадкого, что вдруг открывается в жизни, – к сожалению, мой дорогой, любимый Кисик, чем дальше вырастешь, тем больше разочарований и неприятных открытий. Жалко, правда? Я очень это болезненно переживаю – ты же знаешь, как я люблю общество, как быстро сближаюсь с людьми и как (ты сама это говоришь) мне везде удобно и спокойно. А сейчас? Что произошло? Не знаю. Вернее, знаю и боюсь этого. Видно, проходит юность – время простых взаимоотношений, прямых речей и простых шуток. С каждым днем все больше и больше приходит ко мне в жизнь помимо моей воли второй план – он сказал, а что он подумал? Зачем он это сказал сейчас? Нет, мне легко с моими одно... (вот видишь, какой я старый, даже не могу закончить слово. Одно... кашники? Где они? ...курсники? Далеко). Сослуживцами. Противное слово, правда? Холодное, сухое, принудительное, но безумно, как я понял, точное: люди, служащие со мной, – вынужденное, неискреннее состояние. Да? Мне с ними легко, подчас даже весело, но (ты поймешь меня) я ни разу не отдохнул с ними. Ты мне, конечно, скажешь (я уже вижу твою мордочку), что артисты – плохие, неискренние, и все это потому, что Кис твой стал большим, кончилось сюсюкающее мамино внимание к его жизненным успехам, он играет на сцене столичного театра, он имеет поклонниц. «Ширвиндтки», «марковки», «ларионовки» – вот как они делятся в Одессе. Он стал, пусть пока

еще немного, «опасным» человеком. Я уже не мальчик, устраивающийся в театр и «опекаемый» милой рукой маминых знакомых артистов и выслушивающий снисходительные советы Воки Ларионова, Леньки Маркова и других. Я, совершенно случайно, волею сложившихся обстоятельств в гастролях, стал с ними на равную ногу – вдруг, быстро и неожиданно для них самих. И вот теперь, когда кончились бирюльки и началась взрослая жизнь, возникла борьба – ну, в переносном смысле, конечно, – за существование. И не в актерстве, конечно, тут дело (хотя, может быть, в данной области этот прямолинейный закон жизни наиболее нагляден), а в движущей силе нашего бытия – в страхе. Все боятся – в большей или меньшей степени. И этот панический страх за свой завтрашний день в творчестве, работе, даже личной жизни, страх, основывающийся на отсутствии истинных критериев во всем, – этот страх не дает людям быть людьми, пользоваться самой необходимой (в моем понимании) жизненной правдой – правдой искреннего интереса к другому человеку (я говорю о чисто житейском, повседневном общении). И неслучайно я рвусь к людям иного круга – не потому, что они идеальные, а потому, что я им «не страшен», я не конкурент.

Я привык закрывать глаза на недостатки людей (к чему всегда призываю тебя), чтобы понять для себя основное – нужен мне этот человек в жизни или нет, а не рыпаться в настроенческих муках то туда, то сюда.

Трудно! Мне очень трудно входить в такой страшный коллектив, как театр, со своими группировками, симпатиями и антипатиями, подлецами и дураками – трудно, поэтому я и пишу моему черноглазенькому дружку это скучное, очевидно, письмо. Потому что поделиться и посоветоваться больше не с кем, а ты ведь всегда понимаешь меня, только из упрямства споришь подчас. Так что нервно живет Кис – ни одной радости не было без борьбы и труда, без шепота и кислых улыбок. И хоть в конечном счете радость победы очень приятна, но раз, два, три... и нервы начинают шалить, выдержка кончается, и бежишь куда-нибудь далеко-далеко – бежишь и мечтаешь вбежать на 3-й этаж, уткнуться в дорогое пузо, забраться на диван и поплакать долго и зло.

Твой

Львов, 13 августа 1957

Здравствуй, дорогой мой птенчик!

13-е число. Сегодня ночью буду с тобой разговаривать. Буду ругать за молчание и, надеюсь, хвалить за хорошее поведение.

Сижу в оперном, очень красивом театре – играю «Первую симфонию». Принимают прилично – аншлаги.

Завтра «Акация» – волнуемся. Очень мне грустно и одиноко – все время помню, что тебя не увижу долго-долго. Все живут, считая дни до встреч, а я и не знаю, чем жить. Почему-то все время перед глазами дача, утро и ты – вошла ко мне наверх – светлая, родная и мягкая-мягкая – поцеловала, погладила и сказала: «Вставай, Кисик, надо ехать». «Ну», – сказал я. «Останься, дорогой! – погладила ты меня. – А я поеду». И опять поцеловала.

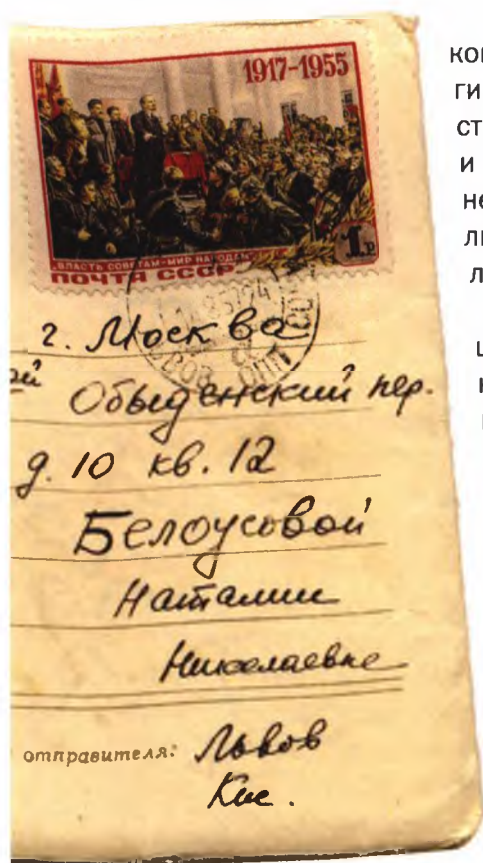
Я хороший у тебя, ты знаешь, ибо, когда тебя нет, я помню только, какая ты прелесть, а тебя-злюку забываю.

Львов я так и не посмотрел толком – некогда. Вот, надеюсь, после 16-го буду немного поспособнее днями – займусь осмотром.

У наших хозяев есть велосипед с мотором – он не работал, хозяин жаловался нам. Я сказал кисло, что можно посмотреть, на

что гад Колычев* сказал хозяину, что, если ему как память дорог велосипед, не давать его в руки Ширвиндту, то есть в мои руки. Это меня озлило, и я в течение двух часов во дворе возился с этимдохлым двигателем. Починил! И сам же поехал на нем в баню мыться. Все были в умилении, а Колычев мрачно молчал. Вот у тебя какой я!

Читаю газеты и вижу, что фестиваль кончился. Напиши мне, каковы итоги. Что осталось в Москве после иностранного нашествия? Каковы благие и пагубные последствия? Много ли венерических заболеваний, улучшился ли вкус у москвичей, много ли народилось негритенков и так далее.

С каждым днем все больше и больше дает о себе знать усталость. Моря нет, разрядки никакой – целый день в жарком театре: мажься, одевайся, размазывайся, опять одевайся. Самое печальное, что никаких перспектив отдыха нет. И тебя нет.

Что за гадкая у меня натура – боюсь, боюсь, боюсь. Очевидно, это оттого, что вокруг меня рушатся все святыни – брак, любовь, невинность, верность, постоянство – нет его, не вижу, посему страшно мне. Все врут, красиво обманывают со слезами на глазах. Кругом ходят наивные дураки, мнящие себя единственными в мире обладателя-

ми верного, чистого существа. Как страшно подумать, что и я в их числе. А почему я должен быть исключением? Почему ты должна быть исключением, если таков жизненный закон и он неумолим?

* Юрий Колычев – артист Театра имени Ленинского комсомола.

Если это так, то лучше не жить, не любить, не верить, не надеяться, чтобы потом не было страшных разочарований.

Ну вот! Чуть было из-за тебя не опоздал на выход, чудом успел – не шел круг и задержали картину, а то бы конец – я начинаю картину. Так хотелось дописать мысль – и не успел. Ну ладно. Иду домой говорить с тобой.

Целую всю, всю.

Твой

• • •

Письмо Наталии Николаевны

17 августа 1957

Киса, моя родная! Я исключение, честное слово, исключение! Вернее, нет, я не исключение, а вот все тебя окружающие – исключение. Ведь человек по натуре своей очень правдив, искренен, верен и постоянен, и все простые люди именно такие. И, знаешь, по-моему, они не думают об измене и обмане. И ты не думай. Ведь изменять – это противоестественно. А думай о том, что естественно, то есть о том, что я ни разу в жизни тебе не изменила и не изменю, всегда любила и буду любить.

Убедила, что я не исключение (из хорошего)? Ты тоже не исключение. Я, если начинаю думать, что будет со мной и с тобой через некоторое время, вернее, с тобой, мне становится скучно и на душе холодно («скучно» – не в смысле скука, а в зоценковском смысле). Ну ладно, это я дурака валяла. Я тебя люблю, и ты не думай и не волнуйся. То есть наоборот, думай и волнуйся.

Я все еще на даче. Приехала Нина Крайняя*. Сейчас ночь. Все спят, только Костя Страментов** стреляет из ружья. Совсем близко, и я каждый раз вздрагиваю.

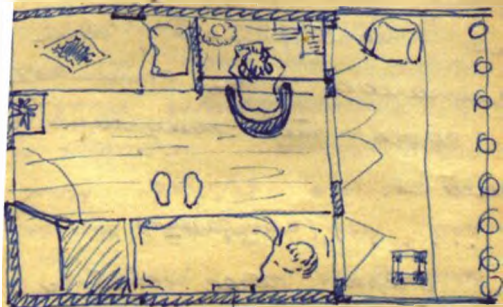
Сегодня ходили за грибами. Дошли до деревни и обратно. Нашли 15 белых, 8 очаровательных подосиновиков и много других, так что на обед была огромная сковородка грибов.

* *Нина Крайняя* – институтская подруга Наталии Николаевны.

** *Константин Страментов* – архитектор.

А все еще на даче.
 оль. Все шлей, только Костя Францевича сержант
 ружья. Всегда близко и с каждым раз возвращаю.

Светас и нармело как мы живем
 Ты с Лохас, как тебе посмала, только крутишь и один там, ду
 машины.

Над книгой висит картина —
 — Ты пригодишься ей раньше

Двери и окна открыты —
 очень тепло и луча светит.

Сегодня ходили за грибами —
 дошли до деревни и обратно
 и набрали 15 белых, в ос-
 ровали сельных подосиновика

Вот таких и
 много других,
 т.е. на обед
 была ошумной
 сковорода грибов.

Как хорошо сегодня было в лесу! И ты тоже ходил с нами за грибами, и мои 9 белых мы нашли вместе. Мне сейчас, да и не только сейчас, а всегда, хочется с тобой в осенний лес, чтоб пахло осенью, чтоб было солнышко и желтые с красными листья и чтоб было еще что-то, только что, я не знаю. Словом, чтоб было хорошо. Нет, знаю, «что-то» — это очень хорошо. Помнишь, так бывало уже. Хочу тебя и подмосковную осень!

А этого так долго не будет. Ни тебя, ни осени. У меня ведь будет лето, а потом сразу зима. Но, может, в конце сентября выдаться хоть один хороший денечек, и мы обязательно приедем на дачу и пойдем в лес. Напиши, что ты тоже хочешь. Тогда в этот месяц мне будет не так грустно, и я буду мечтать о тебе и об осеннем лесе.

Как дела у Вадика Жукова? Я Жукова очень люблю.

Сегодня уже утро. Вчера погас свет, и я не могла дописать, а сегодня утром ломала голову, почему же я люблю Жукова. Вернее, почему я это написала. Теперь вспомнила: я Жукова люблю за то, что ты его любишь, и буду любить всякого (кроме женщин),

кого и ты. И буду любить всех, кто тебя любит (кроме женского пола, конечно).

Как удивительно быстро проходит день на даче. Встаем в 10 часов, завтракаем и идем гулять куда-нибудь далеко. Ходим до двух часов, в два – второй завтрак и сразу ложимся спать до шести часов. Тут уже обед. После обеда идем гулять, говорим о жизни и о любви (не называя фамилий), о красотах природы и архитектуры, в промежутках растаскиваем Бобку с каким-нибудь псом – Диком, Тифом, Джоном и всеми остальными собаками НИЛа. После этого сразу надо смыть кровь (собачью). Приходим домой часов в 9–10 и сразу ложимся спать.

Мы сегодня утром пошли звонить на скотный двор, и надо было подождать полчаса, и я повела Нину смотреть дом, в котором ты жил. Я на него смотрю, но не уверена, что это он. Потом увидела лестницу на крышу и вспомнила, как в твой день рождения мы с Миркой Кнушевицкой и Мишкой Державиным лазили туда.

Сейчас ходили в лес далекий, помнишь, куда с Рапопортами за грибами ходили, а потом на кладбище. Очень жалко, что я не с тобой ходила (не в мыслях, а на самом деле).

Кис, тебе неинтересно, наверное, все это. Ведь я тебе описываю буквально все, что я вижу и чувствую. На меня напала потребность описывать каждый свой шаг, вернее, мне все сейчас кажется очень значительным и настолько важным, что об этом невозможно не писать. Все-таки здесь настоящий рай, и отдыхаю я очень хорошо.

Ну, пора спать.

• • •

18 августа 1957

Здравствуй, мой золотой птенчик!

Я очень, очень скучаю по тебе, скулю и примерно веду себя, несмотря на оргическую атмосферу вокруг.

Не писал несколько дней, ибо был в страшном волнении и переживании, и настроение писать хоть и было, а возможности спокойно сесть за стол не было.

Пишу подробный отчет о своем житье-бытье – все по порядку.

14 августа – премьера «Акации» – уйма волнений. Смотрел художественный совет и приехавший из Москвы представитель комитета, смотрел весь Театр имени Заньковецкой, где идет «Акация». Успех был очень большой, немного иного характера, чем в Одессе. Не такой бурный, но тоньше и тем ценнее.

15 августа. Утром заседал художественный совет по поводу «Акации». Ругали Маркову, Лифанову и чуть-чуть ведущих. Говорили много разного – для меня самое ценное – Бирман*: «Очень приятны в спектакле Колычев, Ширвиндт и Лихачев». Бирман – это очень сложно, и ее похвала особенно ценна.

В два часа дня обнаружилось, что 16-го в «Нашем общем друге» некому играть Лэммля – сквозная роль по всей пьесе. Дали, конечно, мне – кобылка, проверенная на Одессе. Спектакля я не видел, играл что-то другое в Одессе, текста еще нет, и неизвестно, у кого пьеса. Так мне нужно было играть второй раз в пьесе, которую не видел и не репетировал. К вечеру дали текст – учил, учил – ничего не ложится, да и только. Утром 16-го дали одну разводную репетицию – тяп-ляп, халтура. Вечером загримировали в парик и баки, напялили фрак и манишку, дали в руки трость, цилиндр и перчатки и – пошел на бал в английском великосветском обществе. Что куда девать, не знаю. Когда чего и после кого говорить – тоже. Болтался, болтался, даже танец танцевал. Сыграл. Один раз перепутал, кто чей муж и на ком я должен женить мистера Флэдджи – предложил ему жениться на моей собственной жене. «Не забыли ли вы, мистер Флэдджи, что я обещал женить вас на мисс Лэммль?» Ничего, прошло. Хвалили, говорили «молодец», профессиональный, мол, и хваткий (говорили за глаза – значит, честно). Это была, очевидно, моя последняя премьера в гастрольях.

Здесь запустили репетировать две новые пьесы: «Товарищи романтики» (ставит Майоров) и «Женщины Нискавуори» (Бирман). Я ни в одной не занят – начинаются утренние каникулы. Представляешь, как мне жаль, что тебя нет рядом!

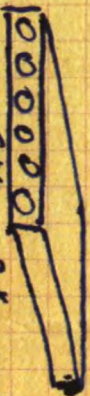
* Серафима Бирман – актриса и режиссер.

→ Gene by Sweet Chromosome
Gene Seg need.

When sweet trap molecule of Chromosome
Sweet.

Molecules in 6th & 3rd & 5th. -
Molecules.

Львов – великолепный город, с каждым днем влюбляюсь в него все больше. Кладезь архитектуры, разностильной, эффектной, прекрасно расположенной.

Был в Кафедральном католическом соборе на конфирмации – трогательное зрелище. В книге о Варшаве (помнишь, ты мне показывала) есть его двойник – посмотри. Костелов, соборов и мечетей полно. Один интереснее другого. Церквей очень мало. К сожалению, во многих соборах – склады и тресты, так что посмотреть не удастся. Очень хорош Иезуитский костел. Около него – скверик и тысяча голубей – кусочек Рима. Очень жаль, что у меня нет аппарата. Только здесь я это понял до конца. Хороша городская ратуша (теперь – горсовет).

Был в Львовской державной картинной галерее. Коллекция очень рваная и небольшая. Интересны поляки – мы их почти не знаем. Хорош выставленный много Семирадский.

Матейко есть интересный. Подробно все записал и потом тебе расскажу.

Сегодня начали репетировать пьесу, и я остался один – без своих ребят, Вадьки и Юрки. Пошел – дошел до вокзала. Хорош, в стиле города. Потом сел на трамвай и поехал в Стрийский парк. Такой красоты я давно не видел – 60 гектаров великолепно расположенного сада в прекрасном состоянии. В парке – выставка. Вроде нашей сельскохозяйственной, только меньше, чище, уютнее – и никого народу. Ходил, смотрел. На пустыре долго-долго изучал гражданское строительство – теперь твой Кис не профан.

Много лежит моих любимых «крупноблочных блоков». Называются они пустотные.

Не буду тебе писать всего, что я почерпнул на выставке, но знай, что теперь я в гражданском строительстве разбираюсь.

Живем мы дружно и хорошо – счастье, что есть пара людей, с которыми можно быть откровенным. Пока я им верю, а это много – ты знаешь.

Осталось во Львове мне посмотреть кладбище – говорят, грандиозное, холм Славы и кое-какие мелочи. Центр города – европейский, много гостиниц и памятников. Памятник Мицкевичу ве-

ликолепен (рисовать не буду, боюсь опозлеть). Оперный театр – миниатюра Одесского (то есть не миниатюра, а меньшее повторение). Главный занавес, который вообще не опускают (нам после спектакля его показали), – полотно Семирадского: мифическая сцена на одном несшитом холсте – великолепно.

Так ты мне и не написала, когда ты едешь, с кем и на сколько времени. Напиши точно-преточно, слышишь? Сегодня ночью снилась ты с Мишкой Козаковым – гадость!

Ехал на трамвайчике – улочки здесь узкие и кривые, дивные. Кондукторша узнала, заволновалась, побежала говорить вагоновожатой, та заволновалась-заволновалась, стала оборачиваться-оборачиваться, а меня не видно – я закрыт от нее дядей, а она все больше волнуется-волнуется, уж почти спиной к движению сидит, а трамвайчик, не будь дурак, взял да и зацепил телегу, а телега переезжала улицу, а на телеге много-много помидоров, а все помидорчики, не будь дураки, посыпались-посыпались – страшный был скандал: крик, акт, протокол – и все из-за Киса твоего! Вот какой я страшный человек! Гордишься ты своим Кисом, который столько помидоров рассыпал?

Целую, целую.

Твой

• • •

27 августа 1957, 11 часов вечера

Получил посылку. Милый мой, трогательный Кисик! Как смешно посылать яблоки на юг, где яблоки 1 р. 50 – 1 р. кг. Все смеялись и умилялись, и я тоже умилялся моему Кису, который помнит, что я люблю твердые яблоки с дачи.

Сию дома один, пью чай с твоим зефиром – вкусно. Жаль, что ничего нет больше, даже хлеба и сахара. Вот сейчас бы сюда мою Кису и чтобы она спросила: «Что ты будешь кушать?» А я не заломался бы, как обычно, а крикнул бы: «Все, все буду!»

Отыграл «Фабричную». Мои ребятки играют «Взрослые дети», придут поздно. Завтра у Вадьки день рождения. Подарю ему одну из двух пар купленных нейлоновых носков.

Вчера ночью звонили мне с «Мосфильма», хотя, чтобы срочно прилетел пробоваться. Картина фестивальная «Девушка с гитарой». Сценарий опять Полякова, снимает Файнциммер, прекрасный режиссер. В главной роли – Гурченко, в мужской был Сашка Шворин, но, очевидно, что-то случилось, и они вызывают меня. Я сказал, что раньше 2-го и разговора быть не может, тем более что у меня уже билет на утро 2-го на руках. Они сказали, что если понадобится, то я вылечу самолетом 2-го. Жду завтра от них телеграмму – ужасно не хочу лететь.

Львов уже порядком поднадоел. Даже европейский колорит больше не привлекает – домой, только домой, к тебе, но ты далеко, а в Москве опять работа, неприятности с театром, если что-нибудь выгорит с кино, и так далее.

«Франческо да Римини», Чайковский, «Испанская сюита» – сейчас передавали и передают – прелесть. Сколько мы собираемся с тобой в консерваторию – ну, не стыд ли это, не позор?! Музыка, живопись, классическая поэзия – вот, пожалуй, и все, что еще в силах как-то уравновесить безысходную, становящуюся с каждым днем все томительнее и пустее нашу жизнь. И мы, преступники, мы, пошленькие житейские муравейчики, копошащиеся во всем смерче событий, угроз, предчувствий и очевидностей, – мы не ценим, не хотим брать эту отдушину, эту абстрактную прелесть – гармонию звуков, слов и красок, данную жалким, несчастным людишкам для минут слез, счастья и света. Как редко думаешь об этом в хаосе дрязг и мелочей, возносимых в явления, и тем очевиднее глупость повседневной суеты, внезапно столкнувшаяся с величием подлинного, единственно вечного и гениального.

Прости, мой милый, что я бормочу что-то невразумительное и неконкретное – я ведь знаю, ты у меня романтик-землевик, а я вдруг куда-то заехал в никуда. Но ты все равно поймешь меня и поверишь мне, ибо ты любишь меня и тебе, так же как и многим, плохо, скучно жить «в никуда». Мы с моим любимым чутким Кисом еще решим, и решим навсегда, твердо, умно и красиво, очень красиво, как мы будем бороться с давящей людей злобой скуки

и безысходности, создав свой, пускай узкий мир (а не мирок) интересов, любви, целей, мыслей и желаний. Желаний настоящих, сильных. Страстей красивых, любви большой и вечной.

• • •

29 августа 1957

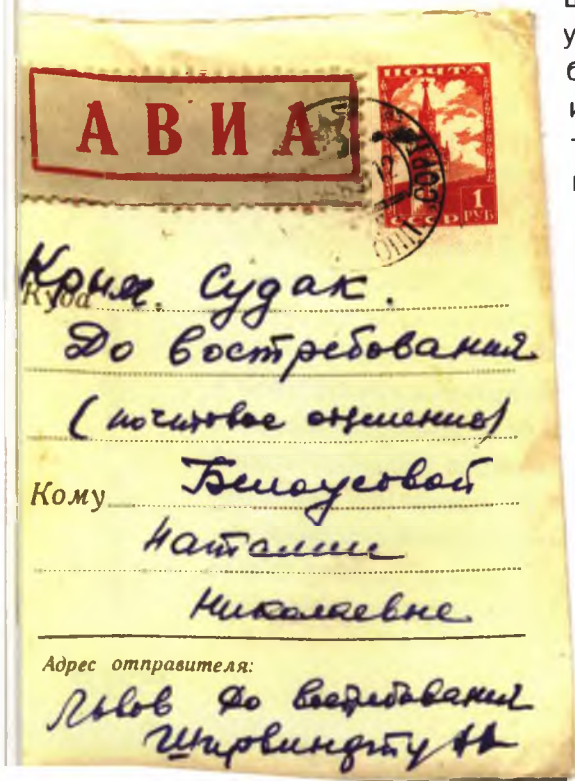
Здравствуй, любимая моя Киса!

Получил от тебя письмо уже из Судака – очень рад, что ты довольна, что солнце, что кровать с местечком для меня, что море для тебя и все рядом. Как бы я хотел слетать к тебе на денечек, очень, но пойми, радость моя, что даже на денек не получается – у нас столько событий.

7-го выпускаем «Когда цветет акация» – Римку Маркову* сняли с роли – репетирует Двойникова** – каждый день все сначала. Вчера Ленька Марков пришел к Штейну*** и сказал, что он не может репетировать с Двойниковой и просит его отпустить.

Штейн не отпустил его, тогда тот взял и ушел сам. Всю ночь шел худсовет, разбирая этот беспрецедентный случай в истории театра. Сегодня на собрании труппы Леньку сняли с роли в «Акации» (он играет ведущего), а в Москве будут решать еще раз этот вопрос. Нам же с завтрашнего дня и без остановки уже в поезде репетировать опять все снова – вводить Сергеева на роль Маркова. Надо уже играть и играть «Акацию», а ее замусоливают без конца. Так что не огорчай меня своими призывами, которым я бы с

* Римма Маркова – актриса, сестра Леонида Маркова.
 ** Гертруда Двойникова – актриса.
 *** Сергей Штейн – режиссер.

...
 до Киса, ну правда, ему мой успех и мой
 сон, правда, все свои снах сказало и вроде уже
 писал нам адекватный сон, но уже без
 Киса. "Лагу" - слышит сон и посылает
 по мне.

Меня ведь Валюша - дождет ли мой успех -
 ведь ты не пишешь об этом. Каким образом
 агае тебе, тогда днелее что писало.

и тоже не д...
 меня больше об...
 лучше слышно.

← Это же тушью...
 стол и я...
 в хранилище - пишу тебе,
 медно - слышу свою
 поговоришь и слыш -
 - не так как с... Виснуть.

такой радостью последовал, будь хоть малейшая возможность. Осталось жить во Львове три дня – и домой.

Я очень хорошо понимаю и знаю, что тебе сейчас не до меня (я говорю в том смысле, что всегда на море, на отдыхе страдает меньше, думается и любитя проще, забывается быстрее – и все легче, легче, проще, проще). И все-таки знай, хотя бы умом, и чуть-чуть сердцем, что хныкающий Кис очень ждет тебя и любит и ему плохо. И уделяй ему в думах кусочек времени, когда усталая, после моря, солнца и прочего ты склонишь свою уже загорелую, надеюсь, головку на подушку. И в тот момент, когда сон начнет хватать тебя за кончики ресниц, поборись с ним хоть минуточку, скажи ему: «Неудобно мне молниеносно засыпать, мне надо обязательно вспомнить Киса, поцеловать его и пожелать ему спокойной ночи». И сон покраснеет и отойдет на секундочку к Нинке, Машке и другим, у которых нет такого верного и любящего Киса и которые могут засыпать молниеносно. Потом сон придет и спросит: «Ну как, можно?» «Да, – скажешь ты, – но еще мне надо полежать и подождать, пока ты долетишь до Киса, передашь ему мои мысли и мой сон, чтобы он спал спокойно и чтобы приснился нам

Воспоминания с трагедии

одинаковый сон, но уже без Козакова». «Ладно», – скажет сон и полетит ко мне.

На рисунке – мой гримировальный столик и я, отраженный в зеркале, – пишу тебе письмо. Спину свою нарисовать не смог – не знал, как ее втиснуть. Нам надо срочно заняться живописью – столько хочется в письмах нарисовать, а техники не хватает, жаль. Сегодня, например, хотел нарисовать тебе оперный театр, как он выглядит со сцены. Очень красиво. Не могу. Пробовал, пробовал, сделал много эскизов и набросков – все они меня не удовлетворили, так что я их оставил для музея, а тебе не рискнул послать.

Из Москвы буду писать тебе реже, потому что ты меня к тому времени будешь меньше любить, как ты мне сказала по телефону, а поддерживать и подогревать твое чувство и твою память слезливыми письмами не хочу. Да и вообще мне кажется, не пиши я тебе, ты забыла бы меня, потому что ты не меня любишь, вернее, ты не меня лично любишь, а осязательную, материальную человеческую единицу, привычную, знакомую и повседневную. Ты не можешь сейчас уже меня ждать, помнить, страдать вдали. Без весточки, без строчки все это, увы, у тебя прошло, стали наши отношения примитивными и поэтому скучными. Нет сил, как мне не хочется, чтобы когда-нибудь мы превратились бы в скучных супругов, чтобы кончился наш роман, прошел бы трепет от ощущения друг друга, охладели бы чувства, притупились желания – это гибель, это смерть. Ты мне возразишь, что люди, живущие рядом столько лет, поневоле становятся холоднее, привычнее, обыденнее относятся друг к другу. Нет, не хочу, не буду, так и знай!

Я, конечно, психую! Ты у меня хорошая (ты не любишь этого слова), ты у меня и для меня вечно новая, ты для меня всегда трепет и страсть, всегда желание и неизведанность. Я люблю тебя, я, конечно, верю, что и ты любишь меня, любишь сильно, и что не закралось в тебя ни доли прозы, ни крупинки скуки, ни даже мысли о конце романтики в наших отношениях.

Ты всегда упрекала меня, что я прозаик, что не фантазирую и не мечтаю, и никогда не задумывалась о том, что столько лет мы пусть странным, пусть подчас жестоким и трудным путем несем

как святыню свою влюбленность!!! Да, мы с тобой любовники! Любовники – в лучшем смысле этого слова. И дай нам бог, чтобы мы были ими как можно дольше, чтобы нам всегда хотелось быть вместе, ругаться, спорить, расходиться по углам, расставаться навеки и приходить на всю жизнь – в общем, чтобы нам хотелось! Мучилось, сомневалось и любилось трепетно и умно. Я люблю тебя! Спокойной ночи, мой птенчик!

Целую.

Твой

• • •

Письмо Наталии Николаевны

28 августа 1957

Кисонька!

Сегодня третий день, а я уже очень хорошо загорела. Погода и море – великолепные!

Сегодня лазили на Генуэзскую крепость – красота изумительная, правда, местами очень страшно. Это на огромной высоте, над самым морем, и там очень скользко, можно сорваться вниз.

Тебе звонить я могу в любой день с 6 до 7 утра. Это единственное время, когда дают Москву. Иногда можно после 12-ти ночи, но в 12 выключают свет, и идти на почту в полной темноте страшно. Мы встаем в 6 часов, так что мне нетрудно позвонить, но я боюсь, что ты будешь совсем-совсем сонный и разговора не получится. А вообще я постараюсь позвонить ночью, так что ты на всякий случай после половины первого бывай дома.

Меня очень волнует, что ты будешь делать в Москве без меня. В свободные дни поезжай к Курепиным на дачу, они ведь наверняка будут там долго.

Ты мне не пиши «Главпочтамт». Судак – это небольшая беленькая деревня. Анапа, и та раз в сто больше Судака. В этом его прелесть. Самое приятное, что тут мало людей. Пиши: «Крым, Судак, до востребования».

Востокки с траассы

30 августа

Все ушли на море, а я осталась дома. Сделала две неплохие акварельки – море и вид из окна, нарисовала и склеила абажур на лампу, все прибрала и села тебе писать.

31 августа

Боже мой, как это прекрасно!

С гор подул ветер (правда, романтично?). Мы пошли к вечеру на серный источник в горы. Трудно передать чувство, которое охватывает тебя: дышится легко и свободно, ничто и никто не угнетает тебя, можно ходить по горам целый день и не встретить ни одного человека. Море огромное, живое, с каждым подъемом меняет очертания и окраску. И ветер такой ласковый, хочется подставить ему руки, лицо, чтоб растрепал волосы и погладил кожу.

Умылись у источника. Тихо. Внизу беленький южный Судак со множеством виноградников. На юге после захода солнца через 20 минут – совсем темно. Мы стали спускаться вниз, и тут начался ужасный ветер.

Представь себе: внизу шумит море, четко выделяется силуэт Генуэзской крепости, луна сквозь тучи, величественные горы, ветер, срывающий одежду, и мы – пять маленьких существ, с трудом борющихся со стихией. Это было жутко и великолепно! То останавливаешься пораженная и думаешь о бессмертии, то с каким-то животным криком восторга несешься вниз, то расслабляешь мышцы и отдаешься ветру. Да за один такой миг можно отдать десятки лет жизни! Как я жалела, что тебя не было со мной! Ты бы тоже ощутил всю прелесть жизни.

Но по мере спуска экстаз проходил, ветер нес с собой пыль, тучи закрыли луну, и стало совсем темно. Я вспомнила рассказ О'Генри «Вопрос высоты над уровнем моря», помнишь?

Нет, обо всем этом нельзя ни писать, ни рассказывать. Это надо видеть самому, самому почувствовать.

1 сентября

Когда я думаю о тебе, мне очень беспокойно становится на душе. Кис, в чем дело? Ты меня любишь? Не забыл?

2 сентября

У нас как бы отдельная квартира, Наташа Абрамова с нянькой Верой живут в другой комнате и отдельно ведут хозяйство.

Мы думаем съездить в Коктебель, Ялту и Гурзуф и, может быть, в Алушту и Феодосию.

Вчера вечером ходили на гору Алчак. Язык уже сам все время произносит: «Ой, как здорово, ой, до чего красиво!» И каждый раз решаем, что это место самое красивое и что сюда будем ходить каждый день. И так уже целую неделю. А ночи сейчас какие дивные! Луна. Море. Лунная дорожка, и мы купаемся голышом.

Как ты себя чувствуешь? Если любишь меня, сходи, пожалуйста, к врачу. Ты мне нужен здоровый (хотя и заморыша тоже буду очень любить).

Твоя

3 сентября

Сегодня с утра была плохая погода – все затянуло облаками и тучами, накрапывал дождь, но мы все равно купались. А потом стало проясняться, а тучки не глупы, взяли и зацепились за горы и долго с них не слезали, а сейчас совсем хорошо стало.

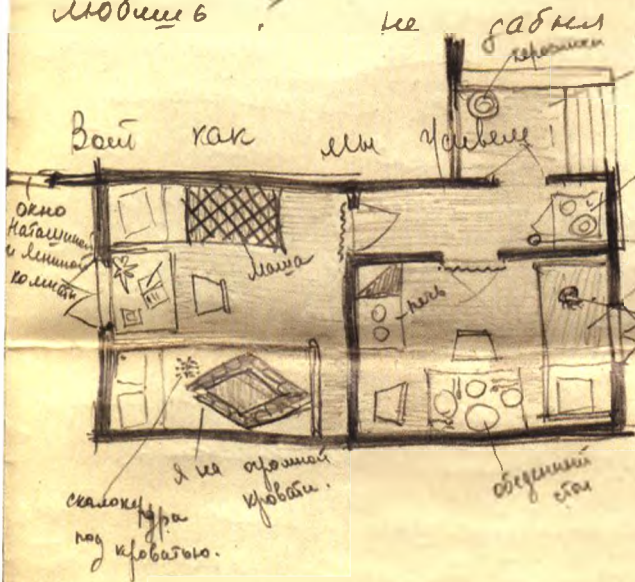
Искупались еще раз. Сходили на почту. От тебя последнее письмо из Львова. Сказали, что Москву ночью не дадут. И с горя пошла с девчонками в «Уютное» к нашим институтским мальчикам. Их тут 5 человек, и завтра приедут еще трое, а всего в маленьком Судаке наших 25 человек, если не больше.

8 сентября у нас праздник, купим уток и вина – ведь мои именины (не забудь меня поздравить! Правда, ты получишь это письмо после 8-го).

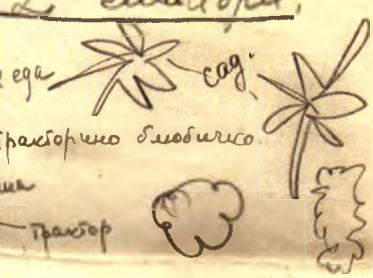
Кей обо всем тебе пишу и расказываю, это надо тебе самому, самому поучебковаться.

1 сентября

Когда я думаю о тебе, мне очень не спокойно становится на душе. Как, в чем дело? Ты меня любишь? Не забывает ли меня?

2 сентября

У нас как бы отдельная квартира, каюта с мамой живут в другой комнате и отдельно ведут хозяйство.

Мы думаем съездить в Костомаров, в Липецк и Турдуф и, может быть, в Анжуй и в Фреосило.

Вчера вечером ходили на гору Аилак. Дух уже сам всё время присутствует. Ой, как здорово, ой, да это красиво! И каждый раз решали, что это место самое красивое и что сюда будем ходить каждый день. И так уже целую неделю. А еще пойдём в

Когда возвращались домой, из-за гор появилось страшное зарево. Мы испугались и сейчас еще боимся, оно не проходит, оно не над горизонтом, а выше.

У нас уже разговоры такие: «Я с собой в Москву возьму то-то, а меня будут встречать те-то, а как приеду, пойду туда-то». Мы, чтоб отдыхать во всех смыслах, твердо постановили не говорить: 1) о любви, 2) о мужчинах, 3) о Москве. Итак, говорим только на исключительно умные темы.

Ну, целую, мой дорогой. Как завидно смотреть на пляже или на море на любящие пары, а еще грустнее вечером при луне у моря.

Целую еще раз, ложусь спать, а то я завтра дежурная, надо до 6 часов приготовить завтрак, чтобы идти говорить с тобой.

Твоя я

Из Москвы в Судак

11 сентября 1957

Здравствуй, Кися моя дорогая!

Вчера вечером получил сразу три твоих письма! Спасибо! Завидую тебе и рад, что тебе так хорошо.

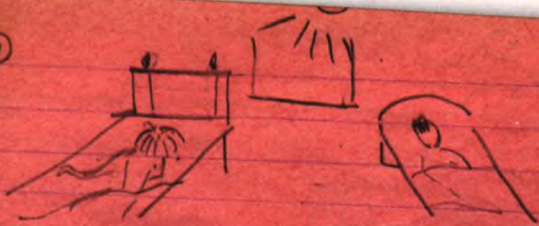
Сегодня вечером – премьера «Акации». Вчера был просмотр – прошел не очень важно. Родичи сказали: я понравился, спектакль – нет. Странно!

Новостей никаких, сижу сейчас дома и думаю о тебе. Очень хочу, чтобы приехала 22-го, а если сможешь – 21-го, ибо вот репертуар:

- 16 – «Колесо счастья»
- 17 – «Фабричная девчонка»
- 18 – выходной
- 19 – «Колесо счастья»
- 20 – «Когда цветет акация»
- 21 – «Годы странствий» (свободен)

9

10

19

11

напег 12

до встречи.

13

в центре

14

- 22 – «Друзья-сочинители» (занят и хочу, чтобы ты посмотрела)
- 23 – «Фабричная девчонка» (не играю – целый день наш)
- 24 – «Акация» (смотришь)
- 25 – выходной день (целый день наш)
- 26 – «Акация» (смотришь)
- 27 – «Акация» (смотришь)
- 28 – «Акация» (смотришь)
- 29 – утро – «Колесо» (смотришь), вечер – «Фабричная» (после «Колеса» едем на дачу и возвращаемся)
- 30 – «Акация» (смотришь).

Кроме того, 23-го утром едем на дачу к Курепиным до вечера 24-го, а 25, 26, 27, 28 – целый день вместе и придумываем себе мероприятия.

Много хочется рассказать тебе и посоветоваться. Я наяву люблю тебя больше, чем в письмах, но разговаривать с тобой удобнее письменно, так как ты не возражаешь и глупо не споришь, а сидишь тихо-тихо и чутко, внимательно слушаешь и отвечаешь любя и понимая.

Завтра поеду на студию – надо подзаработать где-нибудь, а то нет денег. Мы купили шкаф – большой и коричневый – красного дерева.

Целую крепко, в ладошку тоже.

Твой

• • •

12 сентября 1957

Киса, радость моя!

Вчера сыграли премьеру – ты даже не поздравила. Ну, ничего, наверное, забыла. Прошло все хорошо – много цветов и поздравлений. После спектакля – банкет в «Гранд-отеле». Было довольно вкусно и мило – никто сильно не напился, и речей подхалимских тоже никто не произносил.

Утром сегодня сыграли «Акацию» вместо спектакля, декорации к которому не пришли из Львова. Вечером опять «Акация».

Лежу дома, читаю скетчи, думаю об эстраде – мои уехали на дачу в Красково. Я один, покинутый. Не знаю, как будет дальше, пока что я веду паразитический образ жизни: отыграл утром – домой и спать до вечера, отыграл вечером – домой и спать до утра. Сегодня день рождения няньки Наташи – подарил ей сумку и конфеты. Она целый день в церкви – обеда нет. Пойду сейчас в столовую – это вернее всего.

Ну вот! Уже поздний вечер – отыграл спектакль. Хорошо прошел. Много цветов принесли в уборную. Это большая радость – поздравления с премьерой. Тебе это, очевидно, непонятно. Но это то, ради чего и играется спектакль. Это та благодарность актеру, которая ему необходима. Именно поэтому, а не почему другому, мне грустно не получить от тебя весточки в день премьеры, в день битвы и радости, в день моего успеха – ты должна, ты обязана быть рядом в этот момент. Хотя бы в двух строчках телеграммы. Почему это должны делать какие-то писюхи и не писюхи, но люди гораздо более далекие и чужие, нежели ты. Ну ладно, хватит! Следующая премьера еще далеко, авось там будет лучше.

После конца спектакля множество молодежи рвануло к сцене и, толкая друг друга и перебивая, стали группами скандировать разные фамилии. Одна – Ларионова, другая – Ширвиндта. Остальные группы были малые. Эти две долго конкурировали, кто кого переорет. Смешно! Получил два премьерных букета великолепных гладиолусов. Один букет – сплошь из темно-красного бархатного цвета – красота. Много писем и записок. Вышли – толпа молодежи. Разбрелись по нам и провожали – меня тоже провожало человек 8–9 (довольно приятно после премьеры, тем более что ты забыла).

Пришел, лег, пишу тебе. Скоро, скоро, остается уже 2 недели до твоего приезда, скорей бы уж.

Целую крепко.

Твой забытый Кис

16 сентября 1957

Киса! Это я! От тебя вот уже несколько дней нет писем. Ты знаешь, я даже не огорчаюсь. Если ты для меня исчезнешь, я, наверное, уеду из Москвы – мне все безразлично и почти все безумно раздражает. Одна ты заставляешь меня мечтать, думать, хотеть. Если это исчезнет, порву со всеми и начну самостоятельную жизнь. Ты знаешь, я не кричу и не паникую. Я думал об этом очень много в гастролях и совершенно определенно пришел к выводу, что вот уже 4 раза в жизни я выезжал надолго из дома и окунался в трудную и самостоятельную жизнь (Баку, Ленинград–Киев, Одесса, Львов). И пришел к убеждению, что там я становлюсь по-человечески гораздо взрослее, серьезнее, ценнее. В общем, лучше по всем статьям. И именно там я добивался чего-то во всем важном. Жаль родителей, всего, и я, конечно, никуда не денусь, но то, что делается со мной сейчас, показывает, насколько ты дорога мне.

Ты нужна мне – я сам не свой (глупое, но верное выражение). Писем от тебя нет. Мне лезут в голову страшные вещи. Но из самого ужасного – ужаснее всего – потерять тебя.

Ну, к черту, – идиот старый!

Пока!

Твой

Письма из Уфы, 1958 год

19 июня 1958

Мой дорогой, любимый птенчик, здравствуй!

Уфа, 19 июня, 10 часов 30 минут местного, 8:30 московского времени. Пять дней дикой, всепоглощающей скуки. Ты знаешь, даже не за что зацепиться в симпатии или каком-либо маломальском интересе к чему бы то ни было. Жара – 35–40 градусов. Пыль страшная. Город тухлый, грязный, ни молока, ни еды, магазины почти пустые. Надеялись, что можно будет покупаться – ведь три реки: Белая, Уфимка и еще какая-то, но до них добираться, как до Кратова, да еще переть пешком обратно в высоченную гору километра два с половиной. Нет ни времени, ни сил.

Каждое утро – «Романтики» – премьера 28-го числа. Вечером играю пока каждый день. Принимают, правда, очень хорошо – сплошные аншлаги. Живем в центральной гостинице «Башкирия» в маленьком номере – я, Вадька и Юрка. Они шлют тебе свой привет. Живем, как всегда, – ворчим и развозим грязь. Вчера вечером, например, Вадюша купил рыбные консервы и, сожрав их, ушел гулять, оставив на столе банку и умудрившись выпачкать рыбой всю имеющуюся у нас посуду. Вонь стояла страшная. По приходе был бит.

Единственная радость – бильярд в гостинице. Твой Кис пока что чемпион театра – самые опасные соперники – Пелевин* и гример.

С кино – полная хана. С «Романтиков» мне уж никак не вырваться – дал позавчера телеграмму, жду трепетно ответа. Думал, что смогу вылететь 1-го числа, так как Казань начинаем 4-го, но тут вдруг вчера вечером возник вариант, что мы еще до 3-го останемся в Уфе играть «Романтиков». Если это подтвердится – полная труба.

Сейчас пойду на почту получать от тебя письмо. Как Юлька? ** Какие части тела она в тебя упирает и когда?

* Александр Пелевин – актер Театра имени Ленинского комсомола.

** Юлька – будущий Мишка.

Душно очень. Водку не пью, последний раз пил в дороге – креплюсь, хотя соблазнов уйма, а тоска и скука только на это занятие и толкают.

Роль в «Романтиках» – темная страница в моей творческой биографии – даже не расстроен, а удивлен, ну, понимаешь, просто ничего не получается – серо и неинтересно. Что будет – не знаю.

Я скучаю по тебе и по Юльке – целую вас крепко в ножку и куда хочешь. Пиши подробно, не обижайся на меня – писать ну буквально нечего и некогда. Буду сегодня тебе звонить.

Твой

• • •

Письмо Наталии Николаевны
23 июня 1958, 9 часов вечера

Ну вот я и на даче. Я тут не могу жить одна, совершенно нечего делать, некуда пойти, не с кем общаться. Если ты в августе будешь все время на съемках, я буду жить в Москве и потом я просто буду бояться быть так далеко от какого-нибудь медицинского пункта, у меня теперь страх перед удаленностью от него.

Сегодня был третий за Юлину да и, пожалуй, за мою жизнь страшный случай. И главное, все произошло при мне.

Папа полез отпиливать верхушки деревьев, а мама стояла наверху и говорила, на каком уровне пилить. И вдруг то ли папа потерял равновесие, то ли сук обломился, но папа упал на спину с очень приличной высоты – плашмя. Был такой страшный звук, как будто упало большое дерево. Мама, стоя наверху у открытого окна, вскрикнула, с ней сделалось плохо. У папы от удара сперло дыхание, и он страшнейшим голосом воет, а я между ними с Николкой*, который с перепугу начал дико орать. Ноги у меня ватные, боюсь к папе подбежать, посмотреть, что с ним. И за маму ужасно испугалась. Хорошо, мама быстро пришла в себя, и нянька прибежала, взяла у меня Николку, и я подбежала к папе, начала ему спину тереть. Немножко лучше стало, хоть так страшно стонать перестал. Полежал, потом доплелся до дома, его тут же знобить

* Николка – племянник.

всего начало, лицо совсем синее. Что делать? Брата нет, машины нет, если идти звонить в Москву, это очень долго. Но, слава богу, кажется, все обошлось. Во всяком случае, переломов нет, и легкое не отбито, иначе кровь горлом пошла бы. И главное, довольно быстро стала проходить боль.

Бедная Юлька, как ей достается. Чувствую себя совсем плохо, болит голова. Сейчас надвигается гроза, наверное, выключат свет, надо скорей умыться и ложиться спать.

Ну вот, пишу уже в постели, свет еще горит. Попробую отвлечься и писать о чем-нибудь приятном.

Перед отъездом я была в мебельном магазине, продаются, во-первых, двуспальные матрацы (шире, чем наш на Скатертном) и кровати односпальные, дерево.

Еще хочу зеркало – их продается очень много, разные. Занавеску и тумбочку для лампы к кровати. Вот мой минимум, но это, правда, все для отдельной квартиры. Узнал адрес маклера? А пианино поставим в столовой, а вторая комната будет твоим кабинетом, как ты хотел. Но только что ты там будешь делать?

А наша комната будет спально-детская. Например, такая: 4х4,60 метра (18 квадратных метров).

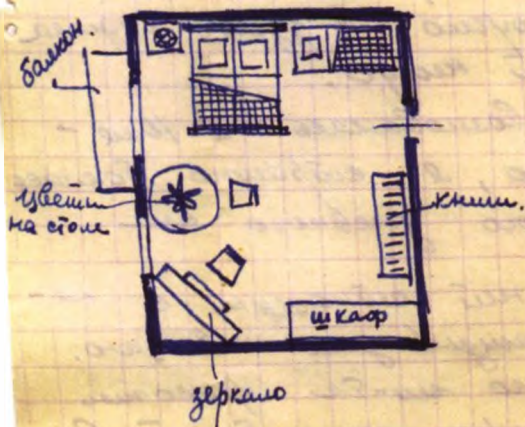
24 июня, 5 часов

Сегодня чувствую себя несравненно лучше, правда, уже спала два раза по два часа. Папа, кажется, очень удачно упал – болит только все снаружи, аппетит хороший и настроение тоже. А это самое главное. Даже сейчас предложил мне пройтись в лесочек (лежит пластом все-таки).

Я тут третий день и все время лежу, просто от скуки. И некуда абсолютно ходить.

В Уфе меха нет? Нам ведь с тобой очень нужны пыжиковые ушанки. Очень жалею, что тогда не купили. Если увидишь, купи обязательно, сколько бы ни стоили, деньги пришлю телеграфом, так что на день занять всегда можно. Я здесь ходила по комиссиям – нет нигде.

Как ты хотела, но только это ты так
будешь делать?
А наша кемингта будет маленько-детская
всё капринер такая: $4 \times 4,60$ метра. (18 м^2)

24 июня
5 часов.

Сегодня чувствую себя
несравненно лучше, правду
уже спала 2 раза по
2 часа. Мама, самейся,
очень удачно узнал, больше
только всё старушки, а
тыи хорошие и красивые
тоже, а это самое глав
Даже сейчас предложит мне

прейтись в лесок (лучше мамой всё-таки
я туйи прейтии день и всё время лезу,
проси ои скуки, и некуда абсолютно ходи

Я за вчерашний день наволновалась, и Юля-Гриша сутки молчало, я страшно боялась. А сегодня после второго дневного сна опять затолкалось.

Мама мне вчера сказала, что ты ей ужасно нравишься (а раньше она мне этого не говорила, так как боялась, что я еще больше влюблюсь в тебя) и что чем больше она тебя узнает, тем ты лучше оказываешься. Ну и дальше был длинный разговор о том, какой ты замечательный, милый, приятный...

А Дуда* сегодня сказал, что ты очень серьезный человек и ты ему нравишься, причем сказал вдруг: сидел-сидел, молчал-молчал и вдруг изрек (как тебя хвалила мама, он не слышал, так что это он сам придумал).

Твоя жена

* Дуда – дед, академик Семенов.

Уфа, гостиница «Башкирия», 25 июня 1958

Киса!

Это я! Не сердись, что не пишу часто – ей-богу, нечего! Кстати, от тебя получил лишь одно письмо, а ведь обещала писать часто!

Играем каждый день и каждый день репетируем. Из событий: всем театром вывозили нас на природу – на пароходике по реке Белой. Целый день гуляли, загорали, плавали. Здесь по всей реке стоят палаточки, фанерные домики, землянки, а рядом – машины, мотоциклы – живут, как мы в Мышкине, – уютно, хорошо. Так захотелось в Мышкин – вообще очень хочется отдохнуть. В тот день все безумно обгорели, и я тоже. Плечи побаливают.

28-го – премьера «Романтиков» – кажется, будет страшный провал. Получаю каждый день по телеграмме из Кишинева – там полная паника, хотят меня с 1 по 20 июля – бред. Майоров и слушать не желает. Что будет, не знаю.

Уфа – страшный город, но проходим здесь на «ура» – сплошные аншлаги. Есть пара рецензий, но у меня нет газет – Кису твою хвалят. Играем в Башкирском оперном театре и параллельно в новой Уфе – городе Черниковске. Город, построенный у завода, огромный – чистый, типовой и безумно скучный.

Сейчас сидим с Вадькой в номере и в две руки строчим письма. Колычев ушел в баню. Сегодня прогон 3-го акта. Моя самая нелюбимая картина – 8-я (вокзал).

Все наши очень хотят ехать до Казани пароходом, но руководство боится, что мы опоздаем.

Днем буду звонить в Кишинев на студию и окончательно выяснять, когда и что и не выгнали ли меня из картины «Атаман Кодр». Представляешь, вдруг захотели 20 дней среди гастролей на выпуске премьеры – никто меня не пустит.

Очень хочу к тебе, чтобы приласкала чуть-чуть и чем-нибудь покормила вкусненьким – живем на подножном корму.

Водку не пью, читаю детектив «И один в поле воин» и думаю о тебе.

Твой

Воспоминания с трассы

Письмо Наталии Николаевны
Июль 1958

Начало письма не сохранилось

Пришла из консультации. Все в порядке, только надо есть побольше фруктов и овощей и всякое молочное, а больше ничего нельзя. На днях пойду к директору родильного дома, где я буду.

Когда мне бывает очень грустно без тебя, я поглаживаю пузо как кусочек тебя. Ведь, подумай, как смешно: во мне, внутри, далеко и глубоко, твой, понимаешь, твой кусочек, и он живет независимо от меня, я не могу сделать, чтобы он пошевелился, он шевелится сам, когда захочет есть или устал трястись при ходьбе. И засыпает это твое позже меня, я всегда слышу, как оно шевелится и, видно, укладывается поудобнее спать. Но зато просыпаюсь я раньше. Проснусь, но не двигаюсь. А оно все равно просыпается и начинает торопить, чтобы его скорей покормили.

Киса, напиши, как же сына назвать? Саша, да? А Миша тебе окончательно не нравится? Ты, пожалуйста, настраивайся на сына, я уже настроилась, и мне уже его больше хочется. Во всяком случае, я знаю, что он будет очень похож на тебя (пока маленький, дальше не знаю). И это меня вполне устраивает. А какая будет девчонка – ничего не известно. А если и будет похожа на тебя, то, может, для девчонки это и не так уж будет прекрасно.

Я теперь из-за него стала бояться переходить улицу. Меня раздают – пускай, я никогда не боялась. Но за него боюсь ужасно, вообще во всем. Мама говорит, что это очень плохо: раз я уже теперь так боюсь за него, значит, потом буду совсем сумасшедшей матерью. Если раньше я боялась войны из-за тебя, из-за брата, то теперь еще прибавился он, да еще как прибавился!

Мне до сих пор не верится, что я буду матерью. Это слишком уж большое счастье для меня.

Ну вот, хотела написать тебе приятное поздравительное письмо, а ничего не получилось.

Завтра утром встану, прочитаю газету, позавтракаю и пойду к 9 часам в Моспроект, дорогой опущу это письмо (на Маяковской площади поставили памятник Маяковскому и разбили сквер – все за два дня, в воскресенье, наверное, будет открытие). Потом поработаю часов до двух и поеду на дачу, наверное, до вторника (во вторник у меня первое занятие в школе по обезболиванию). В субботу приедут твои мама и папа на дачу – будем справлять твой день рождения.

Если точно узнаешь, когда кончается Казань, сразу напиши, и пиши все относительно Кишинева.

А я все-таки никак не могу привыкнуть, что у меня есть муж, во всяком случае, ты и муж – понятия совершенно несовместимые. Тебя я знаю и люблю, а муж – это что-то нереальное, чужое и страшное. И я – это я, а совсем не жена.

Ну, пока, мой дорогой муж.

Я жена твоя (хотела написать: я – рожка твоя).

Целую моего взрослого двадцатичетырехлетнего Кису.

Киса, нарисуй мужской свитер, который там продают, и напиши о нем. Если он хороший – купи его себе, я тебе сразу пришлю деньги. Или хочешь, это будет мой подарок тебе ко дню рождения. А хочешь – просто так. Ведь жены покупают своим мужьям одежду.

Письмо из Котовска, 1958 год

10 августа

Киса моя дорогая!

Тебе пишет твой пропавший муж (в смысле – пропавший) из пыльного, душного и грязного городка Котовска*, из блохастого «Хотелула» 10 августа 1958 года в 10 часов утра, в воскресенье.

Вот уже ровно неделю я в Котовске. Она пролетела, как кошмарный сон. Как будто я проснулся только что, с тяжелой головой,

* В Котовске снимался фильм «Атаман Кодр».

болью в сердце и тоской по дому. Ровно неделю каждый день в 5 утра встаю, бреюсь холодной водой и иду по пыли на гору, в техникум, на нашу базу – гримироваться. Потом сажусь в машину и еду за 7 километров на площадку, где на пыльной дороге, в жару, на солнце, снимаемся часов до семи-восьми. Без ног привозят в Котовск, поправляют грим, и режимная съемка на веранде с 9:00 до 11:30, а потом (два раза) – с четырех до шести утра (тоже режим – это по свету то время, когда можно снимать вечер). И так каждый день. Единственным стимулом в этом аду для меня была мысль, что чем быстрее, тем скорее я буду с тобой – дома, на травке. Теперь все погорело, все изменилось. Я должен был здесь, в Котовске, отснять всю свою натуру с тем, чтобы до Ялты (до павильона) совершенно освободиться. Съемки в этом богом проклятом Котовске намечались до 14 числа, а затем переезд всей группы в Сороки, где я не должен был быть занят. Приехала Дроздовская*, и мы спокойно снимались до 8-го числа, и вдруг серия телеграмм, вызовы, скандалы, звонили из министерства и так далее. Дроздовскую – срочно в Москву. Она там снимается в другой картине – «Добровольцы» – должна была вернуться туда 12-го числа, успев все здесь отснять. И вот – на тебе. Улетела на неопределенное время. Что-то там сорвалось или передвинулось. В общем, так. С ней у меня остался один большой натуральный объект и «Дорога Василия» – 85 полезных метров. Положение такое: либо – если ее отпустят из Москвы, она прилетит сюда и здесь мы отснимем этот кусок. Либо, что катастрофично, эту сцену перенесут в Сороки, то есть, считай, переезд в Сороки дня четыре, там освоение дня три, да еще неизвестно, в каком порядке пойдут сцены там, учитывая, что и Инка Кмит, и Левка Поляков удрали в Москву на пробу (на два дня). Но эти два дня пахнут неделей-другой – здесь же настолько все неорганизованно (такого бардака я нигде еще не видел), что сказать что-либо точно никто заранее не может. Так что я в нервах, злости и проклятиях сижу сейчас и жду, когда что-либо прояснится.

* Микаэла Дроздовская – актриса.

Надоело мне все это до ужаса. Ты ведь знаешь, как я устал в этом году, а тут так дали по работе, что я буквально валюсь с ног, да еще волнуюсь, что там у тебя, да не знаю, когда вырвусь. В общем, влип, как кур в ошип. Проклинаю тот день, когда связался с этой группой.

Звонить отсюда в Москву ужасно трудно – дают ее часа в 3–4 ночи. Если бы я был уверен, что ты в Москве, я бы ждал, конечно. Я просил всех трех моих партнеров позвонить в Москве тебе и передать положение – им там виднее.

Что бы ни было, как бы работа и сроки ни сложились, в первую удобную минуту я посылаю всех очень далеко, сажусь в самолет и прилетаю к тебе – так что жди меня.

Работа идет утомительно медленно. Оператор – очень хороший парень и прелестно снимает, но копается до ужаса долго со светом. Себя видел в маленьком кусочке материала – один явно хороший, другой – плохой, будем переснимать. Завтра начинаем снимать последний объект, не считая «Дороги Василия», – «Дорогу Солдат» (здесь весь фильм – из дорог). Завтра и послезавтра будем сниматься с солдатами.

Кино все-таки – страшная штука. Пишу я тебе письмо, воскресенье, жара, а по Котовску под оркестр идет из Кишинева полк солдат, чтобы завтра утром создать фон твоему мужу. Пятьсот солдат идут пыльные, усталые. Идут 40 километров маршем, чтобы на экране в течение 3 мгновений за спиной твоего супруга промелькнула серая солдатская масса.

Или другое: надо снять проезд коляски с точки зрения моего взгляда на Тобултока, то есть немного вниз от уровня коляски, значит, аппарат должен ехать рядом, ниже коляски, не трястись и не дрожать. Твой муж отправляется с одним шофером на «газике» в Кишинев на студию, садится там на «ЗИС» и (за неимением штатных единиц водителей на студии) гонит «ЗИС» в Котовск, где с этой, почти новой классной машины сдирают двери, потом сваривают крышу и в таком уродском виде в нее вгоняют аппарат и снимают 15 метров проезда и крупный план твою опять же мужа, после чего последний садится на эту калеку и гонит

ее в Котовск, чтобы кто-нибудь из шоферов сжалился над ней и перегнал обратно в Кишинев.

И так во всем: лошадей загоняют, людей загоняют, хамеж, гвалт, безалаберность целыми днями, и только один момент, когда ты стоишь на балконе особняка, вечером весь Котовск у твоих ног, в прямом и переносном смысле. Дома внизу, в овраге, а все население с разинутыми ртами под балконом. Когда 30 домов и две котовские электростанции дают всю свою энергию для освещения твоего Киса. Когда директор, режиссеры, операторы, ассистенты, гримеры и вся огромная масса людей и людишек следят за тобой и в каждую секунду готовы броситься что-нибудь поправить, наладить, помочь – в этот момент твой Кис в белом мундире с золотыми эполетами, усами и бакенбардами стоит на балконе и «собирается». Твой Кис в этот момент думает меньше всего о том, что ему нужно делать в кадре, он сделает это и без «собрания». Он думает, что пузатенькой Кисоньке в далеком НИЛе сейчас приятно, ибо она, как всегда, уверена, что ее Кис – самый красивый, самый талантливый и самый главный. И, подумав об этом, Кис твой чуть кивает головой – подлетает гример, последний раз промокая лицо, и режиссер спрашивает: «Саша, можно?» – «Можно». – «Мотор!» И то, для чего идет эта шумная катавасия целого дня, свершается на счет «раз, два, три, четыре». Все! Променять театр на эту белиберду, на эти секунды тщеславного «величия» – вот бред-то!

По Молдавии идет киноочерк «На съемках молдавской баллады». Я видел: твой Кис там очень красивый, это очевидно, потому что снимал хроникер в рабочие моменты, просто так – без света, без ракурсов, и по-

лучилось хорошо, в картине будет хуже. Если этот фильм (в чем я все больше убеждаюсь) не выйдет на всесоюзный экран, мы с тобой в будущем году поедем смотреть его в Молдавию, ладно?

Совершенно замучился я с этими меховыми шкурками – они здесь очень дорогие, и надо их уметь покупать. Не знаю, что делать. Белых туфель пока тебе не купил. Здесь, в Котовске, только 36 размер, а в Кишиневе не успел посмотреть – может быть, достану на обратном пути.

Волнуюсь за тебя и рвусь скорее к тебе.

Целую тебя и его.

Твой

Письма в роддом, август 1958 года

Кутя! У меня нет бумаги! Я прилетел в 6 часов – никого нигде нет, а домработница не мычит, не телится – мальчик, мальчик, а где ты и как ты, ничего не знает. Обзвонил все родильные дома Москвы, бегал в Грауэрмана и на Никитскую, и там и там – ремонт. С ума сошел совсем, наконец здесь сказали, что есть. Киса! Как ты? Ты меня больше не любишь? А он красный? Кис! Тебе чего-нибудь особенного хочется, а? Киса! Я даже не знаю, когда, что, почему ничего мне не телеграфировали.

Кис! Я счастлив с тобой.

Никуда не уеду, пока ты не выйдешь. Целую вас.

Киса, посылаю тебе талисман, который я носил под сердцем давным-давно. Пусть ему с ним будет хорошо.

• • •

Я никуда не поеду, первые дни во всяком случае. Письмо из Кишинева, огромное, на шести листах, ждет тебя дома. Прилетел я случайно, вернее, нарочно, но случайно так быстро. Должен был сидеть там и ждать Дроздовскую, а меня что-то кольнуло, и я прилетел. Как нельзя вовремя! Я съезжу на дачу дня через три-четыре, возьму машину, чтобы брать тебя отсюда. Уехать я дол-

Вестники с трассы

жен был через пять-шесть дней, но теперь так они меня и видели! Не волнуйся, я буду сидеть и ждать тебя.

Киса, было тебе очень страшно и больно? А? А как его зовут? Киса, ты мне напиши, как ты себя чувствуешь, что ты хочешь и вообще все очень подробно, приготовь к завтраму.

Напиши мне, возле какого окна ты лежишь и куда в дальнейшем мне тебе кричать и на тебя смотреть. Пуза у тебя нет больше? А тебе смешно? А ты его часто видишь, он еще слепой? Киса, чего тебе хочется?

Твой. Целую.

• • •

Письмо Наталии Николаевны

15 августа 1958

Отец! Кис, тебе смешно?

Папа! Нет, папа несолидно, отец лучше. А меня няньки мамашей зовут.

Как же его назвать? Я предлагаю Саша или Миша, но вообще можно думать целый месяц, только надо же мне как-то сейчас его называть.

Я его сегодня, наверное, в 1 час увижу, будем играть, что я его кормлю, – молока-то у меня еще нет, должно завтра или послезавтра появиться. А пока он будет ко мне привыкать, вернее, к груди, а я – к нему.

У меня сегодня болят все мышцы абсолютно во всем теле, как будто я гимнастикой назанималась, а потом еще избили как следует. Но это нестрашно и скоро пройдет.

Ты спрашиваешь, что я хочу. Хочу очень, чтоб наш сын был здоровый и хорошо ел, чтоб у меня скорей и побольше было молока, очень хочу тебя увидеть и видеть все время, а не один день.

Я лежу, кажется, на 5-м этаже, и даже если через 4–5 дней разрешат встать, все равно к окнам подходить не разрешают, и подоконник широкий, и высоко – не увижу и не услышу тебя. Лучше, когда я встану, выберу где-то окно пониже и напишу тебе какое.

Кисонька! Радость моя! Это опять я! Я тебе не надоел еще? Уехали утром – Вока* спешил в институт, а мне хотелось еще остаться, но было неудобно их бросать. Приехали к вам, с папой облобызались, пообедали, и они уехали с мамой на дачу – я побежал по магазинам, все быстро купил, а слоеных пирожков нигде нет. Пришлось ехать в «Арагви» и у знакомого официанта просить их. Ты хотела сухариков, а каких, не написала. Я купил «Детские», на всякий случай.

Завтра часа в три поедем с Вокой и Милой** на дачу, почию машину и во вторник утром, вместе с мамой приедем к тебе, а потом опять на дачу. Завтра в 12 часов приеду к тебе. Ты подумай, что тебе надо и чего хочется, а я завтра куплю.

Ты маме все пишешь про моего сына, и какой он, и глаза, и нос, а мне нет!

Очень странно, что мои молчат, я боюсь, что они уже по дороге в Москву – абсолютно зря. Тебе читать можно? Если да, то что ты хочешь из книг?

Знакомых и друзей в Москве никого нет, ну, пока и не надо. Относительно Кишинева не волнуйся – пока ты не выйдешь и я не поживу с вами вместе несколько дней, я никуда не уеду.

Я тебя целую.

Его целую в зад.

Письмо Наталии Николаевны

Кусенька, дорогой мой. Очень хорошо, что так решили с дачей, а то я за вас страдала.

Почему ты пишешь, что я маме пишу про твоего сына. Он же про себя написал – бабушке и папе, а ведь папа – это ты! Привыкай!

Так что, решили Мишей назвать? Я только хочу, чтоб тебе нравилось, напиши об этом. Еды и вообще всего мне теперь хватит надолго, кроме тебя или хотя бы твоих писем, но я потерплю, так что ты отдохни немножко на даче, поиграй в волейбол.

* Вока – Владимир, брат Наталии Николаевны.

** Мила – жена брата.

Я тоже боюсь, что твои едут в Москву.

Киса, а ты опять надолго уедешь? Хотя бы уж скорей начался сезон в театре, все-таки побольше был бы в Москве. Ты похудел? Ешь на даче крыжовник и яблоки.

Маме скажи: во-первых, что все хорошо и что ты самый чудесный и заботливый муж, которого можно было только пожелать для ее дочки. Во-вторых, твои простыни в светелке на кровати под подушкой сложенные. В-третьих, чтоб тебе давали побольше молока. Мама уже договорилась с Леонидовыми, они специально для тебя будут давать на два литра больше.

У твоего сына все самое красивое, ты не волнуйся. Да, еще скажи маме, что он пока не ел по-настоящему. Они с первого раза не умеют, мы просто так побыли с ним вместе. Он брал в рот меня, я ему выдавливала молочко, он глотал, но сам еще не сосал.

Напиши сейчас относительно Миши.

Бедный ты мой, я бы и без пирожков обошлась. Правда, меня на них вдруг потянуло.

Читать можно, читаю «Очарованную душу», и уже тошнит от нее.

Целую, жди записочку.

• • •

Киса! Ты ешь виноград – я привез его тебе из Кишинева целую посылку, ешь быстрее, а то тебя забросали фруктами – я сегодня сам покупал груши и яблоки, а потом подумал, что зря – ты виноград есть не будешь.

Нахожусь в муках относительно имени – прямо даже не знаю. Мама так говорит, что можно подумать, будто Миша – уже решенное дело, а я колеблюсь. С одной стороны, нравится, а с другой – есть что-то мужицкое – Михаил, а? Думай – решай. Саша – хорошее имя, но так зовут его отца. Не симпатично. И инициалы А.А. Нехорошо, во взрослом состоянии будем с ним путаться. Ширвиндт – фамилия редкая, да еще оба А.А. Поэтому же нельзя Андрей и Алексей, хотя имена хорошие. Кис, а как тебе Дмитрий, а? Митя? Ничего вроде! В общем, не знаю.

Ты не огорчайся, что к тебе не идет поток ликующих людей и приветствий – никого нет, никто не знает. Поток пойдет позже, ладно?

Купили с твоей мамой первую одежду – 8 м на пеленки и 10 м фланели светло-голубой. Со вторника поеду на поиски немецкой коляски. Ты не хочешь деревянную кроватку? А где искать железную?

• • •

Киса! Это я! Ты завтра утром пошли маме записочку, а я отвезу на дачу. Только не пиши маме больше, чем мне, ладно? Киса! Это я – отец!

Я похудел, но это не страшно – ты меня откормишь. Или теперь кормить будешь только сына?

Посылаю, что написал. Нянька уходит, а ты, если не устала, напиши два слова, а если устала – передай с нянькой привет и спи спокойно. Я думаю о тебе, спокойной ночи, до завтра.

Целую тебя всюду, а его в зад.

Твой

• • •

Письмо Наталии Николаевны

Кисонька моя милая, у него такая кожица на мордочке – мягонькая, нежненькая, совсем как у тебя. И он вовсе не красный, как все, только когда ест и ко мне одной щечкой прижимается, то она краснеет. И у него очень большой разрез глаз. Так, наверное, полагается, потому что мордочка у него будет расти, а глаза нет. Так вот они сейчас сделаны с запасом.

Сегодня утром вместо положенных пяти-семи минут ел тридцать пять и, наверное, еще бы поел, но я уже сама отобрала у него еду, а потом лежал рядом, сопел и рот открывал. А иногда он так морщится и становится очень страшненьким – совсем Баба-яга. Я все-таки думаю, тебе не надо на него смотреть первое время. Только женщины понимают сию прелесть. Но я и то в первый момент испугалась, зато теперь мне он кажется очень милым.

Спроси у мамы, это ничего, что он смотрит, когда его приносят. Потом, правда, закрывает глазки, а другие все время с закрытыми глазами. И у нашего они чистенькие и не гноятся, и не слезятся, как у других. Но, может, то, что он смотрит, это признак слабости? А вчера вечером совершенно явно проследил глазами за мухой.

Кис, знаешь, я маме ничего не буду писать о нем, а ты ей прочти это письмо, но без сантиментов, а впрочем, как хочешь, можешь и рассказать.

Если у тебя есть время и желание, купи мне, пожалуйста, бутылку кефира, бутылку молока и 100 граммов сливочного несоленого масла. И если по пути встретишь книжный киоск, купи сегодняшнюю газетку и, может, какой-нибудь журнал. А с дачи привези последний номер «Огонька» и 2 яблочка, а те, которые вы мне принесли, совсем безвкусные и не сравнить с дачными.

Надеюсь во вторник увидеть тебя, если в понедельник снимут швы. А на животе у меня синяк. Когда я лежу на спине, живота совсем нет, а на боку – немножко есть.

Кис, а ведь года через три придется мне опять сюда приходить, только тогда уж я все по всем формулам высчитаю, чтоб уж наверняка девку.

Кис, мне Михаил не кажется мужицким. И все знакомые Михаилы не похожи на мужиков. И потом, для нас он никогда не будет Михаилом, будет Мишкой. Но с другой стороны, он какой-то слишком утонченный для Миши и для такого аристократа подходит только Александр.

Ты спрашивал, чего я очень хочу. Очень хочу, чтобы мы все были Ветровыми*. Ты подумай, Ширвиндт – совсем не театральная фамилия. И будь в этом «Тобултоке» Ветровым, а полтора года в театре – это же ерунда по сравнению со всем твоим будущим. И театральная Москва все равно будет знать творческое прошлое Ветрова, и все, кто захочет. А серая масса обывателей – на нее наплевать. Подумай, что два года по сравнению ну хотя бы с 40 годами будущего (театрального).

* Александр Ветров – сценический псевдоним, под которым Александр Ширвиндт дебютировал в Театре эстрады.

А в смысле родственников – ведь не в этом проявляется твое отношение к ним, да и они сами поймут, что актеру нужна простая, красивая фамилия. И потом – разве сын и жена не ближе родственников? И в эстраде тебе будет легче работать под другой фамилией. А уж как бы старики Ветровы были счастливы! Горчаков (Наташкин отец) – какая красивая фамилия. А ведь он Дитерихс, а Андровская – Шульц, Станицын – тоже немец какой-то, а твой Жуков? А сына будут дразнить «Ширмой», а так «Ветерок».

Кисуня, мне очень хочется! Ты подумай как следует. Думать можно целый месяц. И напиши свои соображения.

Вот это все я писала раньше, а теперь пишу, когда ты пришел.

Если ты принесешь мне молоко (это надо для молока) около 1 часа, я, может быть, не смогу тебе ответить, так как твой сын будет лопать, а я боюсь пошевельнуться в это время. Так что, на всякий случай, пока, до вторника.

Целуем тебя.

Твои

• • •

Кисонька! Тебе соки принести какие-нибудь? А арбуз тебе можно? Ты не отвечаешь на мои вопросы – тебе скучно? А ты теперь взрослая или все равно мой глупый Кутенок? Хочу, чтобы ты не была взрослой. Ладно?

Встретил наконец первого родственника – Филю (дядю-близнеца). Целовал, передавал тебе всяческое и безумно радовался, что Ширвиндтский род все же продолжается, а то все уже было отчаялись.

Относительно фамилии мы подумаем отдельно – ты преувеличиваешь катастрофичность Ширв., да и Ширмой ведь звали его отца – и ничего, не рассыпался.

Я поехал – крепко вас целую, обнимаю, и синяк тоже.

Твой

• • •

Кися! Радость моя! Это я! Ужасно наволнован и расстроен, что в воскресенье не попал к тебе. Сейчас утро понедельника, я

дома – поеду, попробую к тебе прорваться. Если нет, то знай, что пишу в понедельник.

Значит, в субботу, часа в три, заехали с Вокой за Милой, приехали на дачу. Побежал к Журавлям – поцелуй, охи, ахи. Дима уезжал в Москву, я отвез его на станцию. Узнаю, что Рапопорты приехали. К ним. Там полная истерика – шум, гам, около колодца две семьи в полном составе орут.

С раннего утра начали с Вокой делать машины и кончили в половине седьмого – три колеса монтировали, мой аккумулятор сидел, пока завелся, пока достали дистиллированной воды, а краска, несмотря на чехол, страшная, вся полосами, просто зебра, а не машина. Чехол кое-где прилип, а кое-где нет, и так получилось. Тогда Мила достает восковую пасту и начинает тереть машину, мы с Вокой помогаем. Получилось великолепно – такой она еще никогда не была. Как новая. Ну и опоздал я к тебе вчера. Поздно вечером поехал в Серебряный Бор к тете и дяде. Разбудил их и сообщил. Старики прослезились аж. Сегодня утром звонили мои из Кисловодска – полная паника, хотят сюда, кричат, ничего не разберешь, счастливы. Ты им черкни чуть-чуть, ладно?

Тебя целую: Свет, Наталья* и бабушки...

Кутя, так долго не общался с вами, что вы, наверное, голодные и одинокие. Я тоже. Ну, еду к тебе. Авось прорвусь.

• • •

Записка написана на листке «Автомобиль М-20 «Победа», инструкция по уходу.

Кутя! Я уже очень соскучился без тебя, я ведь абсолютный бросик – никого нет. Мечусь туда-сюда. Как ты там? Сегодня ночевал у Мишки Рапопорта. Он один, ему страшно и скучно. Спали на двуспальной кровати. «Вот бы нам такую», – помнишь, мечтали. Ничего подобного – неудобно, далеко и холодно. Лучше тахту.

Напиши, что тебе надо и чего хочется. Выгляни в окошко. Целую вас. Безумно скучающий отец и муж.

Ты не потолстела? Все мне говорят, что ты потолстела.

* Святослав Кнушевицкий – виолончелист, Наталия Шпиллер – его жена, оперная певица, педагог.

МИНИСТЕРСТВО МАШИНОСТРОЕНИЯ СССР

государственный ордена Ленина, ордена Красного Знамени
и ордена Отечественной войны первой степени
автомобильный завод имени В. М. Молодова

Киса! Бухарин и
Обручевский - инициаторы
своих идей и
взглядов

Автомобиль М-20 „ПОБЕДА“

ИНСТРУКЦИЯ ПО УХОДУ

ДЕВЯТОЕ ИЗДАНИЕ

Он организует -
уже-на Катана?
А мы, думаю, это сч
уны.

Нашим чужим авто
и твоим колесам. Вспомни
в сапогах. Уши все
Возьми сзади
не-есть в уши. Ты
не потеряешь - все мы
увидят, что ты потеряешь
А и увидишь того же
Левина!

г. ГОРЬКИЙ, 1953 г.

• • •
Киса!

Какая же ты глупая девчонка! Взяла и заплакала тогда, и отвернулась, и ничего не сказала. У меня прямо сердце оборвалось, а тут еще, как назло, нянька долго не шла, я прямо измучился. А оказалось, что ничего, а я уже передумал все, от самого худшего до пустого. Ты, пожалуйста, не делай так больше, а то отец у него будет сердечник.

Выглянь в окошко. Так глупо разговаривать через 4 этажа с улицы, с народом, мамой и так далее. Так хочется тебе сказать много разного ласкового и хорошего, а получается какое-то глупое мычание и шаблонные крики. Ты меня понимаешь?

Целую! Иду!

Твой

• • •
Телеграмма из Свердловской области

Желаем Раисе Самойловне и Наташеньке воспитать нам Мишеля достойным своего уникального отца.

Эфрос, Колеватов, Гиацинтова, Барский, Ларионов, Колычев и другие. Всего 74 подписи.

Письмо из Кустаная, 1959 год

26 января

Кис мой! (Хотел написать «жена моя» – раздумал: плохо звучит.) Это я!

Город, если это можно назвать городом, Семиозерск. Прямо с поезда – на автобус и за 160 км от Кустаная – сюда. Поместили в курной избе – называется гостиница. Паровое отопление находится рядом с баней (бывший предбанник) – духота страшная,

кромешный ад. Живем все в одной комнате, по команде отворачиваемся друг от друга.

Да! В Челябинске стояли целый день. Ходил по городу, нашел Возженникова, Стегачеву и Левита* (помнишь их?). Провели целый день вместе. Вечером смотрел «Почему улыбались звезды». Спектакль средний, но Володька (играет главную роль) очень мил, а Галка в эпизоде просто хороша. Играют много, разное, тоскуют по Москве. Вечером, к отъезду поезда, все прибежали на вокзал – с шампанским, апельсинами, коньяком. Сидели с нами, прощались. Ты даже не представляешь, как это было хорошо и искренне. Все наши даже притихли, наблюдая эту сцену прощания. Да! Ничего нет лучше студии и настоящей старой дружбы. Вдруг через два-три года встречаешься совершенно случайно, и как радостно. Какие близкие, оказывается, эти люди, с которыми, может быть, в студии и не очень-то был близок.

Все ахали над Мишкиной карточкой. Я прослезился и обещал заехать на обратном пути.

Киса! Ты, наверное, не понимаешь еще этого, но поймешь вскоре. Прелестно и грустно.

Вчера провели первый концерт здесь, в Семиозерске, в нашем подшефном районе. Был успех. Сегодня утром поехали в лес,

* Владимир Возженников, Галина Стегачева и Александр Левит – бывшие «щукинцы».

фотографировались. Погода совершенно изумительная – солнце, ни ветерка, и кругом, насколько хватает глаз, – снег, снег, снег. Будем до 1 февраля жить здесь, в Семиозерске, и выезжать в окружные совхозы. Сегодня у нас два концерта. Потом поедem в другой район и там будем дней десять.

Писать тебе буду редко, ибо неоткуда отправлять письма, из совхозов они идут по 10–15 дней. Ты мне пиши на Кустанай, до востребования – я буду там 1-го числа, и ты должна мне к этому времени дать полный отчет московских событий. Я скучаю по дому, тебе и Мишке. Крепко вас целую и люблю.

Если удастся, то позвоню когда-нибудь вечером.

P.S. Кися, ты ценишь, что я не написал ни полслова о резине, гараже.

• • •

Письмо Наталии Николаевны

Начало письма не сохранилось

...Очень не хочется держать Мишку в Москве весь май и июнь, а без меня на даче он жить не может, так как все врачи в один голос говорят, что его обязательно надо кормить, хотя бы несколько капель в день, как лекарство. Это предохраняет от всех заболеваний. Поэтому я думаю делать диплом до мая, потом уехать на дачу, с осени опять диплом и в ноябре-декабре защищать. Как ты на это смотришь?

И потом я боюсь просто не вытянуть до июня, ведь работать придется не меньше десяти часов в день. И если бы я спала ночью, а так очень трудно, и буду совсем психом.

Напиши скорей свои соображения по этому поводу, а то это надо решать немедленно. Или просто и откровенно оставаться на второй год. Но это, по-моему, хуже, да и на следующий год будет совсем другая программа.

Мишка лежит чистый и сытый, в благодушном настроении, и даже дал свою лапу, чтоб послать папе.

Милука лежит шевелит и свистит,
в белокуриной настроении
даже дал свою
лапу, чтоб
покачать лапу.
Он сидит
почти без
поддержки,
но я долго
не разрешаю,
только на
минуточку.
Вчера надела
ему башмачки
и держала под мышку так, чтоб ножки
касались пола, и он (вот что зна-
чит инстинкт!) стал перебирать ножка-
ми как будто идет.
Целую тебе крепко крепко
Очень скучаем. Ждем. Твой

Он сидит почти без поддержки, но я долго не разрешаю, только на минуточку.

Вчера надела ему башмачки и держала под мышку так, чтобы ножки касались пола. И он (вот что значит инстинкт!) стал перебирать ножками, как будто идет.

Целую тебя крепко-крепко. Очень скучаем. Ждем.

Твой

Письма из Саратова и Куйбышева, 1959 год

Саратов, 7 июля

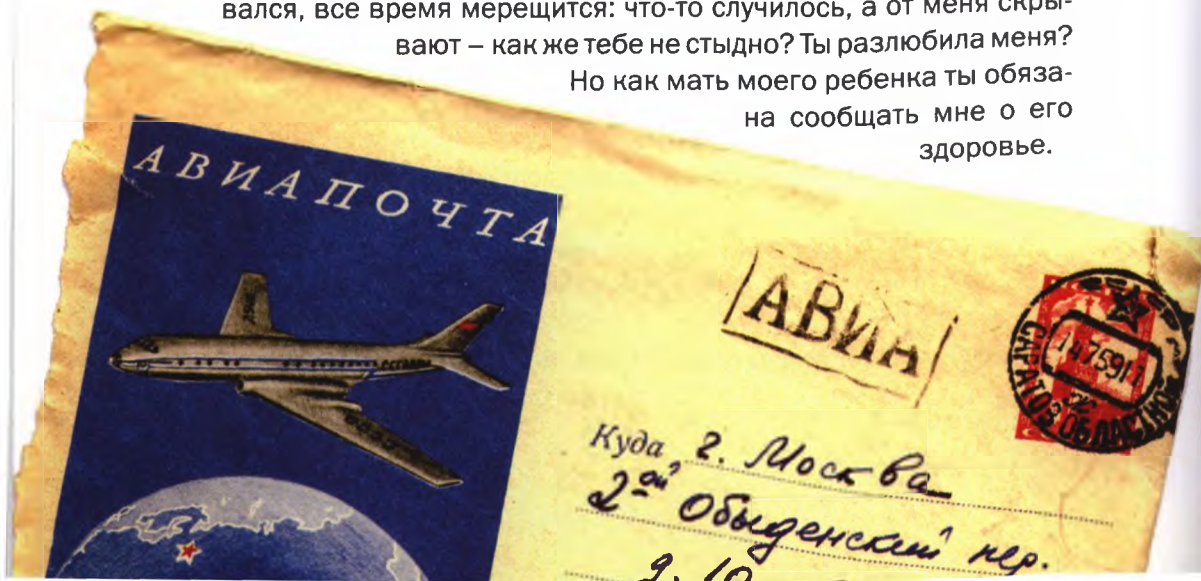
Жена, Киса, как обещал, пишу в первый вечер. Доехали хорошо, только жарко. Квартирка вонючая, но отдельная: три комнаты, есть ванна и газ и даже телефон. Есть еще хозяин – одинокий еврей-пенсионер. Денег у нас нет, поэтому решили питаться дома – завтра первая проба – Колычев будет варить обед из принесенных утром Вадюшей Жуковым продуктов с рынка, я мою посуду и накрываю на стол. Юрка обещался сварить щи и картошку с мясом – ходит гордый, а мы дрожим и с ужасом ждем завтрашней трапезы. Есть холодильник – это счастье. Готовим лед и сосем его. Сегодня жара 34 градуса – завтра еще больше, говорят. Соскучился уже по вам с Мишкой – а ведь еще долго...

• • •

16 июля 1959

Кися, родной мой, это я! Сегодня 16 июля – от тебя ни одной строчки. Звонил папе, он сказал, что ты должна быть в Москве 15-го. Ждал твоего звонка до 3-х часов ночи, но, увы! Ребята успокаивали, говорили, что в Москве 35 градусов и ты побоялась везти Мишку, но почему же ни одной строчки? Я страшно волновался, все время мерещится: что-то случилось, а от меня скрывают – как же тебе не стыдно? Ты разлюбила меня?

Но как мать моего ребенка ты обязана сообщать мне о его здоровье.

Жара и духота здесь совершенно страшные – все время 35–40 и пыльный, раскаленный город. Играть невыносимо – Волга не спасает, ибо после нее еще страшнее возвращаться в город.

Скоро мой день рождения – опять вдали от всех вас! Грустно! Хожу в скверы и ищу Мишкиных ровесников – черненьких и упрямых. Очень соскучился по нему, просто очень.

Вчера Юрка ровно час разговаривал по телефону с Лидкой, а я лежал и завидовал.

Живем мы у очень милого старого еврея, который в нас души не чаёт и бегаёт за молоком, несмотря на свои инфаркты.

Как никогда, ощущаю себя здесь одиноким – снятся дача, прохладный «верх», бадминтон и ты – нежная, ласковая, не упрямая (почему-то в гастролях ты для меня всегда такая). Старики мои тоже ничего не пишут – забыли. Куда им писать, не знаю. Не забывай их и давай возможность проявлять максимум бабушко-дедушкинских чувств. Будь мудрая и хорошая, как ты умеешь.

Я считаю дни до окончания этой пытки. Проходили мы здесь поначалу очень прилично, но, когда наш «прелестный» репертуар иссяк, Саратов разочаровался. Да вообще надо быть ненормальным, чтобы в этот душный ад сидеть в театре. Весь город в наших афишах и портретах. В витрине ресторана «Волга» стоит огромный портрет твоего мужа из «Романтиков», и вечером моя улыбка освещается висящими прямо над головой неоновыми буквами «Удешевленные обеды». Так что я виден и ночью и днем.

Лидка сказала, что открывается какая-то ярмарка международная, где можно купить что-то интересное. Ты сходи, может быть, тебе что-нибудь понравится из одежды для себя. Купи обязательно. Возьми телецентровские деньги и купи, слышишь?

В Саратове мы до конца месяца – отсюда в Куйбышев я, очевидно, поеду пароходом – 36 часов. В Куйбышеве мы числа до 24–25-го, а потом отпуск дней 35. Так что мы сможем недельку пожить на даче – мне очень хочется!

Пока что в этом пекле я и думать не могу о юге. Но, конечно, это пройдет, если я с недельку поживу в средней полосе. К счастью, я еще не репетирую утрами, хотя много гоняют на шефские кон-

церы. С деньгами у меня более-менее благополучно – была одна передача на телецентре и будет еще одна – ставки на 3.

Очень тронут маминым вниманием – поцелуй ее от меня персонально. Она, очевидно, ко мне относится лучше, чем ты.

Передай привет всем домашним и нильским – Журавлям, Рапопорту, и расскажи Мишке, что папа скучает по нему и просит, чтобы он не забыл отца и узнал бы его по приезду.

Целую крепко.

Твой обиженный, одинокий, бросик-отец-муж

Вырезка из газеты за июль 1959 года:

Романтика наших дней

За прошедшие дни гастролей Московского драматического театра имени Ленинского комсомола саратовские зрители уже увидели целый ряд спектаклей о наших современниках.

Пьеса М. Соболя «Товарищи романтики» – произведение молодое, страстное, подкупающее своей искренностью и лиричностью. Драматурга волнует судьба юного поколения советских людей. Он задумывается над формированием характеров строителей коммунизма.

Тема, на которую много писали, – покорение целины, решается драматургом по-новому, свежо и интересно. Это взволнованный поэтический рассказ о жизни и труде первых целинных добровольцев.

Принцип сочетания романтизма и реализма, характерный для этой пьесы, получил свое дальнейшее развитие на сцене в постановке режиссеров С.А. Майорова и С.Л. Штейна...

...Герои, с которыми мы знакомимся, отличаются один от другого характером, наклонностями, темпераментом. Но всех их объединяет одно – юношеское вдохновенное горение, непрерывные поиски лучшего и светлого...

Богатый внутренний мир всех этих людей еще ярче выявляется при сопоставлении их с Юрием Лещевым, этим «гордым» отщепенцем в дружном рабочем коллективе. Лещева, красивого хлыща,

модного циника и мещанина, подлого, безвольного и отвратительного в этой безвольности, прекрасно играет артист А. Ширвиндт...

• • •

20 июля 1959

Киса моя! Брошенная моя девочка!

20-е число. Вчера был мой день рождения – 25 лет, четверть века, полжизни, если не больше. Если ты будешь читать мое письмо поздно-поздно вечером, поймешь, как это уже грустно и страшно – половина жизни, отпущенной тебе свыше, прошла, половина. Еще столько же (а в общем, ничего), и все, все, все кончится. Погаснет свет, Киса! Мы преступно живем, преступно тратим время. Мы ссоримся с тобой, не находим общего языка. Ты до сих пор не можешь быть моей и целиком раствориться во мне. Что-то пустое и глупое занимает огромный процент в жизни, то, что мы делаем на сцене, – да ну, к черту, все и так ясно.

Изнемогаю здесь от тоски и безвыходности. Люби меня, очень жди, и главное – постарайся сделать так, чтобы нам ничто не мешало в жизни – слишком много мне приходится приспособляться и крутиться – хочется дома быть хозяином своих желаний, своей семьи, и главное – ты, ты, моя Кися, слышишь?

• • •

23 июля 1959

Кисонька моя! За последнее время никаких особых событий не произошло. Несколько дней назад приехала Инка Кмит, сыграла Магду в «Завязанных глазах»* довольно прилично.

Вчера я, Юрка и Вадька эксплуатировали здешний телецентр как могли. Играли отрывок, читали стихи и басни, говорили текст за кадром про А.А. Дейнеку (оказывается, он великий художник). В общем, мы втроем изобразили целый журнал «Литература и искусство». Обещали заплатить 3 ставки, и до отъезда. Свое рождение не справлял, а пошел к Левке Лосеву (у нас с ним в один день – рождение). Посидели очень скромно и тихо. Было грустно

* Спектакль «С завязанными глазами», постановка Сергея Штейна.

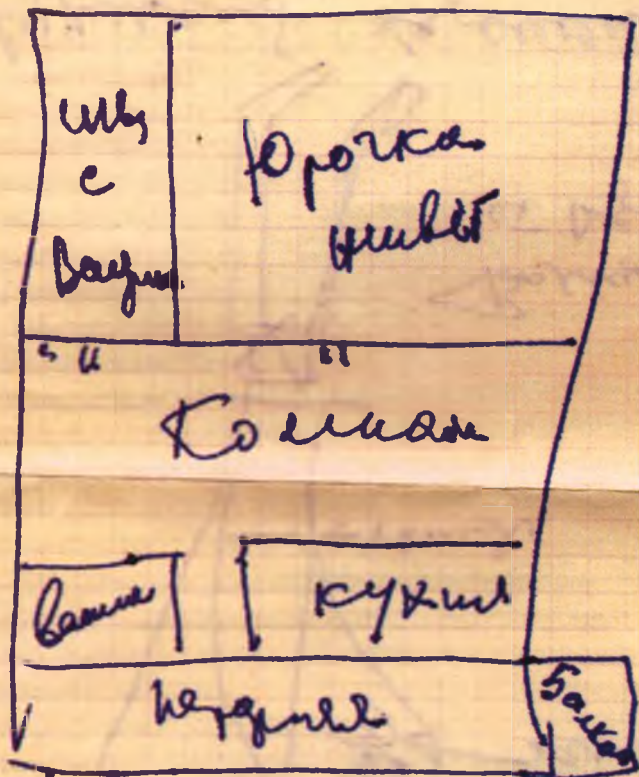

Болкысат күндөт
ат Азгкк. 1994

Күркөсөт, Көзөсөсөсөт
Төкүрөсөт, Көзөсөт
Көзөт.

в нем же, 161-162, а не там,
 сейчас.

Квартира
 № 161

Вход

Кухня и ванна
 в одной комнате
 выделены в отдельную
 квартиру

и обидно. Мне подарили грузовик, папку и флакон (пш-пш), а я любил и думал о тебе и о доме и ругал родителей, что родили меня в такое время. Мишка когда-нибудь тоже будет поносить нас за это!

Вчера в театре вывесили списки отъезжающих в Куйбышев. Еду 30-го числа на пароходе, буду 1-го уже в Куйбышеве.

Сегодня 23-е число, осталось 7 дней до отъезда, а там уже пойдет счет легче и быстрее.

Киса! Какой я у тебя умница! Лечу зубы! Поставил уже две пломбы и еще один раз пойду!

На пляж ездим очень редко – замучили концертами. Жара, слава богу, немного спала, и появился ветерочек – можно дышать. Ходил, смотрел по магазинам чего-нибудь интересного – пустота зияющая.

В письме ты обещала мне звонить и не позвонила. Почему? Я плохо сплю, все время прислушиваюсь к телефону.

Живем мы дружно и мирно – втроем клянем театр, окружающих и вместе тоскуем по дому. Ребята передают тебе большой привет и целуют Мишку. Я надеюсь, что ты ждешь и любишь меня. Без этой надежды и уверенности жизнь потеряла бы для меня всякий смысл и интерес.

Твой

P.S. Получил твое письмо. Поблагодари всех, почтивших мою память, и поцелуй страстно. Не понимаю, почему не дозвонилась до меня, жду звонка.

• • •

Куйбышев, 1 августа 1959

Женушка моя любимая!

Пфчи-пфчи-пфчи – шлепают колеса старой посудыны «Новиков-Прибой», похожей на пароход из «Волги-Волги». Душный волжский день, даже от реки очень мало прохлады. Сижу в каюте и думаю, думаю о тебе.

Выехали вчера в 6 часов вечера. Как прелестно вечером на пароходе: широченная вода с мелькающими маяками и бесконеч-

ными кострами на берегу, равномерное и уютное плюханье колес и музыка, музыка – хорошая и плохая, но здесь приобретающая какой-то странный нереальный колорит и романтическое звучание, исходящее как будто от самой воды.

Сидел на носу, обдуваемый теплым влажным ветром и струями музыки, и до слез было грустно, одиноко и думалось о том, что почему-то всегда в жизни если хорошо, то не до конца, если счастлив, то не целиком. А из пены у носа и колес все время выплывали образы Кисы улыбающейся, Кисы грустной и нежной и чаще всего (почему-то) Кисы беременной, кроткой, счастливой, с аппетитным, каким-то очень невесомым пузом, таким, каким я запомню его на всю жизнь.

А в салоне в этот вечер передавали по телевизору из Саратова закрытие наших гастролей – «Так и будет», – и мы смеялись, что ни уехать, ни улететь, ни даже уплыть от своих невозможно. После 2-го акта чествовали театр – вручали грамоты, цветы. А когда там, на суше, вручали Колеватову грамоты нам, на воде, то мы в салоне хлопали друг другу и жали руки – к величайшему недоумению и радости паровой публички. Когда же в Саратове произносили фамилию твоего мужа, то без ложной скромности должен тебе сообщить, что овация была намного больше, чем у другой любой фамилии, ведь недаром говорят, что в Саратове театр не прозвучал, а прошел лишь один спектакль – «С завязанными глазами», и один артист – Ширвиндт.

Киса! Духота сгущается – закрыл жалюзи в каюте, а всего только час дня. Большая часть наших уплыла 30-го, мы – 31-го, а последние – 1-го числа. Вадюша поехал 30-го передовым – с наказом вырвать хорошее жилье, посмотрим. Езды – две ночи и день.

Бесконечный соблазн – махнуть с палубы прямо в Волгу, она так заманчива, а здесь так душно и жарко. Конечно, ехать так можно только с тобой и только очень недолго – дня два, максимум три, а то загнешься от скуки и неподвижности. Пойду из комнаты писать на палубу.

Вышел! Хорошо – прохладно, а в каюте – мразь.

Вчера смотрел «Войну и мир». Девочка обворожительно и прелестна до ужаса – Наташа, другой не придумаешь. Мы с мрачным Колычевым даже всплакнули пару раз, да и вообще фильм сделан очень эффектно, со вкусом, большой любовью к материалу и почти ничто не шокирует, пожалуй, кроме подбородочка и рукоприкладства к голым женским местам – мне понравилось.

Впереди виден какой-то город, где будем стоять 1 час. Побежим купаться и покупать помидоры. Очень надеюсь, что по приезде в Куйбышев меня будет ждать твое письмо, а то уже давно ничего не получал.

Ты там не обижай стариков и будь внимательнее, ладно? Поцелуй их очень нежно, прочти что можно из письма и скажи отцу, чтобы не ленился писать письма – делать все равно им нечего.

Береги Мишку.

Твой

Кися! Уже вечер! Высокий берег с церковкой вдаль безумно напоминает мне Мышкин и все хорошее, что связано с ним. Помнишь, как мы провожали глазами с нашего сеновала проплывавшие мимо суда с огоньками кают и белизной очертаний, а теперь я из этой каюты смотрю на проплывающие сеновалы. И кто знает, может быть, какая-нибудь влюбленная пара смотрит на мой огонек и мечтает, как и мы с тобой (помнишь?), о чем-то, чего всегда хочется и что редко удается испытать, – о большом, как не помещающемся в груди дыхании на сильном ветру, счастье, о том, которое не здесь, а где-то там проплывает мимо нас, загадочно мигая и соблазнительно намекая на настоящее и именно нам необходимое, – уплывает и оставляет в душе осадок горечи и неудовлетворенности тем кусочком берега, где живем мы, заставляя мечтать и делать чего-то непонятное. А когда стоишь на другом, казалось бы в иной момент, желанном кусочке мира, опять грезится вдаль чудный огонек – тот, что нужен только нам и около которого можем быть счастливы. И так вся жизнь, как огонек каюты, мерцает обманчивым огнем неиспытанного и прекрасного – не потому

ли, что сами мы не умеем сделать радостным и счастливым свой, пусть несовершенный и скромный, очаг, который зовется семьей, где бы он ни был?

• • •

Письмо Наталии Николаевны

2 августа 1959

Кисонька!

Сегодня пришло письмо твоим, где ты пишешь, что гастроли возможны до 1 сентября. Ты что? Еще 5 дней? Я или схожу с ума, или приезжаю к тебе.

У меня почти в каждой долгой разлуке вдруг наступает такой момент, когда больше ждать невозможно. Я устала без тебя, понимаешь, устала и больше не могу. Последние несколько дней мне все кажется, что ты меня зовешь. Сегодня почему-то очень сердито крикнул: «Татка!» И в лесу вдруг вижу тебя, и сердце останавливается на мгновенье. А когда оказывается, что это не ты, становится так плохо, так плохо, что хуже некуда.

Утром просыпаюсь с ощущением счастья, как в детстве. Потом думаю, откуда это чувство, ведь ты еще не скоро приедешь, так не скоро, что еще и помечтать в деталях нельзя о встрече. И становится грустно, очень грустно. И не хочется просыпаться до тебя. Но, Киса, я все равно счастлива, слышишь? Счастлива, несмотря ни на что. Счастлива, потому что люблю тебя. Счастлива, потому что ты любишь. Потому что у нас Мишка. И потому что через месяц мы будем вместе, все время вместе, и не только в сентябре, а всю осень, зиму, весну – каждый день и каждую ночь. Какое это счастье! Такое, что мне не верится.

Ну, в поездке еще куда ни шло, но что потом, в Москве, в рабочие будни я буду с тобой и в дождливую погоду, и в мороз, и каждый день, а не только в праздничные солнечные дни – нет, этого не может быть, уж слишком это большое счастье.

Сегодня 2-е, ровно месяц, как ты уехал. Боже, как еще долго.

Целую. Жду.

Жена

Воспоминания с тиражированием

• • •
5 августа 1959

Медленно ползет 5-е число. Я, как могу, помогаю ему в этом. Сплю, шляжусь по городу, опять сплю.

Кися! Сейчас пошли с Юрочкой Колычевым – стояли минут двадцать в очереди и купили вам ситчик – очень симпатичный. Мне нравится, во всяком случае. Посылаю тебе его бандеролью. И очень мне хочется, чтобы к югу у тебя были два веселеньких платьица, ладно? Попроси маму от моего имени и лучше отдай кому-нибудь – за полмесяца сошьют. Если тебе понравится ситчик, напиши мне обязательно. Я буду искать еще. Здесь появляется иногда китайский – в Москве его не найдешь.

Ты пишешь мне о Театре Моссовета так, как будто от Мирки Кнушевицкой зависит, взять меня или не взять. И все дело за моим согласием. Но даже если эта возможность и существует, ты ведь знаешь мое отношение к скачкам по театрам туда и обратно – все надо взвесить и подумать серьезно. Приеду – поговорим. Сыграть что-нибудь интересное хочется до ужаса – как мне надоели стилиги, жлобы и мальчик в трусиках, которых я играю каждый день, и пока на горизонте никаких перспектив.

Сейчас с Юрочкой пойдем на концерт Геохланяна.

7-е

Был на Геохланяне, слушал музыку – очень грустно, а сегодня получил от тебя хорошее письмо – доброе, любящее, ласковое! Киса моя! Как долго идут все-таки письма с дачи! Почти пять дней. Пиши, маленький, чаще, не ленись.

В театре очень противно – склоки, мелочь и дрызги – иду вечером играть, как на пытку. Распределили новую комедию Нариньяни, про стилиг – к счастью, не попал. Поговаривают о новой пьесе Мозма. И если не обосрут, то это будет очень интересно. А если меня там не займут, то буду скандалить, вплоть до ухода. Прозондируй у Мирки серьезность ее разговоров о театре, только не от моего имени, ладно? Узнай, когда театр их приходит из отпуска,

какие пьесы заваривают и какие роли освободились от Вальки Гафта, все выясни точно и напиши мне.

Сегодня седьмое число, я его не считаю, значит, уже 8-е. Значит, почти треть Куйбышева уже есть. Осталось взять себя в руки и потерпеть еще 20 дней. Очевидно, нам придется очень недолго пожить на даче, да? Надо будет сразу же выезжать. Но мы все-таки пару-тройку дней проживем, да? Какие у тебя соображения, как с Курепиными все решили по срокам?

Киса! Ты мне ничего больше не пишешь о рабочих перспективах, и что там получается, и что ты для себя решила. Главное, чтобы тебя грело то, что ты будешь делать. Остальное – блеф и чепуха. Только этим и руководствуйся.

Скоро нашему сыну будет год! Ты не забываешь рассказывать ему про папу и заставляешь говорить обо мне – он должен встретить меня «па-пой» и обязательно узнать меня, а не то я обижусь и сразу начну обвинять тещу в том, что она неправильно воспитывает ребенка, а тебе не нравится, когда я обвиняю маму, – так что пусть он меня любит и помнит.

Не давай его перехваливать и таскать все время на руках. Не балуй, ладно? А то выйдет чего-нибудь не то из него, что тогда мы с тобою, старички, делать будем?

Жди и считай дни, как я их считаю.

Твой скучающий муж-изгнанник

• • •

Без даты

Кис! Не знаю, что такое творится в душе, в мыслях! Все подчинил себе какой-то сумбур, какой-то страшный, всепоглощающий психоз, болезненный непокой, рождающий вспышки страшной, безысходной тоски и пустоты, но вдруг кидающий всю натуру в яростную энергию ненависти и презрения и – до «кусаться» – враждебности к окружающим.

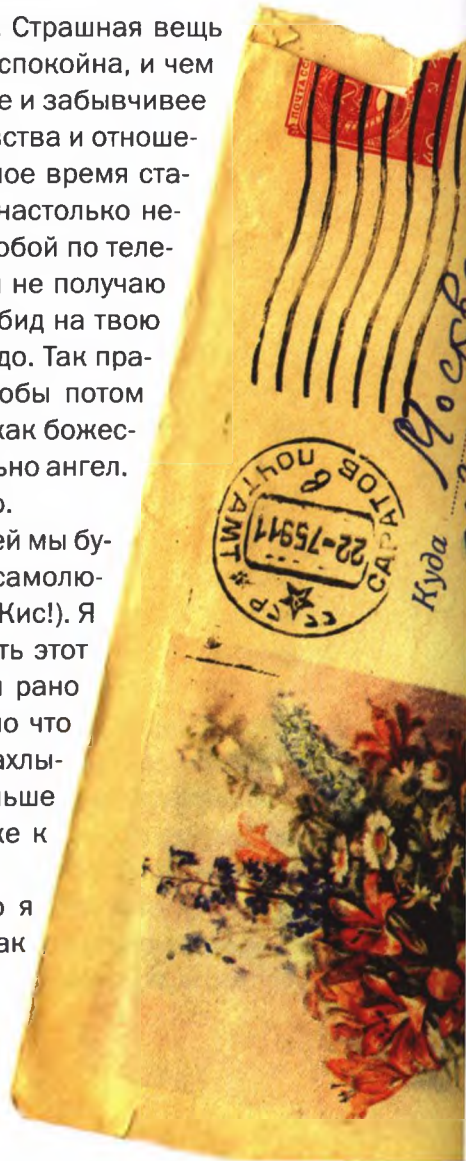
Ты мне писала не однажды, что иногда тебе не верится, что у тебя сын, муж, семья и что, когда нет меня, ты подчас ощущаешь

себя прежней маленькой девочкой. Странное у меня состояние в этих гастроях. Я с первого дня стал волноваться за Мишку и скучать по нему. И с каждым днем все сильнее и острее тоскую по тебе. Не как по чему-то далекому, а как по своему лучшему, любимейшему «куску» себя, своего «я», которого почему-то нет со мной. И я должен два месяца жить неполноценным, обескровленным существом, без покоя, без стимула, без уверенности в каждом своем шаге.

Я знаю, что мы – разные характеры. Страшная вещь эти характеры. Ты сейчас, как и всегда, спокойна, и чем дальше ты не видишь меня, тем покойнее и забывчивее мой образ, лицо и реальность твоего чувства и отношения ко мне (которое, очевидно, в обычное время стабильнее и увереннее, чем мое, теперь настолько неравноценно, что даже от разговоров с тобой по телефону, которые я так трепетно ожидаю, я не получаю ничего, кроме неудовлетворенности и обид на твою холодность и покой). Наверное, так и надо. Так правильно. И не нужно фантазировать, чтобы потом разочаровываться. Ты для меня сейчас как божество (я не преувеличиваю). Ты действительно ангел. Ты мне грезишься днем и снишься ночью.

Я так надеюсь, что после этих гастролей мы будем по-настоящему счастливы и чутки к самолюбию друг друга (ведь у меня самолюбие, Кис!). Я не знаю, хватит ли у меня сил выдержать этот август без тебя. Мне все говорят, что я рано начал себя так тоскливо настраивать, но что поделаешь – я не настраиваю – тоска нахлынула и поглотила меня всего. И чем дальше от момента разлуки, тем все-таки ближе к встрече – хотя еще долго-долго.

Думай, Кися! Люби, жди и знай, что я твой весь с потрохами – цени это, как я ценю и люблю тебя!

• • •

Жена, любимая, далекая, родная!

У нас ЧП. Юрочка заболел остройшей дизентерией, и уже в 4 часа дня мы его самолетом отправили в Москву. Ходим с Вадюшей и прислушиваемся к своим животам – ведь у нас один стакан, одна миска и так далее. Завтра придется делать профилактику, если уже не поздно. Крепко целую – пока здоровый, тьфу, тьфу. Если бы ты видела, какая счастливая была рожа у Юрки, когда он улетал, а мы с Вадюшей с завистью глядели на этого дизентерийного счастливца.

Киса моя! Скоро-скоро.

• • •

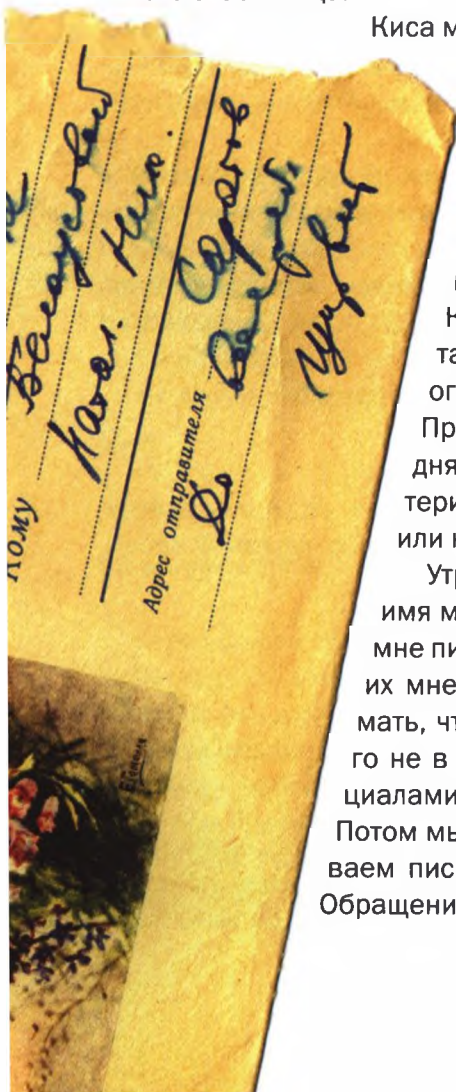
10 августа 1959

Кисонька!

Сегодня 10-е число! Вчера, 9-го, на целый день с 7 утра уехали, были на Куйбышевской ГЭС, в Жигулях, играли там два спектакля, утром и вечером. ГЭС огромная и величественная. Красиво. Приехали в 3 часа ночи. Последние два дня с Вадюшей ходим под страхом дизентерии – принимаем разные антибиотики, или как их там. Пока все благополучно.

Утром сегодня получил от тебя письмо на имя моего отца. Если ты хочешь адресовать мне письма таким образом, то учти: получать их мне довольно трудно – ты должна понимать, что я доказываю, что ты у меня немного не в себе и путаешь мои инициалы с инициалами моего отца. Они с трудом в это верят. Потом мы идем к начальнику почты, где вскрываем письмо, и начинается публичное чтение. Обращение «Кисонька», как резонно замечает

Востокки с трагедии

начальник, может относиться в равной степени как к Александру, так и к Анатолию, и так далее. Полупорнографическая вырезка, положенная тобою именно в это письмо, а не в другое, заставляет собравшихся экспертов очень подозрительно на меня смотреть, понимая, что к этой вырезке я могу иметь прямое отношение. Обратный ответ, написанный тобою от моего лица, дает право начальнику сначала спросить, грамотный ли я, а потом сказать, что жена у меня действительно странная и, очевидно, не помнит, как зовут ее мужа. И в таком роде до конца письма. Когда проштудировали его и стали совещаться, я уже не очень и настаивал на нем, так как прослушал его в четком прочтении и с комментариями начальника почты. Спросив, снимался ли я в фильме «Атаман Кодр», они переменялись и вежливо письмо отдали, журуя тебя уже по-отечески.

Так вот, если тебя эта эпопея устраивает, то пиши и дальше папе письма в Куйбышев. Ответом, написанным тобою на твое письмо, в целом доволен. Почти все правильно.

Относительно драпировки – здесь можно поискать такую. Напиши, сколько надо и какого цвета будут обои. Денег мне не надо – найду.

Киса! Осталось 20 дней.

Целую крепко.

Муж

P.S. Остальное ты уже сама себе написала, по-моему, в издательской форме. Не буду больше писать тебе ласковых писем, коль ты смеешься над ними.

• • •

Письмо Наталии Николаевны

16 августа 1959

Начало письма не сохранилось

...У меня с самого твоего отъезда был целый ряд ориентиров до твоего возвращения. Так, должны были два раза приехать гости и после этого дня через два ты приедешь. Должны были

пройти 7 суббот и воскресений, поэтому я всегда радовалась понедельнику – еще одно воскресенье прошло. Пять раз вымыть голову – вчера предпоследний раз, теперь буду мыть перед твоим приездом. Сегодня, надеюсь, предпоследнее воскресенье, со дня на день жду гостей.

Я немножко обалдела от гостей. Сейчас на даче у нас всего 13 человек.

Сегодня решила устроить твоим настоящее воскресенье – Мишку не отвезла, сейчас спит, а я пишу. Для меня это лучше, так как, когда он у твоих, я и стираю, и готовлю, и мою, и прибираю, а тут сижу рядом с ним и делаю, что хочу.

Вчера получила твое письмо от 10-го, о последствиях Анатолия Густавовича на конверте. Письмо очень смешное, хохотала до слез.

Кисик, надо попробовать Театр Моссовета. Ведь так действительно ужасно жить. И, как ни печально, для тебя театр всегда будет самым главным в жизни. Если я не буду получать удовлетворения от работы, для меня важнее ты и Мишка, так что это будет полбеда.

Уж как-нибудь дотяни, а там что-нибудь придумаем.

Ну, целую, мой дорогой, такой уж долгожданный.

Жена

• • •

23 августа 1959

Девочка моя далекая и родная – очень нереальная!

Сегодня 23-е число, 4 часа дня. Сегодня я уже не считаю, значит, осталась одна неделя – жди!

Утром играли концерт в Доме офицеров. Потом пошел в музей здешний – небольшой и очень плохой – еще хуже собрание, чем в Саратове. Приличны Маковский и несколько разрозненных полотен Репина, Саврасова, Васнецова. Остальное – рваные кусочки разных авторов, стилей и полная чехарда в скульптуре.

Я не очень понимаю тебя – ты хочешь сидеть на даче весь месяц? Или нет? У меня отпуск 40 дней – я тебе обещал, что никуда не поеду и ничем не буду заниматься весь этот период. И я сдержу слово.

Звонили мне из «Мичмана Панина» – предлагали очень соблазнительную работу: весь сентябрь в Севастополе, 16 съемочных дней, никаких павильонов, только море и корабль. Вся экспедиция на корабле, в открытом море – весь месяц. Обещали 6 тысяч за все и гарантировали свободу в первых числах октября, мотивируя тем, что им дан корабль всего на месяц. Отказался категорически, хоть было нелегко – просто потом дня два-три клял себя за это, даже хотел им телеграмму давать с согласием, но переболел и успокоился. Теперь тебе пишу об этом с чистой совестью и открытой душой. Молодец я? Правильно сделал? Может быть, надо было подработать? Я очень, правда, устал, но и роль приличная, и деньги тоже. Но я хочу быть с тобой весь отпуск, мечтал об этом, о нашей поездке и о долгожданном отдыхе. Киса! Если ты решишь, что мне лучше подработать сентябрь, дай телеграмму, я, может быть, успею переиграть все это дело и поехать с ними. Решай!

По-прежнему под новой пломбой болит зуб и очень меня огорчает. А тут еще лихорадка вскочила на губе – хорошенький я у тебя, нечего сказать. Лечит меня Вадюша. Лихорадку – одеколоном и марганцем, зуб – пирамидоном и водкой.

Пью катастрофически мало – нет денег и желания для их занятия. В обкомовской столовой в честь нас стали готовить очень вкусные обеды – едим много.

Карточки Мишкины очень меня обрадовали. Кися! Почему его снимают таким далеким планом – пусть крупно снимают, а то не видно, что он красивый и на меня похож.

Очень тоскую.

Скоро-скоро приеду.

Твой

• • •
Письмо Наталии Николаевны

Без даты

Вот! Легла спать, потушила свет, ворочалась, ворочалась и вдруг поняла, что все равно не засну, пока хоть на бумаге не пообщаюсь с тобой.

Кис, а ты помнишь, как мы встретились с тобой в прошлом году после долгой разлуки? Когда ты приехал за нами с Мишкой в роддом, ты был в коричневом костюме с белым отложным воротничком и очень взволнованный. А когда тебе дали Мишку... – таким бледным и растерянным я тебя никогда не видела. А потом мы шли по лестнице втроем, а потом лежали на кровати, и я тебе рассказывала, как Мишка на свет появился, а ночью ты вдруг проснулся, поцеловал меня несколько раз и опять уснул. Помнишь? Какой чудесный был день. А было это 23 августа.

Я помню и первый наш день, когда я приехала из Сухуми. Это был 1952 год. Ты был в сером костюме, я в красном платье с кружевным воротничком, которое ты любил. Мы ехали в троллейбусе на Скатертный, а вечером поехали на дачу. И ты был в безрукавке – помнишь, у тебя была коричневая с желтыми цветами?

Помню, когда ты приехал из Риги. Мы сидели со всеми в столовой, и я глупо улыбалась все время, ведь в ту разлуку я поняла, что очень люблю тебя.

Я мечтаю: 4 часа утра, звонит будильник, спать очень хочется, но от слишком хорошего настроения сон проходит. Ведь никто никого не провожает, а мы едем вместе, фактически первый раз вместе. Ты такой теплый, свой. И так уютно лежать вместе. Но через 30 минут приедут Курепины, а надо еще кофе в термос налить и тебе побриться.

Ты встаешь, ставишь кофе и идешь... дальше мечтай ты.

Кис, а ты знаешь, что мы на даче будем очень торжественно отмечать 30 августа? Сюда войдут: твое рождение, Мишкино (мы будем очень скромны) и 8 лет, как мы с тобой.

Целуем.

Жена, сын

Встретились с тиражей

• • •
26 августа 1959

Дорогие мои родные (жена, родители, дети)!

Пишу вам последнее письмо и в следующий раз приеду уже сам. Сегодня вторая половина дня 26 числа, то есть осталось 5 дней – уже ощутимо и реально. Занят с утра до ночи, и это очень хорошо – не успеваю думать о том, что время идет медленно.

Атмосфера на театре сгущена до крайности – видеть друг друга нет сил, раздражает все, ссоры и вспышки на каждом шагу из-за мелочей. Нервы у всех на пределе. Юмор, правда, иногда спасает, но вообще тяжко.

Вчера постригся и вымылся – терли с Вадюшей друг друга с ожесточением – от намеков загара не осталось и следа. Город надоел ужасно. На каждом шагу: «А сколько ты собрал металлолома?» – и указательный палец девочки-пионерки прямо тебе в нос. Вообще, как в Саратове, так и здесь, все воззвания и лозунги рифмованные:

«Знай! Улиц наших асфальтная гладь
И парков зеленые рощи –
Все это твой город,
Точнее сказать,
«Общая наша жилплощадь».

Или:

«Чем больше соберешь металлолома кучу,
Скорее тем построишь коммунизма кручу!»

Вот перлы!

А в прозе:

«Употребив мороженое – брось бумажку в урну!»

Отец, тебе приходилось когда-нибудь употреблять мороженое?

Вчера получил билет на поезд Куйбышев – Москва. Буду в Москве 1 сентября утром. На работу мне выходить 12 октября в 11 часов утра. Так что отпуск у меня ровно 42 дня – жить можно.

Сил нет, нервов нет, настроение гадкое – хочу домой.

Прощай, Куйбышевский почтамт. Все.

Целую всех.

Ваш сын, муж, отец

Письма из Сталинграда и Кисловодска, 1961 год

Сталинград, 17 июня

Кисонька! Это я!

Так не хочется писать банального письма, так мне уже надоело здесь, настроение ужасное, скучаю очень по Мишке и, как ни странно, по тебе.

Писать тебе, что Сталинград – город-герой и гастролы проходят и так далее – просто пытка.

Духота, жара, волнуюсь о доме, стариках – очень надеюсь на тебя. Будь взрослой и женой моей – ты ведь у меня одна – представитель и глава семьи в Москве и Иерусалиме.

Дай бог, все обойдется, и к августу поедem в Одессу вдвоем или с Мишкой Курепиным – отдохнем чуть-чуть.

Духоту здешнюю переносу неважно – утром просто разбит. В номерах ползают тараканы, летают комары и бездна мошек различных.

Сегодня уже пять дней, как я в гастролях, так что время идет – жди, думай, люби и будь мудрой – я не взял с собой своего клоуна, и ты не положила на этот раз Мишкины игрушки – вот и настроение отсюда, и вообще все плохо.

Письма твоего не получил.

Твой

Целую.

21 июня 1961

Это я! 42 градуса, и никаких сил. Рука прилипает к листу, лист прилипает к столу, стол горячий, как и весь город. Наладил связь с телеграфисткой – буду звонить в пятницу вечером. Сегодня 21-е число, а 5-го я улетаю в Кисловодск, так что скоро половина гастролей минует.

Был в музее обороны Царицына-Сталинграда, на Мамаевом кургане (не спутай с Малаховым из-за интеллектуальной мощи).

Дни рождения немного отпустили, и уже два дня не пью.

Живем в гостинице и на ночь обливаем водой – себя, простыни, занавески. Духота щемящая. Пытаемся во всякий удобный момент сделать сквозняк.

Репетируем в исподнем – Штейн все время льет воду на себя и в себя, и к концу репетиций он изображает из себя огромную лужу.

Есть не хочется, пить хочется и воды хочется для купания беспрестанно.

Хочу тебя и Мишку.

• • •

Письмо Наталии Николаевны

21 июня 1961

Милый друг Сашенька!

Не звони ты мне темной ноченькой, не буди, меня красну девицу, а пиши ты мне, соколик ты мой залетный, ласковые и любящие письма, и на них отвечать приятнее, чем в проклятую технику вопить на всю квартиру.

Вчера ездили мы на Клязьменское водохранилище, смотрели строительство пансионата, который проектировали наши ребята, а потом купались в Бухте радости, это на канале, не доезжая Пестова. Помнишь, я к тебе приезжала и мы ходили на канал смотреть, как фонарики зажигаются: красненькие с одной и зелененькие с другой стороны канала.

И очень мне захотелось с тобой и Мишкой сплавать (странное слово какое-то получилось) в Пестово на «Ракете» (это которая на крыльях быстро-быстро плывет, мы ее вчера видели). Кис, сплаваем?

Мишка как услышит, машина загудит, так бежит и кричит: «Скорей ворота открывать – папа едет!» А когда я приехала, первое, что мне взволнованно сообщили:

Коля: «Наташа, а меня Бобик лизнул!»

Миша: «Мама, а меня Бобик нюхнул!»

Тебе прислать бумаги для писем, а то пишешь на каких-то клочках?

Целую, скучаю, люблю.

Твоя жена

Весточки с трассы

27 июня 1961

Кусинька!

Событий здесь у нас катастрофически мало – обедаем в обкомовской столовой, все официантки пересмотрели наши спектакли и обслуживают, как метеоры, а твоего мужа еще быстрее (скромный я у тебя и порядочный).

Был два раза в кино – ходили всем театром после спектаклей в летний загон. Смотрели «Там, где кончается асфальт», «В старом Чикаго». Это «Чикаго» все ждали недели две – шумели, удивлялись, что я не видел никогда. Бред устрашающий – те же, кто залез бывался, оправдывались потом, что, мол, видели его в раннем детстве, на самой заре своего интеллекта.

Завтра отменяются репетиции, и всей бандой грузимся на парходик в 8 часов утра, и состоится традиционная вылазка на природу – с пьянкой и окупанием. Обещают довести до Волго-Дона (хотя тебе это ни о чем не говорит, и все равно).

Сегодня прилетает к нам граф Шувалов*, после продолжительного турне по Европе. Вообще жен и мужей в эти гастроли прорывается больше, чем достаточно. А в Кисловодск ожидается прямо паломничество. Главный администратор матерится по-страшному, совсем запутался с переселениями, доселениями.

Завтра прилетает худрук, и завершаются вылазки. Называется у нас «Последний день свободы».

Читаю мало. Духота страшная. Прочел «Знакомьтесь, Балубев!» – бред, и чудесную Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев». (Пишу на почтамте, здесь не так душно. Пишу ручкой, которую макают. По-моему, таким орудием пользуюсь первый раз в жизни – думаю, что последний, ужасно неудобно, часто макать надо, капает, и рука в чернилах).

Пусть сын мне чего-нибудь напишет или, в крайнем случае, нарисует. Ладно?

* *Игорь Шувалов* по прозвищу Граф – актер Театра имени Ленинского комсомола, муж актрисы Маргариты Струновой.

Определились переезды в Кисловодск. Я лечу 8-го. Вчера наладил порвавшие было отношения с телефонисткой – была она вчера на «Колесе». Сегодня буду тебе звонить.

Кися! Я устал! Соскучился, и, как никогда, надоело мне в гастроях – хочу всех вас.

Твой муж (слышишь?)

• • •

28 июня 1961

Кися!

Получил твое большое (относительно) письмо, написанное, как я понял, разными карандашами и ручками в разное время на большом временном отрезке. (Заметь, как стараюсь выводить буквы – ты же просила. Но учти, что, когда я думаю о почерке, исчезают искренность, полет мысли и теплота. Самые нежные письма – можешь проверить по своим архивам – написаны каракулями.) Ой! Рука онемела от напряжения и ответственности – перехожу к естественному состоянию.

Сегодня приезжает худрук. Настроение поганое, работать не хочется и хочется к тебе, домой.

Дни пошли медленнее и тяготнее, жара не спадает, а работы с каждым днем прибавляется и прибавляется. Выпуск «Чемодана»* – пока мало что получается, да мне и наплевать, в общем.

Твой Кис (бегу в театр на репетицию, потом поеду слушать музыку к спектаклю, потом «Цветы живые» – ужас).

• • •

4 июля 1961

Письмо написано на обороте расписания гастролей Театра имени Ленинского комсомола.

Кися! Жenuшка моя!

Приехал из Волжска с выездной «Акации» – успех огромный.

* Спектакль «Чемодан с наклейками» по пьесе Дмитрия Угрюмова в постановке Сергея Штейна и Александра Ширвиндта.

Хороший это спектакль, да и муж там у тебя неплох. Устал – дорога уж больно тяжелая.

Так как с бумагой по-прежнему тупик, то, содрав со стены расписание, пишу тебе на нашей повседневной работе, – да тебе и интересно будет взглянуть, как трудится твой муж на пошлой ниве драмы.

В 11 часов репетирую с зубрами – нервов на них уходит вагон. Поначалу мучился, потом стали слушаться, а теперь, в общем, репетируем нормально, всегда параллельно со Штейном (картину – я, другую – он, они довольны, смотрят в рот и боятся даже иногда).

Если выпустим «Чемодан» в 20-х числа, то, возможно, вырвусь раньше, чем к 1-му числу – хочу, во всяком случае, очень и приложу все силы.

Интересно, что будет дальше? У меня полная прострация, и я не хочу даже думать и загадывать вперед. Самое страшное – когда много вариантов и нет полной уверенности и настоящей тяги ни к одному из них. А здесь, у нас, тоже невыносимо. Надо решать – резко и категорично, но думать душно и скучно, думать противно и лень! Я вообще не знаю, что делать с театром, настолько большой тупик в этом всем. Все равно этот или тот театр – лучше, хуже, но, в общем, – полный крах. Прямо хоть беги в эстраду или в таксомотор.

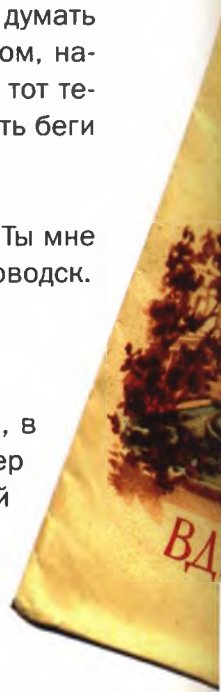
Кися, мне плохо, слышишь? Устал я!

А почему сын мне ничего не нарисовал и не написал? Ты мне пиши с расчетом до 7-го числа, 8-го утром лечу в Кисловодск. Хочу домой!

(Приклеен листочек.)

Хемингуэй умер! А? Я только что закончил «За рекой, в тени деревьев» – такая глыба, и на тебе – жил дивно и умер романтично. Последний великий писатель, наш с тобой современник.

Жди меня.

7 июля 1961

Кисонька! Пишу тебе последнее письмо из Сталинграда, ибо улетаю завтра на рассвете. Событий особых за отчетный период не произошло. Вчера был на «Цыганском цирке» – кроме двух евреев – музыкальных эксцентриков – цыган не было.

Только что приехал с Волги – купался. Поймали со Славиком Богачевым огромную селедку – килограммов шесть-семь. Поймали голыми руками – на зависть рыбакам, стоящим кругом. Здесь вообще с рыбой чего-то недодумали. Она идет валом из Каспия метать икру наверх, как ходили еще деды и прадеды, но Сталинградская ГЭС ее теперь не пускает, а она прется и разбивается или оглушается о плотину – вот такую полудохлую рыбу мы и ловим.

Сегодня будет уха (ты не подумай, что селедка сразу соленая и с луком – рыба как рыба).

Играю сегодня последние «Завязанные глаза» – отдала стирать рубашки и чинить обувь – приеду пижоном.

Возможны с трассой

Сталинград второй раз оккупировали немцы – тьма туристов, все рестораны закрыты – их кормят и даже пароходики все снимали с перевоза – катают их по Волге.

Чуть-чуть обгорел, загара нет совсем. Помылся в душе, чистый, бритый, пушистый лежу на кровати и совсем, совсем один – Юрка остался на пляже. Хочется ко мне? Не обидно? А!!! Надо мужа любить и ждать, ждать, ждать.

Почему мой сын не рисует мне картинки – я же несколько раз требовал. Немедленно чтоб нарисовал, слышишь? Я сейчас злой, как зверь, меня раздражать нельзя, меня ублажать надо всячески и ласкать тоже.

Пью, в общем, мало, курю средне, женщин не имею – имею тоску и злость. Хочу домой. Не хочу еще столько же в другом городе – не хочу.

Я иду к сапожнику, потом в прачечную, потом на почту, чтоб к этому времени было мне письмо, слышишь?

Целую, твой всюду муж.

• • •

Письмо Наталии Николаевны

8 июля 1961

Начало письма не сохранилось

...Все на работе ко мне очень бережно относятся. Если я не иду обедать, мне приносят молоко и булку, чтоб я не похудела к твоему возвращению, и кто-нибудь довозит или провожает до дома. И это все только для тебя! Цени!

А я и без них берегу себя для тебя.

Хожу в бассейн. Если хочешь сделать мне подарок, подари ласты и маску. Это такое наслаждение плавать в маске, только немножко страшно, что упадешь на дно, – так под тобой глубоко и очень хорошо видно.

У меня новое платье, мама сшила – роскошное. А я сама себе шью сарафанчик с кофточкой – для Одессы. Киса, неужели ис-

полнится моя давнишняя мечта – мы с тобой поедем долго-долго в поезде. Ладно? Я на самолете не полечу – я боюсь. Я буду тебе покупать на станциях жареных кур и еще что-нибудь вкусное. А на будущий год поедем с Мишкой? Ты скажешь: «Что задумывать? Там видно будет». Кис, ну тебе хочется с ним поехать? Ты представляешь, как он будет купаться в море, валяться в песке! Он сейчас с таким наслаждением купается в речке, визжит, хохочет, брызгается, а потом вываливается в песке – и опять в воду.

У меня такое платье - мама сказала -
- розовое, а я сама себе шью сафари
с карманами - для Одессы

Киса, ну жень исполнилась
моя давнишняя мечта -
- мы с тобой поедем
долго-долго в поезде. Ладно?

Киса? Я на самолете не полечу - я боюсь. Я буду тебе покупать на станциях жареных кур и еще что-нибудь вкусное. Кис, а на будущий год поедем с Мишкой? Ты скажешь - что задумывать, там видно будет -

Кис, ну тебе хочется с ним поехать? Ты представляешь, как он будет купаться в море, валяться в песке! Он сейчас с таким наслаждением купается в речке, визжит, хохочет, брызгается, а потом вываливается в песке и опять в воду.

• • •
Кисловодск, 12 июля 1961

Кисонька! Кисловодск – город-курорт. Посреди города – огромные плакаты: «Пусть Кисловодск будет горным Сочи!» Пусть будет, ладно, Киса.

Долетел благополучно – впервые летели человек десять наших девок – охали, ахали, готовили пакеты (болтало солидно). Ремез* спал и синел, синел, так что к концу Вока Ларионов решил, что он кончился – разбудили – жив. «Ты бледна, моя Луиза!» – сказал Вокуля, на что Оскар Ремез снова впал в забытие, и из самолета его уже выносили. Ганка Матвеева пела надрывным голосом фальшивые напевы, остальные тихо блевали.

Прилетели в Мин. Воды. Сели в автобус – в Кисловодск. По дороге заехали на место дуэли Лермонтова – там окончательно выяснилось, что Лермонтов был характером страшнее ужаса и в конце концов его пришибли.

Живем в Кисловодске в деревянном сарайчике – точь-в-точь в таком, как мы жили в Сочи, помнишь? Весь верх наш – два малюсеньких пенала по две комнаты. В одном пенале одна комнатуха Нонки, другая – Ворошилова**, Ремеза. Две комнатухи в другом пенале: одна – Ганки с Вокой, другая – наша с Юркой (он еще не прилетел из Сталинграда, ждем).

Весь перелет играл с Карновичем*** в очко – тряски не заметил, ибо проигрывал 2 рубля.

Воздух здесь удивительный. Городок безумно похож на Сочи – Гагры, все время ждешь, что за поворотом покажутся кусочки моря, они не показываются, и становится непонятно, зачем здесь дикое количество людишек кишмя кишат. Нарзаны бесплатные – всюду, но не очень вкусные, негазированные.

* Оскар Ремез – режиссер.

** Владимир Ворошилов – в тот момент главный художник Театра имени Ленинского комсомола.

*** Геннадий Карнович-Валуа – ведущий актер Театра имени Ленинского комсомола.

Играем почти все время «Опасный возраст» – надоели все друг другу дико, – держу себя в руках, чтобы не материться беспрестанно.

Лазил два раза в горы. Один раз забрался рано утром на самый верх, на «большое седло» – красота оттуда необычайная, и все до ужаса мелко и гадко внизу, где людишки.

Эльбрус виден: до страшного величественен и горд – ветер и солнце.

Вчера мне показалось по телефону, что ты как-то неопределенно сказала мне о здоровье стариков – скрываешь что-нибудь?

Хочу домой! Жди меня очень!

Твой

• • •

Письмо Наталии Николаевны

Без даты

Начало письма не сохранилось.

...Только что приехали. Ездили с Юликом Шварцбреймом* на Юго-Запад – на свой участок посмотреть. Потом по всем магазинам – искали подарок Мезенцеву**. Устали ужасно, хоть и на «Волге».

Вчера по телевизору показывали Джину Лоллобриджиду – хороша до безумия! Сегодня с утра все о ней только и говорили. А сейчас ехали мимо гостиницы «Москва», смотрим – толпища народу (в Москве сейчас два международных кинофестиваля, читал?) и от подъезда отъезжает черная «Волга» и едет рядом с нами. Мы смотрим, а там сидит Джина – мы ее даже успели снять.

Почему ты не позвонил сегодня? Я ждала и даже чуточку волновалась.

Киса, я тебя люблю прямо до тошноты! А ты?

Твоя

* Юлиан Шварцбрейм – руководитель архитектурной мастерской.

** Борис Мезенцев – главный архитектор института ЦНИИЭП.

20 июля 1961

Прошел день рождения!

Давно не было так грустно и одиноко. И народ пришел, и пили за тебя и за стариков, и стол вкусный сделали Ганка с Нонкой, а тоска, тоска накопилась еще с утра и по приближении к ночи ухандокала меня совершенно.

Получил твою посылку, умница моя, радость моя, – все ахали, охали, одну сигарету курили по кругу, делая вид, что понимают что-нибудь в табаках, умиленно смотрели на сногшибательную упаковку и славил тебя как жену, а меня как мужа.

Силы мои, Кисонька, на исходе: 28-го – премьера «Чемодана», запарка страшная, сроки дикие – я и не подозревал, как трудно ставить спектакль. А мне очень важно, независимо от дальнейшего, иметь режиссерскую работу за плечами, а при Штейне-постановщике у меня складывается довольно удачно.

Не представляю, как буду сниматься и работать, – так хочется отдохнуть и разрядиться. Надеюсь, что пара-другая деньков на даче у меня выкроится – ты будешь со мной?

Вчера сидели долго – пили, ругались за искусство. Нервы у всех на пределе – кидаются с оскалом друг на друга беспрестанно.

Были у меня: Игорь Шувалов (муж Струновой), Танька Назарова с Симкой (помреж), Неля Гошева, Державин, Инка Кмит и Ритка Лифанова. Подарки брал алкоголем и цветами – подарили карты филадельфийские и игру настольную «Скачки» – играем с Юрой круглосуточно.

Танька с Симкой содрали со стены афишу «Атаман Кодр» – висит над кроватью, а наша хозяйка, у которой в этот день был день рождения внука Миши, принесла мне вафли – одну пачку из трех, которые родители Мишки прислали ему из Москвы. Когда я вскрыл пачку, там была записочка: «Кушай, родной птенчик!» Я так до сих пор не знаю, это Мишке записка от родителей или мне от хозяйки.

Вчера была гроза – их в Кисловодске вообще не бывает. А в Москве?

Любить меня до тошноты запрещаю – тошнить тебе не от кого – убью!

Вчера был в бане – Нонка погнала – хозяйка сменила белье, и далее тянуть было уже невозможно.

Девять дней пролетят – должны пролететь – быстро, и муж, сын и отец прилетит к вам на крыльях любви (ТУ-104Б), а лету здесь два часа. Я скоро, скоро.

Жди.

Муж

(Целую туда же.)

• • •

23 июля 1961

Кисонька моя! Ты еще не забыла, как я выгляжу внешне, и мой внутренний облик – красивый, интеллектуально привлекательный, обаятельный и незаурядный – не исчез из твоего воображения? Видишь ли ты сны со мной в главной роли? Или у тебя на сны уже пробуются другие мужчины – усатые и сослуживистые, нахальные и уверенные в своем архитектурном превосходстве надо мной? Не надоело ли тебе тянуть лямку главы семьи? И можно ли мне рассчитывать на тебя как на жену, подругу, мать моего ребенка и хозяйку своего очага? Могу ли я оставшуюся неделю (7 дней) думать об этом, настраивать себя на это, ждать этого, чтобы не встретить на аэродроме холодные глаза и вынужденную, в силу узаконенных браком обстоятельств, улыбку? Наступило ли у тебя обновление чувств после долгой разлуки (это очень модная история) или ты просто забыла меня (что на практике случается чаще)?

Два телефонных разговора вселяют в меня подозрения – холодный тон, раздражение чем-то, минимум ласки и полное отсутствие поцелуев. Писем после дня рождения тоже нет – симптомы страшные, а в последних 5 письмах бесконечные поездки с Юликом вашим под прикрытием Мезенцевского юбилея. А теперь по какому поводу вы катаетесь? Не смей! Убью!

Сегодня встал очень рано (в 7 часов) и полез на самый верх – посмотрел Эльбрус при раннем солнце – розовый, в дымке и та-

инственный, похожий на твою грудь, только хуже, но такой же далекий и недосыгаемый. Ветер, солнце, хочется кричать и звать, ты слышала? 23-го в 8 утра я звал тебя с предгорий Кавказа, звал громко, ты не могла не услышать, если бы все время прислушивалась ко мне. Я тебя уже давно не слышу – ты не зовешь меня. Я знаю, когда ты зовешь. Я могу проснуться среди ночи, сказать: «Кися, я слышу тебя. Мне тоже плохо. Спи спокойно, я скоро приеду». Так было в Сталинграде. И сейчас я напряженно вслушиваюсь в эфир, но мой интуитивный радиоприемник жалобно пищит: бегал по пустым волнам, где встречается много людских любящих сердец и где я не могу поймать тебя. На какой ты волне, Кися? Ты настроена на мою волну? Может быть, тебя кто-нибудь заглушает?

Я сижу под яблоней в нашем садике. Юрка спит перед вечерним спектаклем, Ганка плохо себя чувствует, Вока в Пятигорске на «Колесе», Нонка с Риткой Струновой о чем-то шепчутся в пенале. Ворошилов, мрачный и скептический, рисует на коробке из-под сигарет какую-то фиговину. Хозяйка наша развешивает подушечьи пододеяльники (забыл, как зовут их). Мне грустно и немного пусто от сознания неизвестности и непокая будущего – я хочу немного ласки и покоя, счастья хочу, ладно?

Письма из Минска, Львова и Донецка, 1962 год

Минск, 6–7 июня

Кися родная!

Сижу, кашляю, соплю – разболелся намертво, а полежать некогда, надо играть. Два дня подряд «Завязанные», потом два дня подряд «Центр»*. Ужас.

Вчера целый день шел снег, с диким ветром. Играем в Доме офицеров и в русском театре. «С завязанными глазами» прошли прилично для этого спектакля. Что представляет из себя город, понять еще не мог. Но ощущение тоскливое. Возможно, из-за погоды.

Живем с Юркой во вшивой гостинице «Беларусь». Номеришко поганый, ванны нет, душ с горячей водой только днем.

Приехали с Вокулей Ларионовым в Минск в 6 утра – снег валил сплошной стеной. Встречали нас на каком-то хлебном фурго-не. Все наши посылки стали мокнуть и разлезаться моменталь-но – еле добрались до гостиницы.

Утром в театре на доске вывесили список людей, могущих за 1 р. 50 приобрести у нас посылки. Без четвертинки или наличных посылок не выдаем.

Очень не люблю болеть и, как ты знаешь, совершенно не умею этого делать.

Вчера по радио объявляли, что детей до лучших погод будут при-возить из лагерей в город. Как-то там наши пацаны, не холодуют?

Сегодня уже 9 часов утра 7 июня – театр больше недели на гас-тролях, а у меня такое ощущение, что я здесь две недели. Люби меня очень сильно, я буду знать, что ты меня жалеешь, и поправ-люсь скорее. Будь умницей.

Кися, я очень спокоен за Москву. Ты все сделаешь, как я про-сил тебя и как не просил, но ты догадываешься.

Целую тебя и жду подробных отчетов.

* Спектакль «Центр нападения умрет на заре» в постановке Бориса Толмазова.

15 июня 1962

Кисонька! Дорогой мой – это я!

Почему-то всегда телефонные разговоры с тобой оставляют какой-то налет неудовлетворенности и грусти. Потом сижу, лежу, хожу, и органически чего-то недостает – ощущения твоей теплоты и близости, хотя бы в силу телефонных возможностей.

Очень волнуюсь за Мишку. Обязательно все проверь. Немыслимо, чтобы ребенок кашлял несколько месяцев подряд. А то, что он кашляет только утрами, говорит за какую-то хронику, и это страшно.

Я кашляю тоже только утрами, но зато вечером к концу спектакля – почти без голоса и болит грудь. Сегодня пойду в поликлинику ЦК делать ингаляцию и еще чего-нибудь.

17-го числа мы с Юрочкой выступаем на здешнем телецентре. Передача называется «Познакомьтесь с интересным человеком». Передача про книгу архитектора Бурова Андрея Константиновича, не знаешь? Книга действительно любопытная. Я играю этого Бурова и говорю в середине книги такой текст: «Еще Семенов*, рассуждая об облике Минска, говорил, что Минск...» И так далее. Смешно? Тесен мир.

Получу полторы ставки, куплю тебе игрушку. У нас с Вокой сорвалась очень денежная телепередача с писаниной и ведением – не получилось по времени. Вкалываем каждый день, чтоб им сгнить. Кашляю, кашляю – не отстаю от ребенка. Вот сейчас пойду на почту, еще часа полтора и разойдусь, кашель пройдет.

Целую всех. А ты какая-то холодная и чужая по телефону. И одно письмо за 10 дней – очень подозрительно.

Твой

* Владимир Семенов – дед Наталии Николаевны, после войны восстанавливавший Минск.

• • •
Львов, 12 июля 1962

На листе – картинка: «Минск. Ленинский проспект».

Кися! Не обращай внимания на картинку – это старая бумажка, а на самом деле я во Львове. Город мокрый и грязный. Холодно и грустно. Опять хочу домой.

8-го числа играл без репетиций «Чемодан» вместо Покровского*. Говорят, смешно. Еще бы не смешно – не знал ни одного слова.

7-го был на концерте Рихтера – все-таки гениальный музыкант.

Сегодня вечером в театре «Встреча русского и украинского народов» – так написано на афише. Веду программу я – придумал вступительный фельетон для себя: «Так как по всем законам суда и арбитража встречи национальных сборных команд судит нейтральная национальность, эту встречу веду я».

В программе – Аркаша Вовси и Ленечка Каневский представляют собою русский народ, а от украинцев выступают несколько львовских евреев – вся надежда на чтение Ульянова.

Живем с Колычевым в гостинице «Интурист», номер дивный, но в ванной два огромных чугунных крана: один – кипятильник, другой – холодная. Вода не смешивается. Глупость дичайшая: либо шпарься, либо фыркай. Один выход – вообще не мыться. Но мне, ты понимаешь, это не под силу.

Сегодня был на телевидении – совсем иная картина, нежели в Минске: закривленные рожи «чего хотите?» – ну их в жопу.

Летели с Вокулей ужасно – первый раз в жизни так болтало – летели три часа.

Сейчас пойду в пирожковую пить кофе.

Я люблю тебя, будь умницей. Куплю тебе подарок.

Твой

* Александр Покровский – актер Театра имени Ленинского комсомола.

г. Минск. Ленинский проспект

Киса! Не обращай внимание
на картинку - это старая
бумажка, а не совсем
уже и во'лотно - сразу
марши и зыбности - хитро
и пусто - ольв юу жмат.
82 шеле жман бз ренетирит
'Гешарн'. Вмесо жорвесого -
- ольвот шмшо - еце бз не
Смешно. Не жман не ожно
Соба. 8² бз не ошьте
Рикета - все-таки генералы

• • •
18 июля 1962

Кисонька!

Завтра твой муж будет совсем старый. Ты не разлюбишь меня?

Москва отпадает. Грустно. Жди еще месяц и терпи.

Меня любят в городе – имею успех. Ходят девки сзади. Сегодня утром принесли огромный букет божественных кремовых роз. На спектакле «С завязанными глазами» получил записку с обращением Негг. Смеялся весь театр. Никого еще в записке не называли херром – слава богу, что с двумя «р».

Кися! Очень мне надоело работать. Говорят, что в морях запретили купаться из-за радиации – врут, должно быть.

Больше новостей нет. Поздравляю тебя с первым мужем (не по порядку, а по положению среди мужей). Целуй его, люби его, они (то есть я) на улице не валяются.

Муж

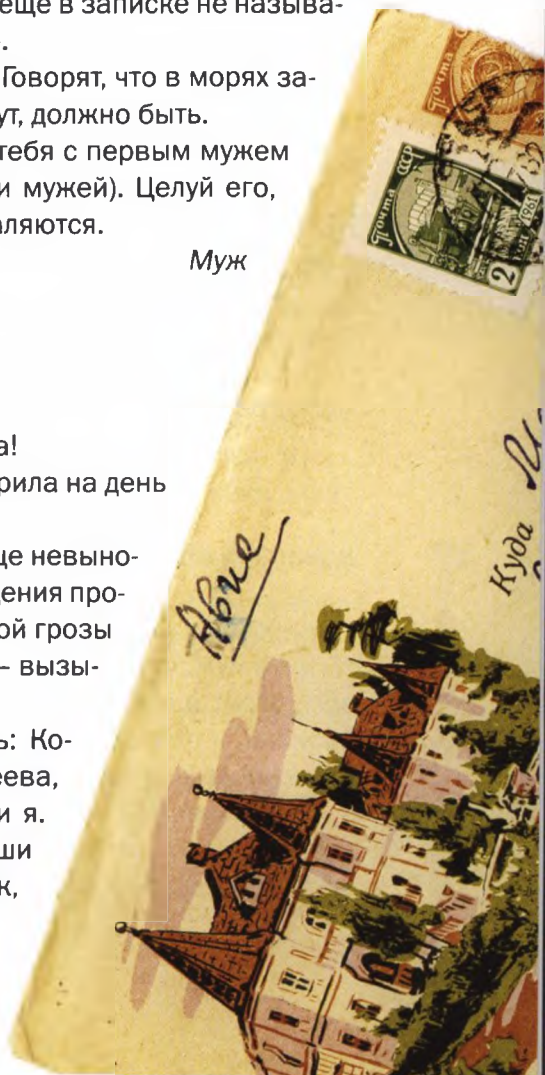
• • •
22 июля 1962

Кыся, здравствуй, дорогая моя жена!

(Проба пера – Ритка Струнова подарила на день рождения самописку – ура!)

Наступила дивная погода – стало еще невыносимее играть и видеть рожи. День рождения прошел тоскливовато. Вместо традиционной грозы лил сопливый, вшивый дождь. Старею – вызывать грозу уже не имею возможности.

Вечер был ординарный. Собрались: Колычев, Струнова, Ларионов, Матвеева, Кмит, Лифанова, Штейн, Щербакова и я. Были Петя Кириллов с женой. Это наши муж и жена. Он главный художник,

милый парень. Пили водку. Петя сделал очаровательный стол – весь день его оформлял. Получилось прелестно – никто не хотел начинать питаться – было жалко рушить красоту. Но все же разрушили. Днем поздравляли меня в театре – водил, угощал и пил за свое здоровье.

Юрик, наконец, заболел и лежал на дне рождения в кровати, и его все жалели, и он был на верху блаженства, ибо как он любит болеть, так никто не любит болеть. Два дня полежал, наглотался антибиотиков – надоело и поправился.

Сегодня 22-е число, ты на даче. Поцелуй Мишку, слышишь. Сейчас 10 часов утра. Целуешь ты его в этот момент? Сказала ли ты ему, что папа у него уже очень старый и у него отняли комсомольский билет. 28 лет, Кися! Многовато, а? Ты не бросишь старого мужа?

Юрка кряхтит и одевается – идем в пирожковую пить кофе, потом я еду играть.

К сожалению, не могу выслать тебе почтой своих портретов. Их метраж – 1,5 x 1,5 метра. На дивном портрете Гамлета нарисовали усы, а Кольчеву пипку – хулиганье!

Деньги смогу выслать тебе только 1-го числа. Так что если у тебя зарез – займи под это число.

Я люблю тебя, целую и скучаю. Терпите без меня, последний месяц разменяли.

Твой

• • •

Донецк, 5 августа 1962

Кисонька!

Твой муж, изнуренный разлукой и своим страшным коллективом, сидит в номере 733 в гостинице «Украина» на 7 этаже, на балконе, и тупо смотрит на город Донецк, где ничего не волнует и некуда деться совершенно.

Стонали во Львове от репетиций – здесь нет репетиций. Днями делать нечего, и от этого тоска еще страшнее: видеться со своими нет сил, а внешних развлечений никаких.

Ты меня прости, но я купил игрушку – транзистор. Он очень хорошенький и безумно дорогой. Если будет зарез с деньгами и он нам разонравится, в Москве продать его – раз плюнуть. А матери он тоже хорош: сиди себе в саду и слушай что хочешь.

Напротив пустая Юркина постель – сидит, сука, в Москве и пьет еще чай с конфетами. Хочу домой.

Сделали одну передачу на телецентре – «Мастера старшего поколения в кино». Прошла бы прилично, если б наш старый маразматик Соловьев* не порол чепухи. Сидим в кадре втроем. Он, я и Вока Ларионов. Он рассказывает: «Нам, артистам театра, очень трудно сниматься в кино из-за недостатка времени». Мы киваем и умиленно поддакиваем. «И для съемок остаются, – говорит, – только выходные дни и декретный отпуск!» Мы с Вокой выпали из кадра, вся студия легла, а Соловьев, так ничего и не поняв, несет дальше: «Ну а когда декрета не хватает, начинаем отпрашиваться у дирекции театра». Потом, после передачи, он пытался доказать нам, что говорил не декретный, а академический отпуск. В общем, утром здешний начальник управления культуры интересовался у Колеватова, в полном ли здравии Соловьев. Вторая передача запланирована на 14 августа, но после декретных дней Соловья не уверен, что они захотят нас видеть на экране.

Вчера вечером играли в карты на раздевание – с условием прийти к себе в номер в том виде, до которого проигрался. Митька Гошев** шел по двум этажам совершенно голый, упросив взаимы полотенце, чтоб им завернуть низ.

Сегодня воскресенье, 5 августа, День шахтера – пьяные уже с утра. Пьют здесь круглые сутки – все, что попало: шампанское с пивом под щи и так далее. К вечеру сегодня будет полная пьяность в городе.

Завтра выяснится с самолетами на Москву – ехать больше суток немислимо – наверное, полечу.

Кися! Осталось 2 недели. Приеду и почти 45 дней без работы.

Целую.

Твой

* Владимир Соловьев – старейший актер Театра имени Ленинского комсомола.

** Дмитрий Гошев – актер Театра имени Ленинского комсомола.

Вложено в конверт чужое письмо:

Уважаемый Александр Анатольевич!

Нехорошо, надо сдерживать данное слово. Да, Вы талант, и поэтому многое, очень многое Вам прощается. Это не упрек и не обида. Если это можно, с Вашего позволения, дружеский совет.

Александр Анатольевич, Вы потрясли меня своей игрой, и я просто хотела выразить Вам свою благодарность и свой восторг за доставленное мне эстетическое удовольствие. Мне просто хотелось поболтать с Вами, как выражаетесь Вы, узнать хоть немного о Вас как о человеке.

Извините меня за беспокойство. Разрешите пожелать Вам всего наилучшего в жизни, а самое главное – больших творческих успехов.

Счастливого пути Вам, прекрасный Александр Анатольевич.

Люда

Чудная девочка была во Львове – ходила за мной нежно и по пятам. Все время, до смешного, спрашивала меня, хорошо ли она поступает, шляясь за мной и даря цветы, ожидая после спектакля, – ведь у меня жена, и имеет ли она право «восхищаться мной». Я ей обещал довести до твоего сведения о ее существовании, и она успокоилась.

Это последнее послание – я очень ее обидел: побежал на почту, потом к Вовси и пришел в гостиницу перед самым отъездом на вокзал. А накануне сказал, что буду собираться дома все утро. Она сидела с цветами, как сообщили мне девки-соседки, Инка с Риткой, с десяти утра до двух дня около дежурной по этажу. Потом ушла, оставив письмо и дивный букет гладиолусов (такие длинные – это гладиолусы?)

Пойду завтракать!

9 августа 1962

Кис!

Юрка тоже купил транзистор – хлопот прибавилось. Транзисторы у половины театра – весь магазин целыми днями ходит в театр, а мы целыми днями бегаем их (транзисторы) менять – магазинные девицы в полной панике, идут на все, вплоть до преступления: меняют, заменяют, стирают номер. А поток ненасытных артистов не прекращается. Сегодня утром Юрка тоже поперся менять. Держусь (тьфу, тьфу, тьфу) пока я один, резонно считая, что каждый последующий приемник хуже предыдущего.

14 августа у меня здесь передача «Молодые артисты кино в театре».

Кончаем передачу сценой из «Чемодана». Вока говорит, что сцена поставлена молодым режиссером Ширвиндтом, который знаком вам по спектаклям таким-то и таким-то, сцены из кинофильмов которого вы сегодня уже видели в начале передачи и у которого сегодня исполнилось сыну Мише 4 года. Так что передай Мишке, что донецкие телезрители поздравят его мысленно вечером 14 августа.

С момента приезда из Львова не пил водки (9 дней) по двум причинам: убеждение себя в том, что бросил пить, и вторая – немыслимая жарища и невозможность думать об алкоголе. Завтра, очевидно, придется выпить на дне рождения у Нинки Палладиной.

Был сегодня на почте – ни одного письма. Являю собой благородство и пишу тебе без энтузиазма последнее письмо. Теперь хоть униженно пиши по десять в день – ответа не получишь. Хамство какое! Муж, понимаешь, в 40-градусной жаре мучается и скучает, а она, сука, считает количество строчек туда и обратно. Хорошо же, учтем!

Кис! Скоро приеду. Готовься быть хорошей и доброй – никакого занудства!

Целую. Жди. Скоро!

Письма из Челябинска и Новосибирска, 1963 год

Челябинск, 14 июня

Ну вот! Нет у меня даже ручки написать письмо – взял какой-то мочи у коридорной, пишу!

Город Челябинск не выдерживает никакой критики. Наш театр, как сама понимаешь, тоже!

В номерах тесно и нет телефонов. Сегодня 14-е число, а ощущение кошмара от гастролей уже наступило. Писать о впечатлениях не буду, ибо их нет. Единственное – приезд Горемыкина* с трубопровода Бухара – Урал. Провели яркие сутки вместе.

* Вилий Горемыкин – кинооператор.

Играю каждый день, а завтра начинаем пытку под названием «Лермонтов»*. Сегодня вечером худсовет, буду пытаться отказаться от роли – вероятия мало.

16-го числа вступаем в телевизионную студию со своим традиционным опусом «У вас в гостях артисты Театра имени Ленинского комсомола, знакомые вам по кинофильмам». Передача теперь у нас стала мощнее из-за Харитонова и Збруева.

Питаемся в обкомовской столовой (этот абзац особенно тщательно читай матери). Итак, питаюсь в обкомовской столовой – полный люкс.

Обед

Меню:

Салат из свежих огурцов – 12 копеек

помидоров – 12 копеек

Суп домашний с гренками – 8 копеек

Мясо тушеное с гречневой кашей – 10 копеек

Сок клюквенный – 7 копеек

Итого: 49 копеек

Вкусно! Питательно! Дешево! Чисто! Изжоги никакой (тьфу, тьфу).

Ужин (в гостиничных условиях)

Кефир – 2 р. 87 к.

Что придется – 2 р.

Завтрак – как можно больше молока для оттяжки.

Все, кроме обеда, – шутка!

Сегодня первый день жара и духота – это погибель: здесь пыль и беззеленье полное. Был холод – это было спасение.

Читаю книжки и газеты.

Сыну: про тормоз на самокате я знаю и при выборе его в магазине проверял тормоз в первую очередь. Игрушек в Челябинске нет, куплю в Новосибирске.

Племяннику: (см. сыну).

* Спектакль «О Лермонтове...», постановка Оскара Ремеза.

Матери: люблю, целую, скучаю, призываю к миру, отдыху и скучанию по мне!

Жене: (см. матери).

Теще: (см. жене).

Деду: вся надежда на деда!

Писать буду очень регулярно – раз в месяц – если за оный произойдет хотя бы одно событие, достойное моего пера.

Сын, отец, зять, муж – проездом из Москвы на дачу в городе Челябинске.

• • •

15 июня 1963

Куся!

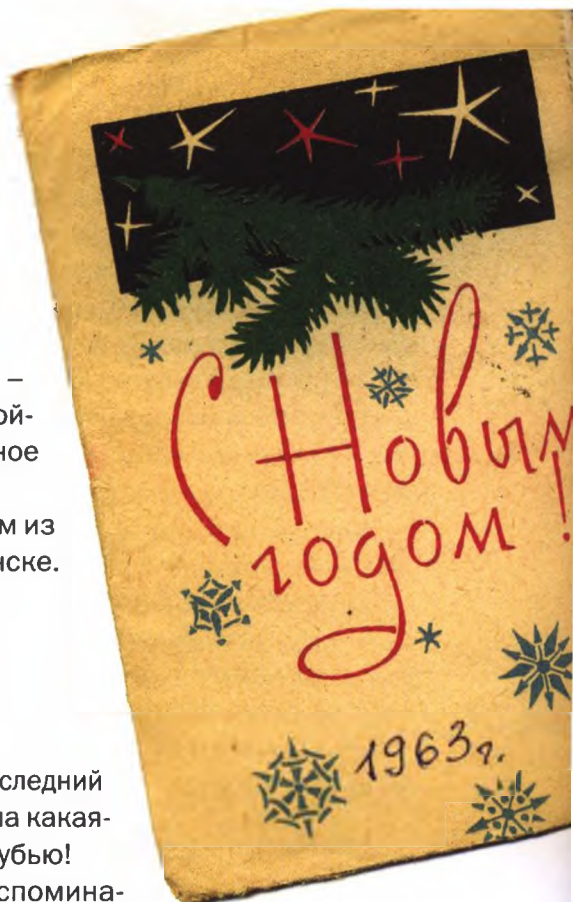
Не понравился мне твой голос последний раз по телефону – дрожь в нем была какая-то и нечистая совесть сквозила – убью!

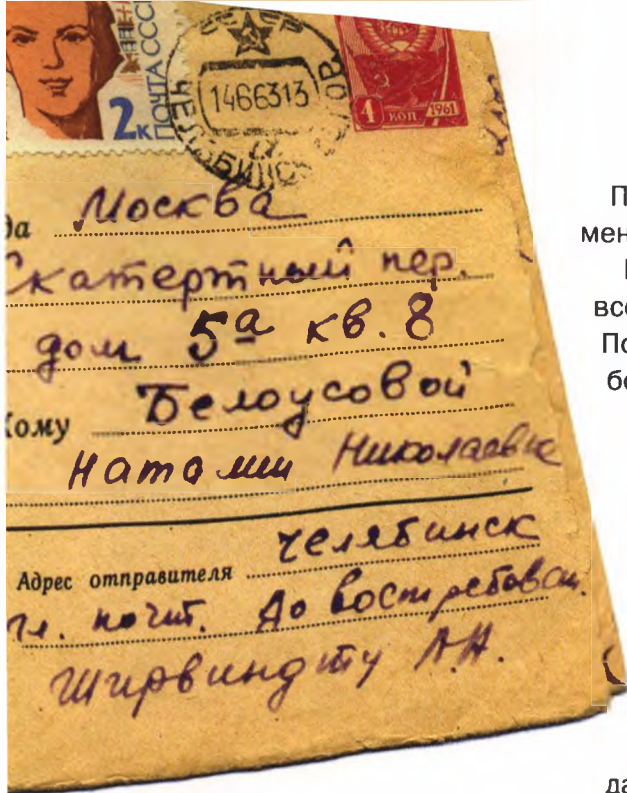
Ты меня любишь? Как сын? Вспоминает для проформы отца или даже не обозначает?

Новостей никаких, кроме тупой тоски. Каждое утро пытки под названием «Лермонтов», вечером спектакли. Премьера безобразия здесь 28-го числа. Всеми правдами и неправдами отбиваюсь от одной половины роли – от Грушницкого. Сдвиги есть, но поддержки мало.

Песочные брюки облил чернилами только что с ног до головы – нет же ручки у меня, беру у коридорных бутылку, которую и пролил. Положили их в хлорку, в тазик, лежат. Говорят, или пятна не будет, или брюк – их может совсем разесть.

Куся! Ты должна же понимать, кто я у тебя такой – любящий, нестандартный, не пошлый (самобытный) и скучающий, – учти это, пожалуйста.

Поцелуй всех дачных от
меня.

Поцелуй себя от меня во
все места, куда достанешь.
Постарайся достать по-
больше.

Скучаю.

Твой

P.S. Сегодня получали
по 10 рублей в обще-
стве по распростране-
нию знаний (играли
у них один концерт),
и в ведомости об-
наружил еще не ви-
данный донныне вариант

своей фамилии – А.А. Шармант (может,
взять себе такой игривый псевдоним?).

Без даты

• • •

Вчера было 40 градусов в тени! Вода не идет – хуже пытки не
придумаешь!

Звонил тебе целый вечер, замучил всю квартиру и телефонный
узел – где же ты шляешься? Просто неудобно перед сослуживца-
ми. Когда ты уезжаешь и уезжаешь ли вообще? С кем?

От Грушницкого удалось освободиться – ура! Пойду в борьбе
дальше. Хочу домой!

Никто не хочет стирать носки и трусы. Стираем в раковине и
материмся – вот до какого падения дошел твой единственный
муж. Больше того: зашил дырку впереди носка белыми нитками.
Носок торчит из босоножки, и все видно. Все смеются, а я горд!

Смотрел вчера «Журналист из Рима» – расстроился вусмерть: прелестная картина, а в таких случаях я всегда расстраиваюсь. Грустно.

Из Новосибирска я буду тебе звонить, наверное, под утро, ибо ты шлендраешь до 1 часу ночи, а разница во времени будет уже 4 часа. Ужас!

Ты только пойми, что все равно наступит момент и я войду в дверь по адресу: Москва, Скатертный переулок, 5 а, кв. 8, и внимательно посмотрю на твою мордочку. И если ты к тому времени не приобретешь профессионализма, то я все по ней (мордочке) увижу. Пусть эта мысль тебя преследует повсеместно.

Было время, когда ты мне писала письма почти каждый день и даже в одностороннем порядке. А здесь за три недели одна писулька – знаменательно!

Жду объяснений, возврата чувств, жажду мщениа.

Твой (пока что)

• • •

**Из Новосибирска в Ригу,
3 июля 1963**

На листе картинка: «Москва. Проспект Маркса».

Ну вот я и в Новосибирске (не обращай внимания на картинку).

Городишко как будто почище и поширше Челябинска. Не успел еще понять, так как вчера вечером приехали, а утром уже спешу писать тебе (чего не могу сказать о твоём рвении – мне на почте ничего нет, а я так люблю получать письма сразу по приезде в город).

Живем в гостинице «Новосибирск». Телефоны в номерах городские, то есть не через коммутатор, а индивидуально в каждый номер.

Учи, что звонить надо из расчета разницы во времени 4 часа.

Москва. Проспект Маркса

бу Сов 2 и С
Новосибирск (не
спрашивает
не регистриру)
Террико, как
будно, помеще и
помеще Волл-
Линса, не ушел
еще нешел, в.т.
Виде Сидорова сур -

схэм, а учтом уже сию
маса себе (нео по делу статьи
о главн рвенн. мне не ште
идело не, а я так могло
получать иссома гурку по
цуме в сур.) Навлеи
с Ошавлен в воспомин
и новосибирск - 224 - кемпера
в домгах городские, в.т.
не ште коммуниста, а ште
виручавно в коммунист
комму.

Я, конечно, понимаю, что в вихре сильных и свежих впечатлений, да еще в такой прелести, как Прибалтика, я стушевался и отъехал на 24-й план. Посему не буду изливаться в тоске и любви, чтобы не показаться смешным и непонятным.

Просто в порядке справки хочу сообщить тебе, что сегодня у нас в Новосибирске 3-е число – июля. Еще месяц и один день здесь придется вкалывать, но все-таки перевалило на вторую половину гастролей, и чуть-чуть забрезжил финал.

Ну, целую – напиши, позвони, не забывай.

Твой

• • •
9 июля 1963

Жена! Заблудшая гулена! Туристка моя сраная! Щенок мой вшивый, но родной!

Я пишу, а ты едешь домой – завидую тебе по-страшному.

Как тебе не стыдно так надолго бросать мужа своего единственного, можно сказать, и уникального. Вот другие жены, как я наблюдаю, пишут, пишут, пишут. А я хожу, хожу, хожу – и ни хера путного. Это что же получается, за все ультравпечатлительные гастроли в Таллине и Риге – 1 (одно) письмецо! Хулиганка!

Любопытная история. Новосибирск считается второй столицей, а ручки шариковой зарядить негде – не знают, что это такое. А рядом, в научном городке, кибернетическая машина, которая все может. Вот как!

Сегодня у нас вечер 9-го числа, а завтра буду звонить тебе. Веди себя хорошо! Приласкай семью, а то они совсем там (судя по прогнозам) сгнили на даче (а у нас за второй месяц сибирской ссылки не было меньше 30 градусов). Где справедливость?

Пиши чаще!

Целую, скучаю.

Письма из Перми, 1964 год

10 июля

Вчера с триумфом сыграл «Чемодан» вместо Богачева. Играл педераста в рыжем дамском парике. Сорвал миллион оваций. Что ни день – радую пермяков и пермячек творческими победами. В остальном все довольно тускло: жарко, заболела Ольга Яковлева. К ней подошел здешний профессор и походя сказал, что после таких радиоактивных городов, как Пермь и Свердловск, и думать нельзя о юге, чем привел в панику 3/4 трупы.

Весточки с трассы

Река Кама к купанию не приспособлена – грязно, холодно, опасно!

Пришли мне Мишкину карточку – только не ту, которая тебе нравится, а ту, которая мне нравится, то есть ту, которая тебе не нравится. Пусть он мне сам что-нибудь напишет. И вообще намекай ему изредка, что у него в принципе есть отец.

Обкомовская столовая работает на коммунистических основах – поел, из холодильника взял какой хочешь компот, сок, кисель, минеральную воду, к большой тарелке подошел, там деньги разные навалом. Рядом меню и счета. Посчитал свой обед и расплатился сам с собой. Наша труппа делится на три неравные категории:

- 1) поев, кладут в кассу немного денег,
- 2) поев, берут из кассы немного денег,
- 3) в слезах от умиления часами высчитывают свой обед и расплачиваются точно.

1-я группа – 35 процентов от всей труппы,

2-я группа – 64 процента,

3-я группа – Аркаша Вовси.

• • •

14 июля 1964

Уж лучше бы не говорить с тобой по междугородной связи – огромная трата времени, нервов и денег. Ну что за манера эдакого холодно-презрительного равнодушия? Что за уши там вокруг тебя, которые не дают возможности нормально поговорить с далеким, усталым мужем. Дабы впредь подобного не повторялось, пишу тебе схему – образец телефонного разговора:

Я: Киииис!

Ты: Киииииииииис! (Глубокий радостный вздох, переходящий в счастливый тихий смех.)

Я: Ну, как там?

Ты: Родной мой, любимый, я скучаю безумно, все время плачу (ударение на «а»), жду. Ночами мне снится твой гибкий стан.

Днями, когда я вижу своих недоношенных любовников, я закрываю глаза, и передо мной тут же встает (не пугайся) твой облик – худой, ласковый, единственный и гениальный.

Я: Киис!

Ты: Я пишу тебе по три письма в день. Там – все, все. По телефону я не могу сказать тебе, как я тебя хочу, как тебя целую и куда, какая я хорошая и верная.

Я: Ну, Кис!

Ты (плачешь): Нет! Мне не хочется плакать! Я слышу твой голос, ты со мной, ты мой, я верю тебе, я буду верить себе, я буду бороться с соблазнами, какими бы сильными они ни были.

Я (молчу).

Ты (молчишь).

Молчим 3 минуты
27 секунд (всего на
83 копейки).

Я: Ну, Кис!

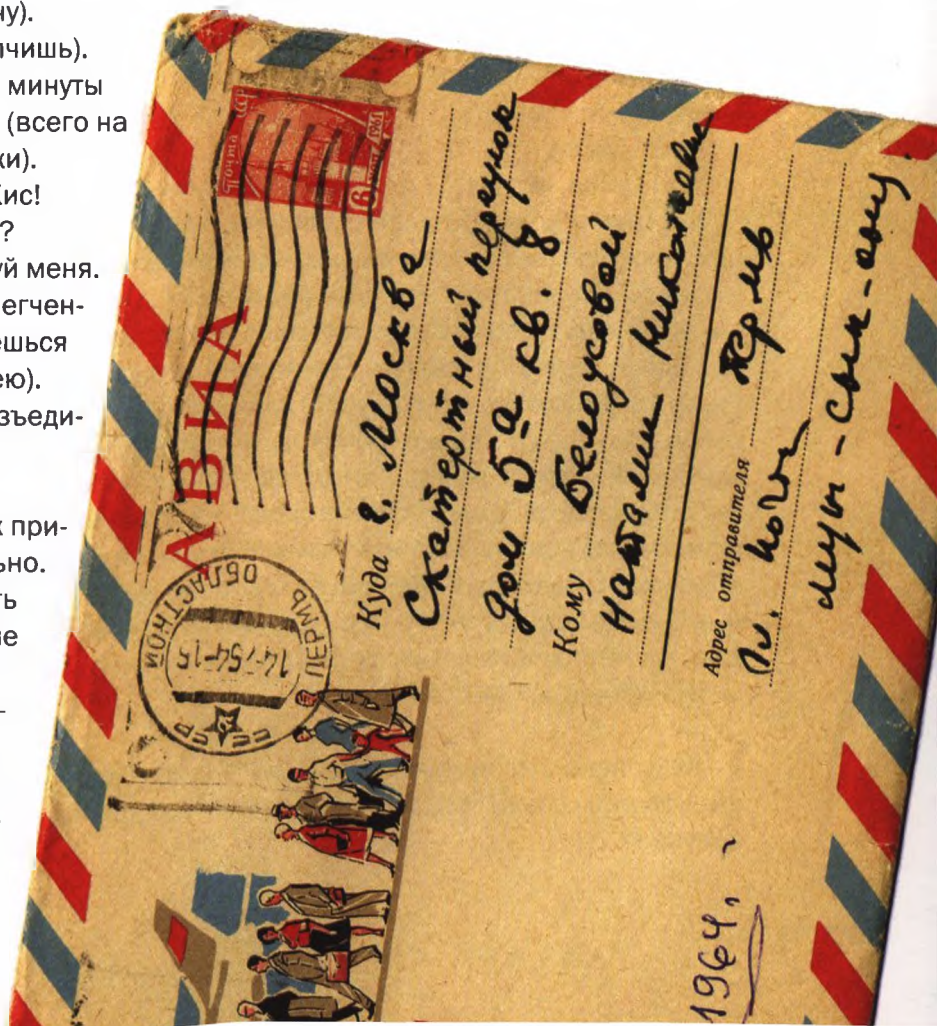
Ты: Что?

Я: Целуй меня.

Ты (облегченно бросаясь мне на шею).

Нас разъединяют.

Вот так приблизительно. Могут быть небольшие варианты только последнего куска. Остальное – эталон.

Сегодня у нас 14-е, вечером передача про кино.

Жара страшнейшая. Делать по утрам нечего. Завтра начинаем репетировать Брехта – еще не легче!

Целую тебя.

Пиши чаще, ладно? А то грустно здесь.

Твой!

• • •

16, 17 июля 1964

Кыся! Жарко! Сегодня 16 июля, дня недели не знаю – все равно. У нас здесь переполох, отправили в Москву Олю Яковлеву. Играть некому «104 страницы про любовь», а заменять ни в коем случае не хотят (почерк корявее обычного не потому, что я пьян, а потому, что лежу).

Кися! Мать!

Вот! Встал, но уже 17-е число, 18:30 по местному времени.

«За окном шумит предпраздничная Пермь, оживленно на улицах, город живет беспокойным, бурным ритмом, весь как бы умываясь и одеваясь грядущим радостным днем. То здесь, то там слышны смех, веселые голоса, песни, на улицах и в скверах. Много улыбок, цветов и пьяных. Почти все предприятия города встали на стахановскую вахту в честь славной годовщины. Вчера нам сообщили, что на родине юбиляра, в городе Чердыни, состоялся массовый митинг заключенных, на котором под восторженный гул собравшихся было принято решение о закладке в Чердыни, на месте, где стояла любимая конюшня юбиляра, чуть за гумном, обелиска с надписью «Великому соотечественнику от благодарных чердынцев!». В самой Перми трудящиеся требуют переименовать гостиницу «Семиэтажка» в «Общежитие имени Ширвиндта».

(Из «Вечерней Перми» от 15.07.)

Закуплено 7 бутылок коньяка, 12 – сухого вина, будет куплен сыр, огурцы, помидоры, колбаса, немного сладкого. А-ля-фуршет эдакий.

Посылаю рецензию на «Годы странствий», чтобы у вас не сложилось впечатления, что здесь хвалят все подряд.

Муж. Целую. Сын.

1934–30–1964

Получил с Софьей (Гиацинтовой) благодарность с занесением в личное дело!

Все, что меня сегодня окружает, – все другое. Москва уже не моя. Дворы не мои. Лица чужие. Правда, на Арбат, в районе Щукинского училища, еще иногда выползают знакомые старухи москвички. Ищут, где купить хлеба. А негде. Вокруг – бутики. Нет того города, где прошла моя жизнь. Проходные дворы моей биографии привели меня в тупик.

Кем бы ты ни был в молодости – оптимистом или пессимистом, наивным или реалистом, радужным или сумрачным, все равно с возрастом становишься брюзгой. И чем дальше, тем все брюзжее и брюзжее. Главное, сам это чувствуешь, но ничего не можешь с этим поделать.

Накопление всеядности приводит к паническому раздражению, а тут и до ненависти – рукой подать.

Я себя ненавижу! Ненавижу необходимость любить окружающих, ненавижу все время делать то, что ненавижу, ненавижу людей, делающих то, что я ненавижу, предметом творческого вожделения.

Ненавижу ненависть к тому, что вообще никакой эмоции не заслуживает.

Я ненавижу злых, скупых и без юмора. Социальная принадлежность, политическая платформа, степень воровства меня совершенно не волнуют. Воруй, но с юмором. Фашист, но дико добрый.

Я думаю, характер человека складывается уже месяцам к трем. Но у меня почему-то не сложился до сих пор, поэтому о себе

говорить трудно. Я, например, незлопамятный. Это плохо, потому что благодаря злопамятности можно делать выводы, а так – наступаешь на одни и те же грабли.

Я процентов на 80 соответствую самому себе. Процент этот в течение жизни не менялся. Но последнее время я стал эту цифру формулировать. Чего делать нельзя. Вообще нельзя ничего говорить всерьез вслух. Особенно употреблять слова «кредо» или «гражданская позиция». Любая формула – это смерть.

Я находчив. Мне сказал об этом не самый добрый человек – Андрюша Битов. На очередном юбилее, на котором я нашелся, чего-то вякнул, подошел ко мне Андрей: «Тебе не надоело быть круглосуточно находчивым?»

Сколько украдено у меня профессионалами. Услышанное, увиденное, запомненное у простодушно-застольных словоблудов типа меня сделали многим биографию, а тут по глупости помрешь в безвестности.

Я со всеми на «ты». В этом моя жизненная позиция. На «ты» – значит, приветствую естественность, искренность общения. Это не панибратство, а товарищество. Кроме того, я сегодня старше почти всех. Помню, у нас была хорошая партийная традиция – коммунисты все называли друг друга по отчеству и на «ты». «Григорич, как ты вчера?» Или: «Ну ты даешь, Леонидыч!» Очевидно, это у меня от времени застоя.

Я умею слушать друзей. У друзей, особенно знаменитых, – постоянные монологи о себе. Друг может позвонить и спросить: «Ну, как ты? А я...» – и дальше идет развернутый монолог о себе. Это очень выгодно, когда есть такой, как я, которому можно что-то рассказывать, не боясь, что тебя перебьют. И потом я – могила. Когда я читаю современную мемуаристику, особенно про то, где я был и в чем участвовал... Если все, что я знаю, взять и написать...

Поздно менять друзей, ориентацию и навыки существования. Смысл существования – в душевном покое и отсутствии невыполненных обязательств. Но обязательства все время нахлестывают. Кажется: вот это сделаешь и это – а дальше покой и тишина. Нет – появляются новые.

Иногда думаешь: ой, пора душой заняться. Пора, пора. А потом забываешь – обошлось, можно повременить.

Верить мне поздно, но веровать... И хотя я воспитывался атеистом, с годами прихожу к выводу, что есть Нечто. Нечто непонятное. Не от инопланетян же оно.

Глупо, когда вчерашнее Политбюро начинает истово креститься.

Любая вера – марксистская, православная или иудейская – с одной стороны, создает какие-то внутренние ограничения, а с другой – дает какую-то целенаправленность развитию организма. Самое главное: молодой особи она дает этакий поджатый хвост. Нельзя жить безбоязненно. Нельзя ничего не бояться с точки зрения космического – там непонятно что. И нельзя не бояться, когда переходишь улицу. А сейчас никто ничего не боится.

Какой красочный религиозный театр, как выпущенный дух из крепко закупоренной бутылки, царит сегодня над безграмотно выхолощенной толпой. Я, получающий совершенно законно приглашения и поздравления от всех религиозных конфессий, постепенно становлюсь религиозным космополитом, что меня, с одной стороны, настораживает, а с другой – успокаивает. Действительно, сложно быть религиозно цельным, если мама – под родовой одесской фамилией Кобиливкер, папа – Теодор Ширвиндт, сменивший имя на Анатолий, боясь своих немецких корней, а я с рождения до почти половозрелого возраста пребывал в церкви на руках у моей любимой няньки Наташи, которая меня воспитывала. Перед смертью она все-таки на ушко призналась мне, что я тайно крещеный. Так что с полным правом я посещаю костелы, церкви и синагоги. Некоторая напряженка с мечетями, но если посоветоваться с директором нашего театра Мамедом Агаевым...

К старости вообще половые и национальные признаки как-то рассасываются.

Я глубоко пьющий и активно матерящийся русский интеллигент с еврейским паспортом и полунемецкими корнями. Матерюсь профессионально и обаятельно, пью профессионально и этнически точно, с женщинами умозрительно сексуален, с коллегами

вяло соревновательно тщеславен. Но умиротворения нет. Значит, увы, философа, даже местечкового, из меня не образовалось. А образовался среднестатистический мудака. Обидно к финалу существования.

Кто-то на очередном моем «столетии» продекламировал довольно точно:

Стоит юбиляра, от тоски зеленея, –
Боится, что станем шутить.
Он столько чужих отпахал юбилеев,
Что надо ему откатить!

Он с трубкой по жизни проходит, как Сталин.
Но разницу всяк ощутил:
Ведь Шура при этом лишь ставил и ставил,
А Сталин – садил и садил.

Не скажем ни слова по поводу мата –
Про то ушутились уже!
Но больше, чем в зданьях, построенных Татой,
У мата его этажей.

Конечно же, он не Шекспир и не Шиллер,
Но всё ж дарованьем не мал!
Поэтому в список писателей Ширвиндт
Себя полноправно вписал.

Прекрасный отец он и дедушка клёвый!
Пусть вялый, но член СТД!..
Желаем мы Шуре хорошего клёва,
Напора в струе и т.д.!..

Что-то к концу жизни стал остро разочаровываться в планете.
Вечное, многовековое удивление: зачем живем?

Пи...ц! Времени, отпущенного на жизнь, оказалось мало. С одной стороны. А с другой – зачем копить эту уходящую экологию, не зная, зачем?

Как-то меня спросили: если бы у меня была возможность после смерти вернуться в виде какого-то человека или вещи, что это было бы? Я ответил: флюгер. У Саши Черного в стихах есть два желания: «Жить на вершине голой, / Писать простые сонеты.../ И брать от людей из дола / Хлеб, вино и котлеты». И второе: «Сжечь корабли и впереди, и сзади, / Лечь на кровать, не глядя ни на что, / Уснуть без снов и, любопытства ради, / Проснуться лет чрез сто».

*В книге использованы материалы из фондов ГЦТМ
им. А.А.Бахрушина (ф. 276, оп. 1, № 2) и документы из личного
архива автора.*

Литературно-художественное издание

Александр Анатольевич
ШИРВИНДТ

Проходные зборы биографии

Фото на 1-й сторонке суперобложки *Е. Мартынюк*

Выпускающий редактор *В. Краснощекова*

Редактор *Ю. Ларина*

Технический редактор *Л. Сеницына*

Корректоры *Н. Соколова, Т. Филиппова*

Компьютерная верстка *А. Трифонов*

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Издательство КоЛибри»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, набережная Робеспьера, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1

Подписано в печать 24.01.2014.

Формат 70 × 100 1/16. Бумага мелованная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,16. Доп. тираж 3000 экз.

N-OKR-12682-03-R. Заказ № 7226/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

В Харькове:

ЧП «Издательство «Махаон»
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

 The
Seattle
Public
Library

0 01 00 8270703 4

Это не литература и не скрупулезная биографическая справка. Это – чехарда воспоминаний.

Что я такое? Рожденный в СССР, доживающий при социализме с капиталистическим лицом (или наоборот).

Я думаю, что клонирование придумал Гоголь в «Женитьбе»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...» Так вот, если бы это – сюда, а это – сюда, так, к сожалению, не получается. С клонированием собственной биографии не складывается. Какой уж получился! Терпи!

Итак, «Проходные двory биографии». Маршрут простой: от самого начала, от родильного дома, до, слава богу, пока не самого конца.

Захотелось ностальгически пройтись «проходными двoryми биографии». Если по возрасту наткнемся на склеротический шлагбаум, обойдем другими двoryми.

Зачем это надо? Во-первых, чтобы нынешние не повторяли наших ошибок и, во-вторых, чтобы срочно захотели бы их повторить...

Александр Ширвиндт

